

СМЕНА

февраль 2004

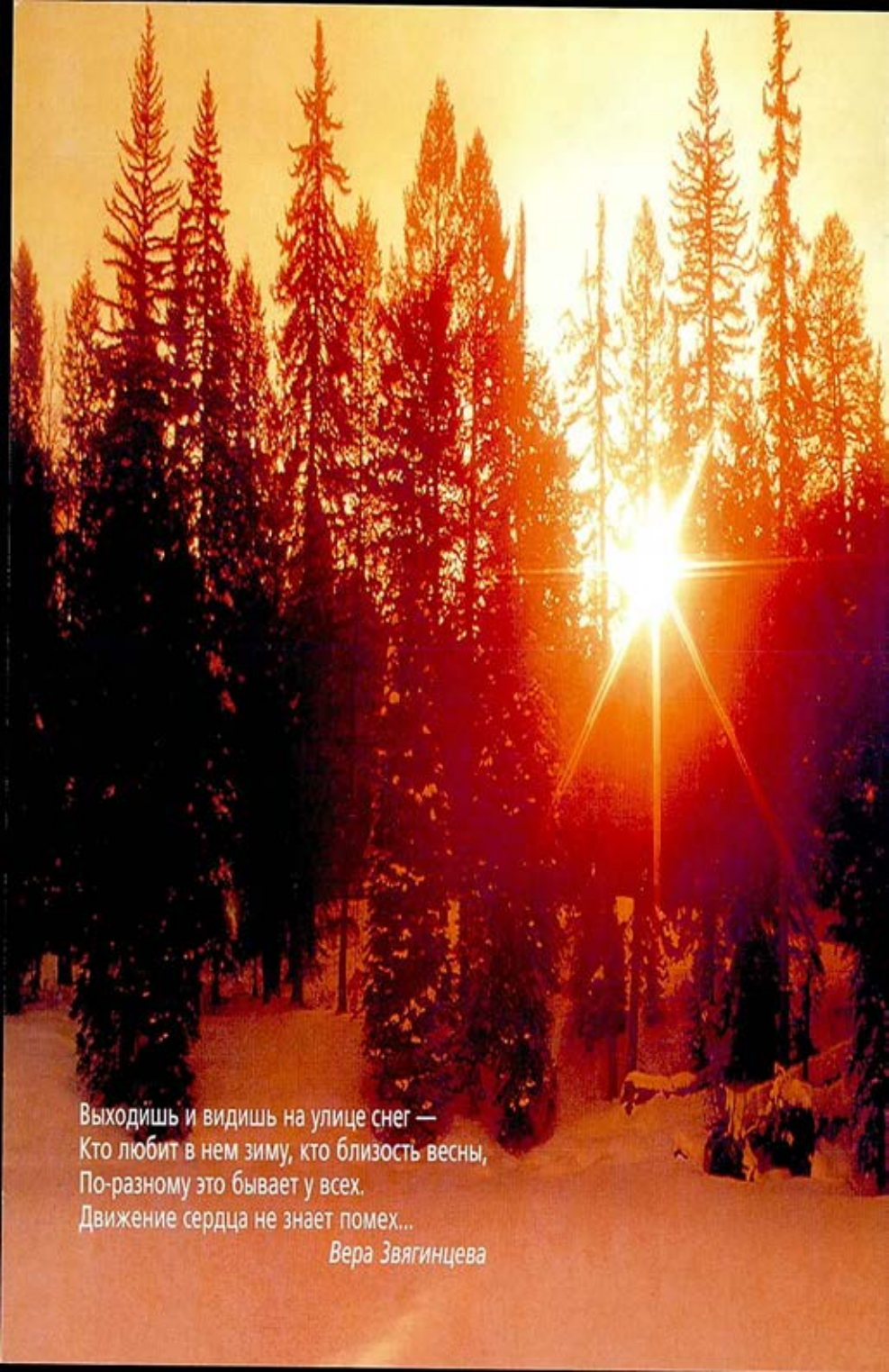
144 Не надо пива, ребята!

110-126 Измена мужа — дело обычное?

127-179 Молодой бульвар

135-140 Не спешите, девочки, В...

Выходишь и видишь на улице снег —
Кто любит в нем зиму, кто близость весны,
По-разному это бывает у всех.
Движение сердца не знает помех...

Вера Звягинцева

главный редактор

Михаил
Кизилев

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

2 2004
февраль (1672)

Сдано в набор 15.12.2003.
Подписано к печати 22.01.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 7942
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

В НОМЕРЕ: **У**
февраль '2004

наследие веков

Ирина Опимах
4 Фрида Кало
Игорь Опарин
20 Аджанта

издалека

Любовь Русева
26 Диктатор Москвы

женщина и мужчина

Светлана Бестужева-Лад-
110 Семейное шоу

▼ стр. 140

стр. 4 ►

стр. 20 ►

стр. 164 ►

детектив

Андрей Дышев
36 Диссертант

расследование

Игорь Гамаюнов
180 В петле беззакония

◀ стр. 154

▼ стр. 26

молодой бульвар

Екатерина Постникова
128 Ярмарка двуногих

Анна Шеркунова

135 Молодые,
да ранние...

Анастасия Пискунова

140 Пиво пить —
здоровью вредить?

Бертран Вьедливый

144 Путевые заметки
пижона и экстремала

Полина Теслер

148 А у нас сосед играет
на кларнете и тубе

Николай Нуракин

154 «В хоккей играют
настоящие мужчины»

Екатерина Нечаева

159 Служба доверия

Рассказ

Федор Бондарчук:

164 «Ценю в людях
преданность и
доброту...»

Рут Рэнделл

ОТ ДУНА СО СМЕРТЬЮ

Романы английской писательницы Рут Рэнделл отличаются не только увлекательными и загадочными сюжетами, но и ее попыткой проникнуть в глубины человеческих взаимоотношений, особенно не совсем традиционных. Так и в предлагаемом вашему вниманию романе «От Дуна со смертью» за исчезновением, казалось бы, не красивой и вполне заурядной миссис Парсонс таятся сильные страсти, чувства и эмоции, приведшие таинственного героя к убийству.

март 2004

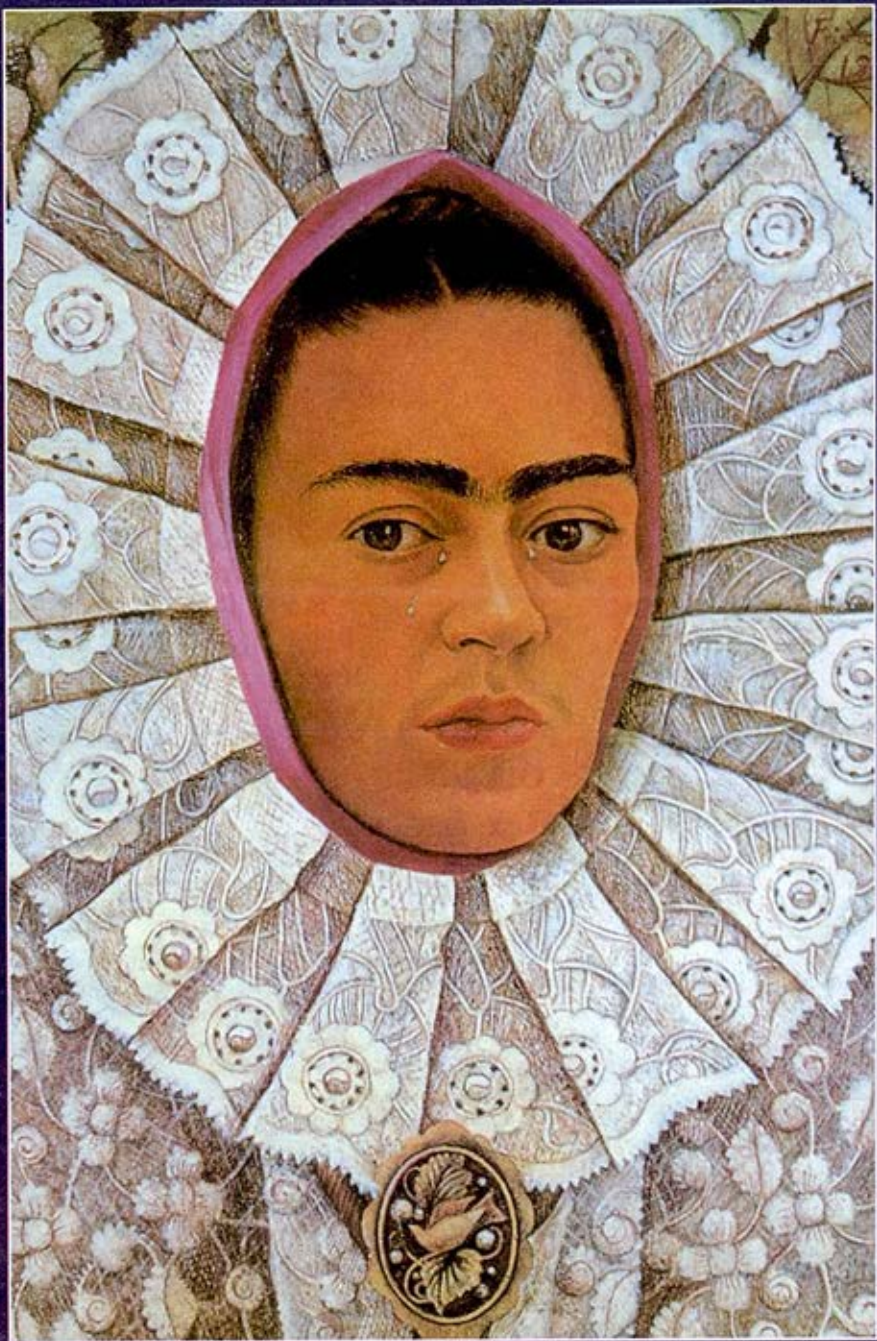
АНОНС: Э

■ Она была талантлива во всем: умная, красивая, одна из самых ярких художниц XX века. Прожила жизнь, наполненную страстями, озарениями, взлетами и падениями, и смогла обрести любовь, осветившую все ее творчество.

Фрида Кало родилась 6 июля 1907 года (спустя много лет художница повесила в своем доме табличку: "Здесь 7 июля 1910 года родилась Фрида Кало" — ей так хотелось родиться вместе с новой Мексикой, в первый день мексиканской революции). Ее отец, прекрасный фотограф Вильгельм Кало, сын венгерских евреев, осевших в Германии, приехал в Мексику в 1891 году и, сменив немецкое имя на испанское — Гильермо, прошел трудный путь эмиграции. Кем он только не был — и кассиром в посудной лавке, и продавцом книг, работал в ювелирном магазине "Жемчужина". Здесь, в "Жемчужине", он и нашел свою жемчужину — Матильду Кальдерон, на которой женился после смерти первой жены, умершей от родов. Матильда была невероятно хороша — огромные темные глаза, полные чувственные губы, волевой подбородок. Она — старшая из двенадцати детей Исабель Гонзалес, внучки испанского генерала, и фотографа Кальдерона, в чьих жилах текла кровь индейцев. Наверное, Кальдерон и уговорил Гильермо уйти из магазина и открыть фотоателье. (Позднее Фрида всех своих родственников изобразила на картине "Генеалогическое древо".) Фрида говорила, что ее мать была хоть и неграмотна, но умна, а недостатки образования восполняла религиозностью. Трудно представить, что могло связывать получившего образование в Нюрнбергском университете еврея-атеиста Кало и набожную Матильду, но все признавали, что, как ни странно, этих двух молодых и красивых людей связывала настоящая любовь.

Через три года после рождения Фриды в стране разразилась революция. Когда в 1910 году Порфирио Диаса после тридцати лет президентства в очередной раз избрали президентом, его соперник, либерал Мадеро, поднял восстание, склонив на свою сторону народных вождей Сапату и Вилью. Президента вынудили отказаться от власти. 25 мая 1911 года он ушел в отставку и эмигрировал. "Помню, что мне было четыре года, когда наступили трагические десять дней", — писала спустя много лет в своих дневниках Фрида. — Я собственными глазами наблюдала бой крестьян Сапаты с карранчистами... Моя мать открыла окна, выходящие на улицу Альенде. Тем самым она открыла путь сапатистам и они, голодные и раненые, попадали через окна в гостиную. Мать перевязывала их раны и давала толстые лепешки — тортилью, единственный вид пищи, доступный в те дни в Койоакане... В 1914 году пули так и свистели. У меня до сих пор стоит в ушах этот невероятный звук..." Так революция вошла в жизнь Фриды.

Для семейства Кало бурные события в стране стали большим несчастьем. Правительство Диаса делало сеньору Гильермо большие заказы, что давало хороший заработок — именно на эти деньги семья Фриды приобрела удобный дом в модном районе Койоакана, тот самый знаменитый, вошедший в историю "Голубой дом" (его стены были выкрашены голубой краской), в котором Фрида прожила большую часть своей жизни и где окончились ее дни. Падение правительства Диаса и последовавшая затем гражданская война, тянувшаяся десять лет, резко подорвали благосостояние Кало. Заказов на фотографии станови-

Автопортрет. 1948.

лось все меньше, а жить — все труднее. А у Гильермо и Матильды уже четверо дочерей — Матита, Адри, Фрида и Кристи.

Маленькая Фрида была шустрой шалуньей. Живая, своевольная, она устраивала маленькие и большие безобразия, но при этом оставалась любимицей родителей.

Когда ей исполнилось шесть лет, в ее жизнь пришла первая беда — полиомиелит. Девять месяцев девочка провела, прикованная к постели, испытывая сильные боли. Когда же врачам удалось ее вылечить, ей предписали постоянные занятия спортом. Гильермо, обожавший дочь, тщательно следил, чтобы она не забывала о тренировках, и Фрида с удовольствием и азартом играла в футбол, занималась боксом, борьбой и плаванием. Однако, несмотря на все усилия, болезнь не уходила. "Нога оставалась очень тонкой. Вначале я думала, что шутки насчет моей ноги не будут меня волновать, но потом они стали меня обижать, и чем дальше, тем больше". Дети часто бывают жестокими. "Фрида, деревянная нога", — неслоь ей вслед, и она надевала на больную ногу по три-четыре чулка, носила брюки, чтобы скрыть увечье. "Она отличалась великолепной координацией движений и изяществом. А когда шла, то немножко подпрыгивала, и казалось, что она летит, словно птичка", — вспоминает детская подруга Фриды Аурора Райес. Вернувшись в школу, Фрида остро ощутила свою ущербность. Гордая, умная и независимая девочка стремилась всем

доказать, что она не хуже, а может быть, и гораздо лучше всех, кто ее окружал.

В 1922 году Фрида, покинув родительский дом, уехала в Мехико и поступила в Национальную подготовительную школу, лучшее учебное заведение в Мексике того времени. Скорее всего, Матильда не хотела, чтобы дочь уезжала в столь опасное место, как Мехико, но на этом, видимо, настоял Гильермо: так сложилось, что у него не было сыновей, и все свои надежды он связывал с Фридой, чувствуя в ней силу характера и незаурядные способности. Фрида блестяще сдала приемные экзамены и, став студенткой, выбрала курс, подготавливающий ее к поступлению на медицинский факультет университета.

В школе ученики собирались в группы по интересам — одни занимались философией, другие — науками, третьи — литературой и искусством. Многие увлекались политикой, читали Маркса, иные же — наоборот, защищали буржуазные ценности, церковь. В школьных коридорах и на страницах студенческих журналов шла острая идеологическая борьба. У Фриды — друзья в разных группах, но самые близкие — в группе "Качучас". Эта бойкая компания из семи мальчишек и двух девиц славилась в школе своими проделками, образованностью и едкими шуточками. Понятно, их не отличала особая почтительность по отношению к преподавателям. Так, Фрида могла обратиться к директору школы с просьбой выгнать того или иного учителя: "Он не понимает, о чем говорит, а когда мы задаем вопросы, не может ответить. Давайте его уволим, обновим преподавательский состав".

В 1922-м году нескольким художникам предложили расписать стены школы. И конечно же, эти художники, среди которых оказался и Диего Ривера, и их росписи тут же стали объектом насмешек членов "Качучас". Особенной "популярностью" пользовался Ривера, тридцатилетний толстяк, обожавший поболтать во время работы и, несмотря на внешность, напоминающую жирную жабу, обладал огромным обаянием. Обычно он носил огромную ковбойскую шляпу, большие черные башмаки, мятые брюки и широкий кожаный ремень — выглядело это все весьма впечатляюще. Риверу часто сопровождали разные красотики. Одна из них — Лупе Марин (на ней он потом женился). Другая — модель и художница Науи Олин. Фрида обожала, спрятавшись в темном уголке у колонны, кричать, если рядом с Диего на лесах находилась Лупе: "Эй, Диего, а вот и Науи!", а если рядом с художником работала Науи: "Осторожно, Диего, Лупе идет!"

В своей книге "Мое искусство, моя жизнь" Ривера рассказывает, как он впервые встретился с Фридой: "Как-то вечером, когда я работал высоко на лесах, а Лупе сидела и скучала внизу, раздались громкие крики и стук в дверь. Потом дверь распахнулась и влетела девочка, на вид не старше десяти-двенадцати лет. Она была одета точно так же, как все другие ученицы, но ее манеры сразу выделяли ее из общей массы. В ней чувствовались необычное достоинство и уверенность в себе, а в глазах горел странный огонь. Ее красота была еще совсем детской, но грудь уже вполне развита. Она посмотрела прямо на меня.

— Я вам не помешаю, если посмотрю, как вы работаете? — спросила она.

— Нет, юная сеньора, я буду счастлив, — ответил я.

Она села и молча смотрела на меня, а ее глаза бежали за моей кистью. Через несколько часов в Лупе проснулась ревность, она начала оскорблять девочку, но та не обращала на нее никакого внимания. Девочка провела в зале около трех часов. Когда уходила, сказала лишь "Спокойной ночи". Через год я узнал, что именно ей принадлежал голос из-за колонны, и что ее зовут Фрида Кало. Но мне и в голову не приходило, что она станет моей женой".

Да, Фрида тогда уже восхищалась Диего, но влюбилась в беспорочного лидера "Качучас" Алехандро Гомеса Ариаса. Алехандро, блестящий ученик, оратор, спортсмен, да еще и красив — высокий лоб, аристократический профиль, красивый рот, внимательные выразительные глаза плюс ироничность и легкая развязность — действительно неотразим. Он непринужденно рассуждал о Прусте и политике, живописи и школьных событиях, играл словами, презирал глупость, ограниченность и призывал своих друзей посвящать жизни великому будущему Мексики. Алехандро сразу ощутил ум, незаурядность и независимость характера Фриды. Будучи старше Фриды, опекал свою юную подружку. После занятий они прогуливались, обсуждая все, что их волновало, а когда расставались, писали друг другу письма.

Закончив школу, Фрида сразу стала искать работу — надо помогать семье. Она работала кассиршей в аптеке, но у нее все время возникали недостатки, и ей приходилось докладывать свои деньги. Потом недолго вела записи в ломбарде, училась на курсах машинописи, работала на фабрике, а затем поступила на обучение в граверную мастерскую друга отца Фернандо Фернандеса. Фернандес учил Фриду рисовать, поручая ей делать копии с работ известных художников. Именно он первым обнаружил, что у девушки, как он выразился, "огромный талант".

Фриде — 18 лет. Она уже взрослый, зрелый человек. На фотографиях того времени мы видим яркую, со своеобразной красотой девушку, в ее взгляде — ирония и независимость, а еще уверенность в себе. При этом она одета в наряды, совсем не соответствующие моде тех лет, прячет тонкую правую ногу за левой. Часто на ней мужской костюм, в руках трость. Нет, это не невинное дитя, она уже кое-что знает о жизни...

В 1925 году ее настиг еще один удар судьбы. Катастрофа случилась 17 сентября. Мексика только отметила День независимости. Алехандро и Фрида с трудом влезли в полный автобус и заняли два места сзади. Вдруг на повороте в автобус врезался трамвай. "Трамвай ударил автобус прямо в центр, — вспоминал Алехандро. — Я остался под вагоном. Фрида — нет. Но один из железных обломков вагона, какой-то поручень сломался и проткнул Фриду насквозь, от одного бока до другого, на уровне таза. Когда я смог встать, я выбрался из-под вагона. У меня не оказалось ран, только ушибы. Конечно, первым делом я стал искать Фриду. Фрида — с нее сорвало одежду — была совершенно голый. Кто-то в автобусе вез с собой пакет сухой золотой краски. Он порвался, и золотой порошок покрыл окровавленное тело Фриды. Люди кричали: "Балерина, балерина". Я поднял ее и с ужасом увидел, что из ее тела торчит кусок железа. Какой-то мужчина сказал: "Надо это вытащить". Когда он вытаскивал железку, Фрида так кричала, что ее голос перекрывал вой сирены машин "Красного Креста"...Я думал, она умирает. Ее отвезли в больницу "Красного Креста"...Состояние было настолько тяжелым, что врачи не надеялись ее спасти. Думали, она умрет на операционном столе. Тогда ее оперировали в первый раз".

У Фриды три перелома позвоночника в области поясницы, сломаны ключица, третье и четвертое ребра. Правая нога сломана в одиннадцати местах, правая ступня раздроблена и смещена. Таз сломан в трех местах. Стальной поручень прошел в левый бок и вышел через влагалище. "Я лишилась девственности", — говорила она. Придя в сознание, Фрида попросила, чтобы позвали родственников, но к ней никто не пришел. Мать, узнав об аварии, на месяц лишилась дара речи, а отец от расстройства тяжело заболел. Сестра Адриана потеря-

ла сознание. К Фриде пришла только Матильда, несколько лет назад сбжавшая из дома с любовником и с тех пор не видевшая никого из родных. Она узнала о несчастье из газет и тут же прибежала к сестренке. В палате лежали еще двадцать пять человек, за всеми ухаживала лишь одна медсестра, и Матильда, толстая и некрасивая, но обладавшая отличным чувством юмора, рассказывала смешные истории и поднимала настроение у всей палаты. Она перевязывала Фриду и помогала ухаживать за другими больными. Кроме Матильды, к Фриде приходили друзья из "Качучас". Фрида в течение месяца лежала неподвижно

на спине, закованная в гипс и специальный аппарат. А ночью, когда она оставалась одна, ее терзали воспоминания о катастрофе — снова видела груды окровавленных тел, слышала истошный женский крик "Балерина!" Боже, думала несчастная искалеченная девушка, ведь только чудо спасло меня от смерти! "В этой больнице по ночам вокруг моей кровати танцует смерть", — тихонько, шепотом рассказывала она Alexandro.

Боль не оставляла ее ни на минуту. "Надо уже наконец примириться, — говорила она. — Я начинаю привыкать к страданиям". Терпение ей просто необходимо — впереди ждали долгие месяцы почти полной неподвижности. Выписавшись из госпиталя, Фрида лежала в родительском доме, неподвижная, затянута в специальный ортопедический корсет, и не могла ни встать, ни сесть. А тут еще и любимый Алехандро ее покинул — уехал учиться в Германию. Чтобы не сойти с ума от боли и тоски, девушка решила рисовать. Родители, готовые на все, лишь бы хоть как-то облегчить страдания дочери, сделали специальный подрамник, дали краски и бумагу, и она смогла рисовать лежа. Чаще всего Фрида писала свои портреты. "Я пишу себя, потому что много времени провожу одна, потому что являюсь той темой, которую знаю лучше всего..." Увлечшись, она работает с огромным удовольствием и порой даже забывает о боли. Искусство, любовь близких и невероятная сила воли помогают ей встать. Чуть-чуть окрепнув, она решает показать свои работы настоящему художнику. Но кому? Конечно же, Ривере, тому самому жирному и гениальному Ривере, над которым она подшучивала и которым восторгалась, учась в школе. Собрав свои картины, Фрида приехала в Мехико и отправилась в Министерство просвещения, где тогда расписывал стены Диего. Художник к тому времени уже расстался с Лупе и был свободен. Ривера так рассказывает в своей книге об этой встрече, перевернувшей всю его жизнь: "...Как-то, работая над одной из фресок, я услышал девичий голос:

— Диего, сойдите-ка сюда, пожалуйста! У меня к вам важное дело.

Я повернулся и посмотрел вниз. Там стояла девушка лет восемнадцати. Изящное гибкое тело увенчано нежным лицом. Длинные волосы, темные густые брови встречаются на переносице, пара удивительных карих глаз.

Когда я спустился, она сказала:

— Я пришла не по пустякам. Мне нужно зарабатывать на жизнь. Я написала несколько картин и хочу, чтобы вы взглянули на них профессиональным глазом. Только будьте откровенны, ведь я не могу позволить себе заниматься этим из тщеславия. Здесь у меня три картины. Посмотрите их?

— Ладно, — сказал я и последовал за ней".

Картины Ривере понравились. Он выразил свое восхищение.

Она предложила ему посмотреть и другие ее работы и, пригласив в свой дом в Койоакане, представилась: "Фрида Кало". И тут Ривера вспомнил, что уже встречал эту девушку раньше, в школе.

В ближайшее воскресенье он приехал в Койоакан. Фрида встретила его в рабочем комбинезоне, насвистывая "Интернационал", радостная и довольная его приездом. Привела в свою комнату и расставила картины. "И все это — ее полотно, комната и сама она, излучающая сияние юности, — наполнили меня беспредельным счастьем, — писал художник. — А через несколько дней я ее впервые поцеловал. И то, что я был вдвое старше Фриды, не смущало ни одного из нас. Ее семейство, похоже, тоже смирилось с происходящим..."

Риверу покорили своеобразная красота Фриды, ее свежесть и интеллект. Потом он всегда прислушивался к ее мнению и только ей разрешал критиковать свои картины. Но это было потом, а пока Диего, огромный и толстый, с растущими в разные стороны волосами, выпученными глазами, напоминая, как говорил Максимилиан Волошин, встречавший художника в Париже, "людоеда, но доброго людоеда", сделал Фриде предложение, и 21 августа 1929 года они стали мужем и женой. Ей — 22 года, ему — сорок два, но это не мешает им быть счастливыми. На свадьбе Фрида появилась в позаимствованном у служанки-индеанки наряде — длинной юбке в горошек, с пышными воланами, в блузке и шали. (Потом она будет часто надевать туалеты в стиле мексиканского народного костюма.) Отпраздновать событие собрались многочисленные друзья молодых, среди них известная фотохудожница Тина Мадотти, сыгравшая большую роль в жизни Фриды, близкая подруга, познакомившая ее с современным искусством и литературой, вовлекшая в политику и, как утверждали их знакомые, приобщившая ее к лесбийским отношениям. Тут были и подружки жениха, причем некоторые из них весьма непочтительно отнеслись к очередному увлечению их общего любвеобильного приятеля. Ривера здорово напился и почти забыл о том, что он только что стал мужем Фриды. А тут еще в дом ворвалась Лупе Марин и устроила сцену ревности. Под конец Ривера был так пьян, что, схватив чей-то пистолет, принялся палить во все стороны и даже ранил одного из гостей. Первый супружеский день закончился первым скандалом, и Фрида провела первую брачную ночь в доме родителей. Утром, проспавшись, молодожен приехал к ней, умолял простить, и, конечно, она простила своего Диего. Сколько же потом в их жизни происходило скандалов и слез! "В моей жизни было две аварии — одна, когда автобус врезался в трамвай, и другая — Диего", — писала Фрида.

Они вместе работали и путешествовали. В 1930 году уехали в Америку, жили в Сан-Франциско. Именно в Сан-Франциско Фрида познакомилась с доктором Лео Элоссером, который потом многие годы, как мог, боролся с ее многочисленными болезнями. Затем, после короткого наезда в Мехико, они отправились в Нью-Йорк, где в Музее современного искусства была организована большая ретроспективная выставка Риверы. В то время все воспринимали Фриду как очаровательную жену знаменитого мужа, но все довольно быстро изменилось. В 1932 году в Детройте, где у Риверы был большой заказ, Фрида написала свой большой портрет, при этом стиль ее живописи совсем не походил на то, что делал муж. В ее картинах отразилось народное мексиканское искусство, искусство ее народа, ретаблос, украшавшие маленькие сельские церквушки. Ривера пришел в восторг от того, что делала его маленькая женушка. Он поддерживал ее. Так Фрида стала настоящей художницей, выплеснувшей на своих полотнах мир современной женщины, умной, тонко чувствующей, страдающей. Она

Что мне дала вода. 1938.

предельно откровенна в своем искусстве, рассказывая с помощью живописи обо всем, что происходило с ее душой и телом, и это не могло остаться незамеченным, не могло не найти отклика.

В их доме редко бывало тихо. Диего пользовался огромным успехом у женщин. Несмотря на свою ужасную внешность, он обладал совершенно невероятным шармом и всегда был окружен поклонницами. Он им никогда не отказывал во внимании и, женившись на Фриде, продолжал жить по-прежнему. Както Диего признался: "Чем сильнее я люблю женщин, тем сильнее хочу заставлять их страдать". И у него это получалось великолепно. Естественно, Фрида безумно его ревновала. А он, играя в честность, рассказывал несчастной жене о своих интрижках, при этом мысль о том, что она может ему изменить, приводила его в ярость. Однажды он застал Фриду с американским скульптором Гогучи. Диего тут же выхватил пистолет, но, к счастью, не выстрелил. Фрида постепенно привыкала к такому положению дел, но, когда в 1934 году он изменил ей с ее же младшей сестрой, которая ему позировала, Фрида, раненная в самое сердце, решила расстаться с мужем. Она никому не говорила о боли, раздирающей ее душу, но родилась картина: обнаженное женское тело иссечено кровавыми ранами, а рядом, с ножом в руке, стоит тот, жестокий и равнодушный, кто и нанес эти раны. "Всего-то несколько царапин", — с присущей ей иронией назвала картину Фрида. С тех пор в жизни Фриды появились и мужчины, и женщины, но Ривера, довольно терпимый к ее лесбийским приключениям, совершенно не выносил ее романов с мужчинами.

Они жили отдельно до 1937 года. Тогда в Мексику приехал Лев Троцкий с женой, и Ривера попросил Фриду помочь ему принять "трибуна русской революции". Фрида еще в 1928 году вступила в коммунистическую партию, правда, через год вышла из ее рядов после исключения Диего. Но она оставалась вер-

на своим идейным убеждениям. Ее героями были идеологи и вожди мирового рабочего движения: Маркс, Ленин, Мао Цзэдун. И, конечно же, приезд Троцкого, этого вождя русской революции, изгнанного из сталинской России, стал для нее огромным событием. Троцких привезли в "Голубой дом", окружили тишиной и заботой. Яркая, остроумная, обаятельная, с поразительной внешностью (после нескольких минут разговора уже никто не замечал ее увечий), Фрида очаровала русских гостей. Им было уютно в "Голубом доме". И вот, видимо, расслабившись, старый, опытный Лев Давыдович не устоял — увлекся, как мальчишка, знойной мексиканкой. Наверное, и Фрида откликнулась на его чувство. Но, говорят, тут сыграла свою роль жена Троцкого — Наталья Седова. Внушив супругу, что эта страсть не добавит авторитета "трибуну революции", она настояла на отъезде из гостеприимного, но оказавшегося столь опасным, дома художников. От этих сумасшедших мексиканцев можно всего ожидать, твердила она мужу. Так или иначе, отъезд Троцких выглядел для непосвященных довольно неожиданно.

Две Фриды. 1939.

В 1938 году в Мексику приехал Андре Бретон. Признанный лидер сюрреализма очаровался Мексикой, которую называл "настоящей сюрреалистической страной", и Фридой Кало — "настоящей сюрреалисткой". Он, тоже не устоявший перед обаянием этой женщины, был потрясен тем, что она делала в живописи. И действительно, ее картины, в которых жило и наследие древней культуры Мексики, и глубоко народное искусство, и современный мир с его трагедиями и безумствами, и мятущаяся женская душа, завораживали. Фрида рассказывала в них обо всем, что происходило в ее жизни — и о нерожденных детях, и о своей горькой любви к Диего, о том, что ее волновало, восхищало и тревожило. Когда на сердце становилось покойно и хорошо, из-под ее кисти

выходили полотна, пронизанные солнечным светом и согретые юмором, когда плохо — мрачные и безысходные. Вся жизнь художницы можно прочесть по ее картинам.

И вот по инициативе восхищенного и влюбленного Бретона в 1938 году в Нью-Йорке, в одной из самых престижных галерей города, состоялась выставка Фриды, и он же написал восторженное предисловие к каталогу. Выставка имела шумный успех, и почти половину картин продали. В 1939 году Фрида приехала в Париж — Бретон предложил ей устроить выставку в столице Франции и обещал взять на себя все хлопоты по организации. Парижская выставка не имела большого коммерческого успеха, зато Фриду высоко оценили критики, в газетах появились хвалебные отзывы, и даже Лувр купил одну картину — первое произведение мексиканского художника, попавшее в прославленный музей.

В конце 1939 года Фрида и Диего официально развелись. Зачем они это сделали? Трудно понять. Художники, люди богемы, иногда способны на совершенно нелогичные поступки. Но, так или иначе, уже 8 декабря 1940 года они, поняв, что просто не могут жить друг без друга, женятся во второй раз. Произошло это в Сан-Франциско, куда Фрида приехала на консультации со своим врачом Лео Элоссером. Наверное, одной из причин стало то, что Фрида чувствовала себя все хуже и хуже, и Диего, хорошо понимавший, что, несмотря на все его интрижки, именно Фрида — женщина его жизни, его судьба, хотел быть с ней рядом, ухаживать за ней. А она всегда любила его одного. "Никто никогда не поймет, как я люблю Диего, — написала она в своем дневнике. — Я хочу лишь одного: чтобы его никто не ранил и не беспокоил, не лишал энергии, которая необходима ему, чтобы жить. Жить так, как ему нравится: писать, глядеть, любить, есть... не падать духом. Если бы я обладала здоровьем, я его все целиком отдала бы Диего". Да только вот здоровья у нее совсем не было.

14 апреля 1941 года умер отец Фриды Гильермо Кало. (Мать скончалась раньше — в 1932 году.) Большой удар для нее. Фрида решила вернуться в Мехико, в "Голубой дом".

Ее поломанные кости все время давали о себе знать. Периодически ей приходилось ложиться в больницу, носить специальные корсеты.

Но она не сдавалась, много работала и как всегда страдала — ведь вокруг Диего по-прежнему много поклонниц! А в 1943 году, чтобы отвлечься, открыла художественную школу "Эсмеральда". Занятия происходили в "Голубом доме", и ученицы, обожающие свою преподавательницу, требовали, чтобы их всех называли Фридами.

В 1950 году состояние художницы резко ухудшилось. Ее определили в больницу, в которой ей предстояло пролежать целый год. За это время ей сделали семь операций! Выйдя из госпиталя, она передвигалась только в инвалидной коляске.

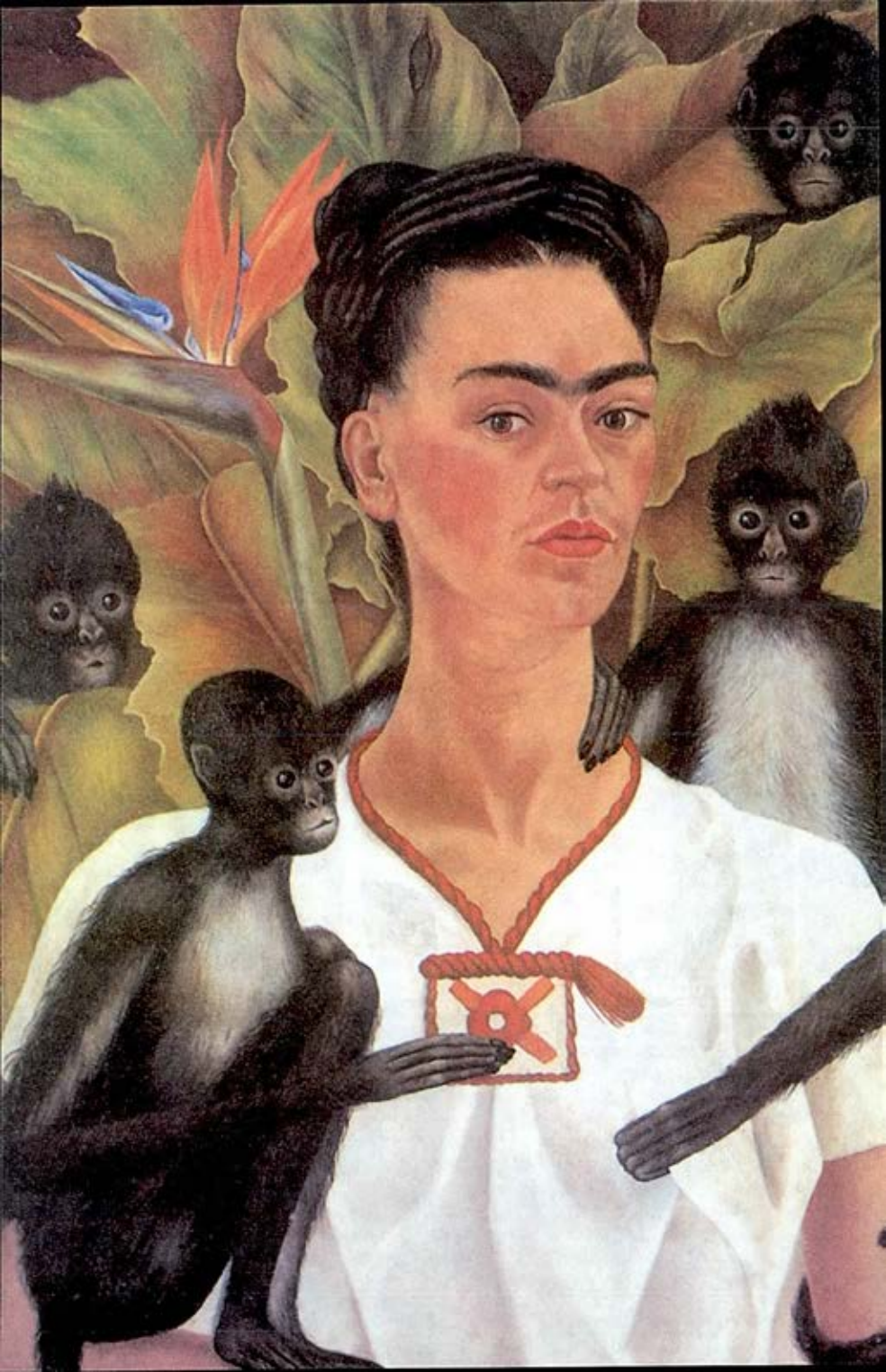
В 1953 году в Мехико открылась ее первая большая выставка в самой главной галерее города — Музее современного искусства в Зона Роза! Фрида была счастлива — как долго она об этом мечтала! Она обязательно должна присутствовать на открытии. Все ее отговаривали — ведь она совсем не встает с постели, как сможет придти на вернисаж? Но ей, необыкновенно мужественной женщине, приходилось преодолевать и не такие трудности! И вот восхищенные почитатели ее таланта, собравшиеся в галерее, приветствуют восторженными криками свою любимицу, которую санитары вынесли из кареты "Скорой помощи" и уложили на празднично украшенную кровать, которую она заранее отправила в галерею. "И я теперь знаменитость, не только все в этом мире Ривере!" —

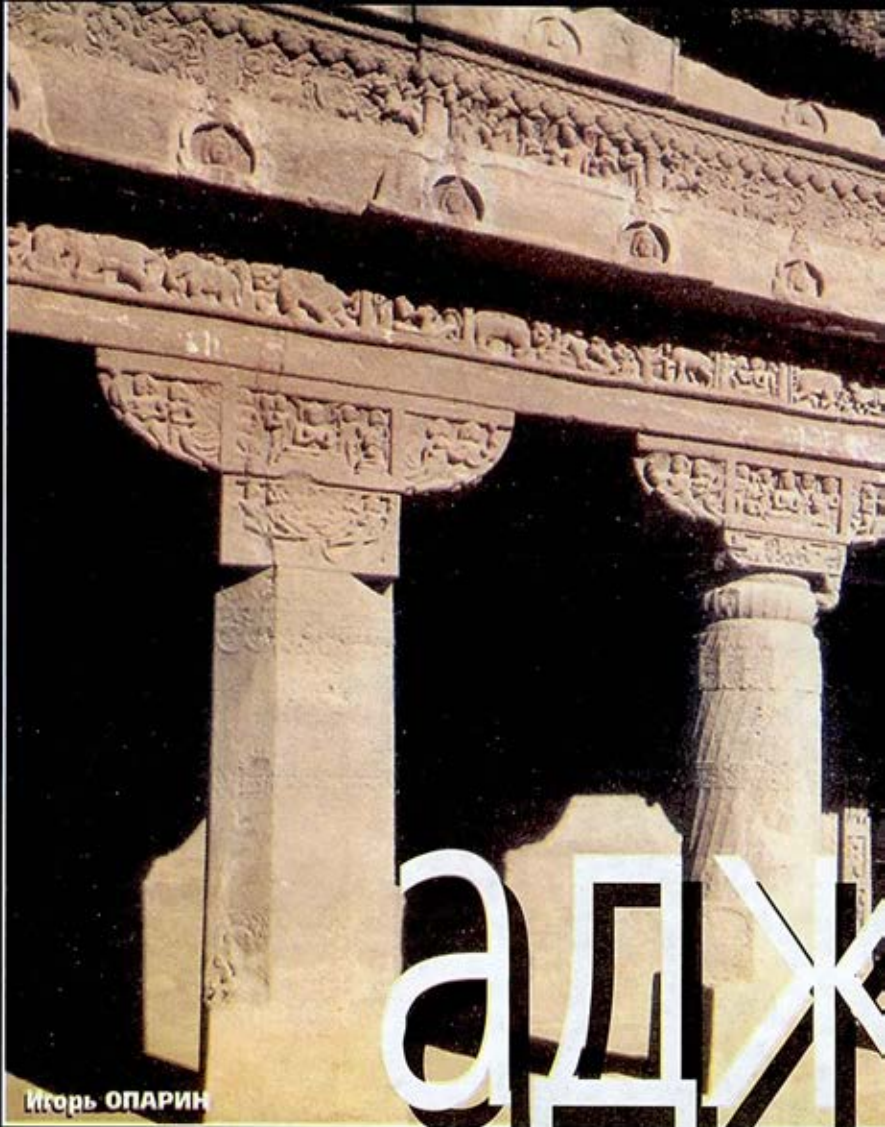
шутила Фрида. Но ей приходилось за все платить, и очень дорого — и в этом же году ей ампутировали до колена правую ногу. Гангрена. "С присущим ей мужеством, — вспоминал Ривера, — она, узнав о гангрене, потребовала произвести ампутацию как можно быстрее. Это была ее четырнадцатая операция за шестнадцать лет. Лишившись ноги, Фрида впала в глубокую депрессию". Но Диего, ее Диего, всегда с ней. "Часто в период выздоровления мне звонила медсестра, которая за ней ухаживала: Фрида рыдает и говорит, что хочет умереть. Я немедленно бросал работу и мчался к ней, чтобы утешить. В конце концов пришлось установить круглосуточное дежурство". К маю она немного пришла в себя. Однако конец уже был близок. Последний раз Фрида появилась на публике в июле 1954 года — участвовала в демонстрации против свержения левого президента Гватемалы Арбенза. Вскоре она заболела воспалением легких. Это случилось 13 июля 1954 года. Фрида умерла во сне, как бывает с очень счастливыми и хорошими людьми. Из-за эмболии. Хотя, как говорили ее близкие, возможно, она, безумно устав от физических страданий, нашла способ уйти из жизни. Ей было всего 47 лет.

Гроб с ее телом установили во Дворце изящных искусств и покрыли его, как завещала Фрида, знаменем Коммунистической партии Мексики. Возник скандал, и знамя убрали. Проститься с Фридой пришли толпы ее преданных поклонников. Рядом с Риверой у гроба стояли выдающиеся художники, поэты Мексики, среди них — близкий друг Диего и Фриды Сикейрос. Во время похорон шел дождь — словно сама природа оплакивала Фриду, и слезы Диего смешивались с каплями дождя.

Диего тяжело переживал потерю Фриды. Она была ему так необходима. Только ей он разрешал себя критиковать — ведь у нее был безошибочный вкус и понимание живописи. Кто теперь скажет ему правду? Диего опустил плечи, перестал работать и запил. И лишь искусство помогло ему выйти из этого состояния. Он не надолго пережил свою любимую — выдающийся мексиканский художник Диего Ривера умер 24 ноября 1957 года.

Последняя запись в дневнике Фриды Кало такая: "Я с радостью жду ухода и надеюсь, что я уже никогда не вернусь". Ее надежды не оправдались — она вернулась. Она живет в своем музее — ее "Голубой дом" в Койоакане теперь музей Фриды и Диего; ее картины украшают собрания лучших музеев мира, выставляются в лучших галереях и продаются на аукционах за миллионы долларов; ее дневник постоянно переиздается; о ней пишут романы и серьезные монографии, снимают фильмы и ставят спектакли (не так давно и в Москве прошла ее выставка). А когда на экраны вышел фильм "Фрида", в котором главную роль сыграла другая мексиканка — Сельма Хайек, мир захлестнула настоящая "фридомания". Наверное, эта болезнь быстро не пройдет — ведь искусство Фриды Кало необходимо людям, а история ее жизни, наполненная любовью, творчеством и постоянным преодолением физических и душевных страданий, превратилась в одну из самых романтических и героических легенд нашего времени.

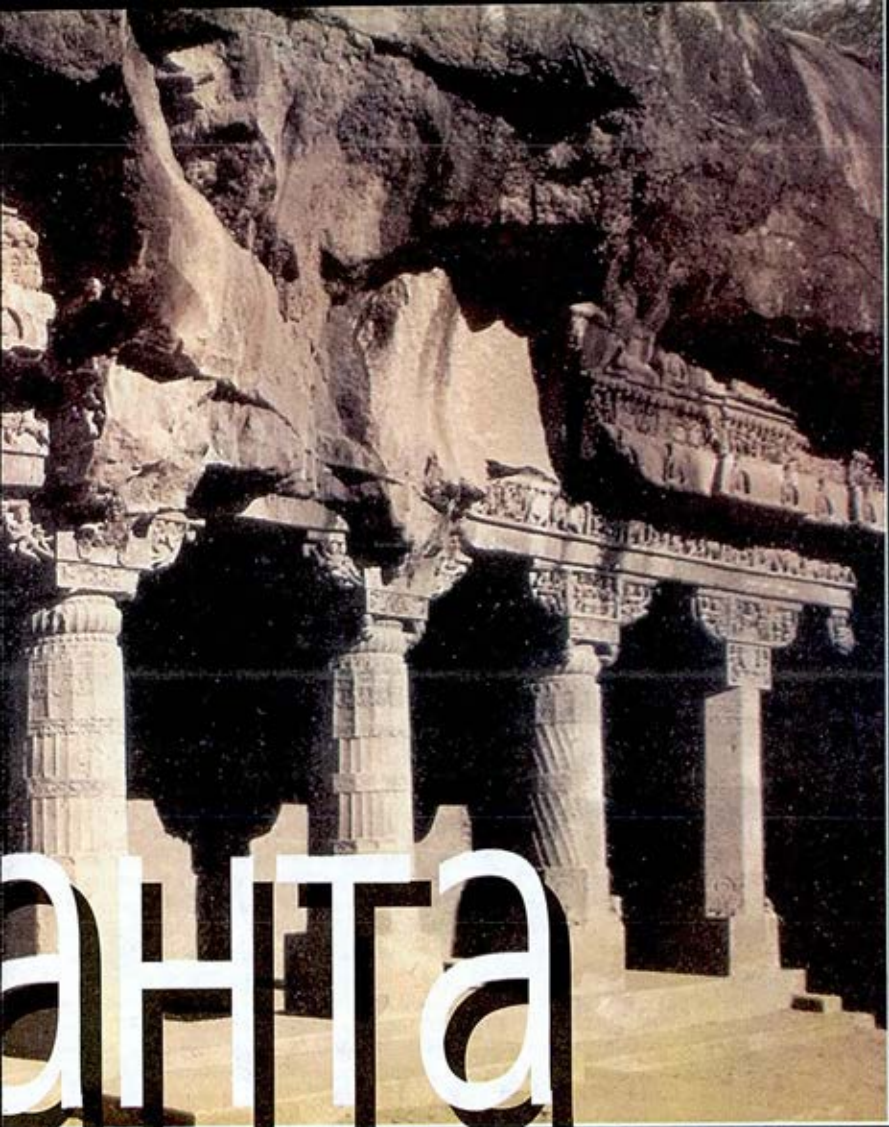
Игорь ОПАРИН

аддж

Настенная живопись буддийских пещерных храмов Аджанты, памятник культуры Золотого века Индии, периода невероятного расцвета искусства и литературы — одно из высочайших достижений в мировом искусстве. Созданные в период правления династии Гуптов (300-500 годах нашей эры), они были забыты на сотни лет и вновь открыты совершенно случайно лишь в начале XIX века. Каждого, попадающего в Аджанту, не могут не пленить соблазнительность и

изящество красочности расписных образов, живость изображенных древними художниками сцен.

Первые каменотесы появились в Аджанте еще во II веке до нашей эры, а последние художники и скульпторы работали здесь, по видимому, в VII веке нашей эры. Наиболее значительные храмы комплекса созданы в IV-V столетиях. Именно тогда на территории Индостана возникла культура изысканная,

утонченная и высокодуховная, оказавшая огромное влияние на развитие культур других народов и эпох, поразительно живая и сейчас, в наше время.

К III веку вся страна, ранее раздробленная и страдающая от непрерывных набегов соседей-разбойников, попала под власть династии Гуптов, давшей Индии блестящих правителей — мудрых и сильных.

Гупты были умными и просвещенными властителями. Они всегда покровительст

ли наукам и искусствам. Особенно прославился на этой ниве Чандрагупта II, и его имя навсегда осталось в мировой истории не только благодаря мудрой политике, но и потому, что именно при его правлении была создана великая классическая культура Индии. Чандрагупта II собрал при дворе выдающихся ученых и поэтов, художников и скульпторов, архитекторов и ювелиров.

Гупты правили страной 150 лет, а потом их потомки понемногу стали терять свое влияние

и власть, зато в южных областях страны набирала силу другая династия — Вакатаков. И когда государство Гуптов на севере Индии быстро и неуклонно клонилось к закату, империя Вакатаков под управлением величайшего императора этой династии Харишены стремительно развивалась.

Харишена взлез на трон примерно в 460 году. Вся Южная Индия оказалась под его властью. А после падения Гуптов ему удалось даже завладеть некоторыми землями, принадлежавшими ранее его северным соседям. Спустя два года после начала правления император повелел продолжить работы в храмах Аджанти. Ученые полагают, что художники трудились в пещерах всего 15 лет, пока их страной правил Харишена. В это столь короткое время они успели создать великие фрески, картины жизни двора Вакатаков, а затем вдруг все работы внезапно остановились. Повидимому, причиной тому стала смерть правителя. На стенах Аджанти часто встречаются надписи, удостоверяющие, что росписи сделаны под покровительством самого Харишены и его придворных — все они стремились продемонстрировать приверженность буддистским ценностям и свое участие в создании буддистского святилища. После смерти Харишены мелкие вассалы, объединившись, организовали восстание, и страна распалась на множество мелких феодальных государств. Империя Вакатаков исчезла, и уже некому было оплачивать работы в пещерах Аджанти. К 480 году, несмотря на то, что некоторые фрески остались незаконченными, святилище забросили.

Тогда казалось, что классическая индийская культура умерла. Но в VII веке на землях бывшей империи Гуптов появился новый царь — Харши, и время повернулось вспять — снова в Индостане появилось мощное государство, подхватившее упавшее знамя Гуптов и Вакатаков. Именно тогда в пещерах Аджанти снова появляются художники, возникают новые росписи.

Харши правил довольно долго — 42 года, и погиб, как это часто бывает с сильными и мудрыми правителями, от руки коварного убийцы. После его смерти святилище в Аджанте окончательно забыли. Возможно, именно благодаря этому пещерные храмы уцелели, ведь вскоре в Индию пришли суровые воины ислама, которые при виде созданий индийских мастеров поистине теряли всякий разум, и ими овладевало лишь одно желание — поскорее разрушить эти порождения порока,

ужасные, богохульные изображения. Они многое и разрушили, но Аджанта спаслась.

Прошло много лет, прежде чем человечество вновь обрело счастье наслаждаться великим искусством индийских художников.

В тот апрельский день 1819 года стояла тихая ясная погода. Накануне британские офицеры-кавалеристы, участвовавшие в маневрах в горах Сахьядри, решили хорошенько развлечься после тягот военной службы. "Почему бы нам не поохотиться? — предложил один из них. — Говорят, в окрестностях деревни Аджанти водится много тигров!" Они нашли, правда, не без труда, проводника — местного мальчугана, и теперь он вел их сквозь колючий кустарник и по высохшему лесу туда, где охотников ждали опасные приключения. Наконец brave офицеры добрались до выступа над большим, имеющим форму подковы ущельем. Дно ущелья и его склоны поросли мощной растительностью, все выглядело весьма впечатляюще. Охотники напряглись, приготовившись к встрече с хищниками. Но тут один из офицеров раздвинул кусты и вскрикнул, потрясенный. "Скорее, все сюда!" — закричал он. Тут же англичане подбежали к своему товарищу. О, Боже! На них смотрел огромный, высеченный из камня Будда, а его руки были сложены так, что, казалось, он благословлял пришедших его навестить британцев.

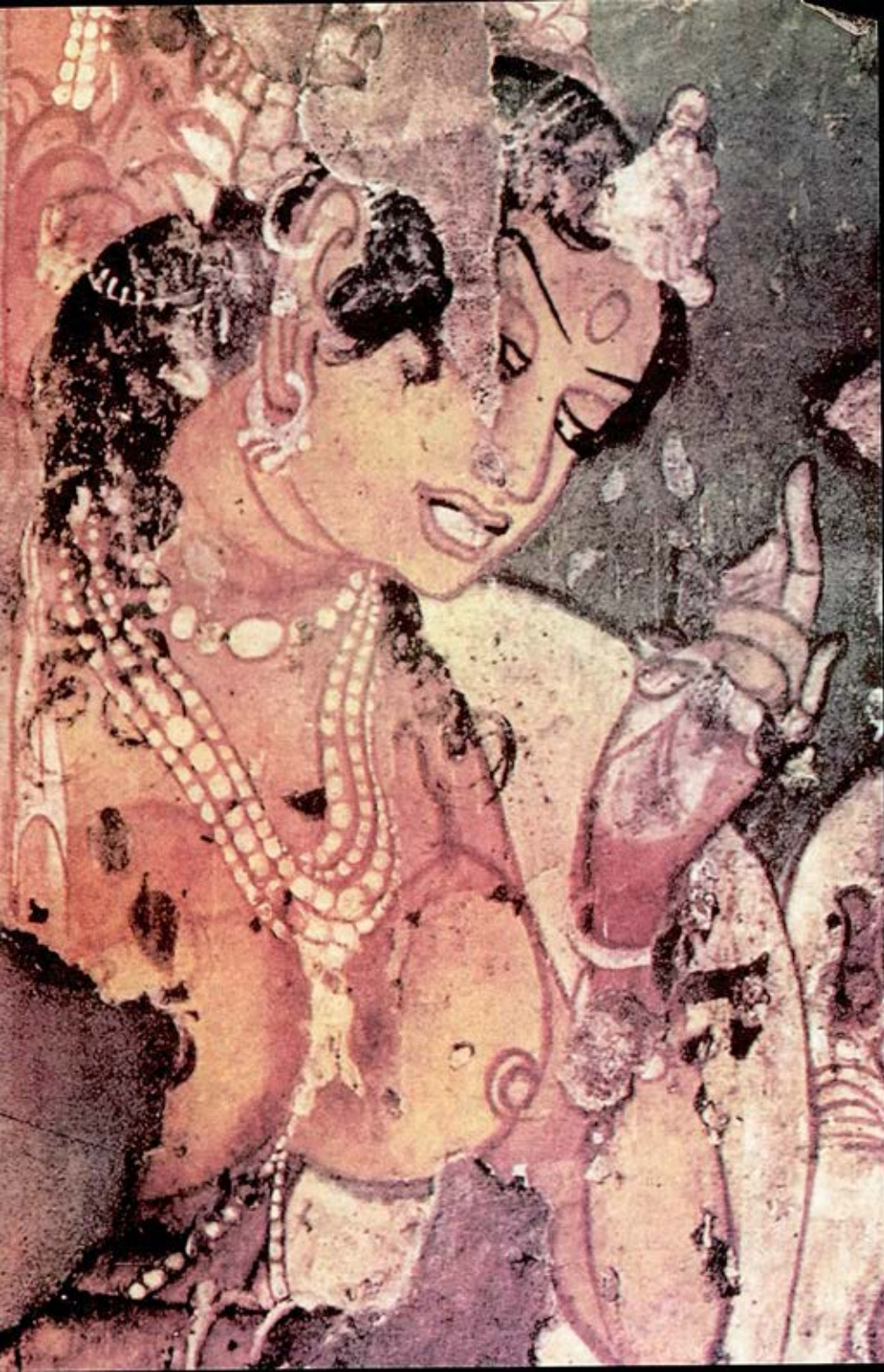
Теперь охотники могли видеть, что высившаяся перед ними гора не монолитна. Недалеко от статуи Будды виднелся темный проход, ведущий в глубь горы. Пораженные англичане, забыв о тиграх, вошли внутрь, и их взорам предстали поразительные росписи...

Прошли годы, и странное сооружение, найденное в тот апрельский день британскими офицерами в индийских джунглях, признали одним из самых ярких шедевров древнего искусства. Это были знаменитые пещеры Аджанти...

Оказалось, что в Аджанте 29 пещер, располагавшихся по отлогам U-образного ущелья. Раньше здесь жили буддистские монахи, стояли храмы и монастыри. Пещеры украшали великолепные скульптуры, но основное сокровище Аджанти — не они, а бесценные фрески, покрывающие стены и своды грандиозного святилища.

Колониальные чиновники тут же донесли до своего начальства информацию о находке офицеров-охотников, но Британская империя не сразу поняла, обладателем какого сокрови-

ща она оказалась. На Аджанту обратили внимание лишь несколько ученых и небольшие группы путешественников, любителей индийской старины. В 1843 году в Аджанте побывал выдающийся английский историк Джеймс Фергюссон. Фергюссон был просто потрясен красотой фресок, ничего подобного он никогда раньше не видел! Вернувшись в Англию, Фергюссон делает большой доклад на заседании Восточно-Индийской компании. С присутствием ему пафосом и страстью он говорил о том, что необходимо срочно предпринимать меры по сохранению пещер, причем их следует охранять как от природных воздействий, так и от людей, праздных любителей сувениров. В результате приняли решение — компания посылает в Аджанту капитана Роберта Гилла, который в это время служил в Мадрасе. Он — художник, и ему приказано сделать копии как можно большего количества фресок.

Гилл приехал в Аджанту в 1844 году. Найдя жилье в деревне, он тут же отправился в пещеры. С увлечением начал изучать и перерисовывать фрески. Делал он это так — копировал сначала росписи на прозрачном полотне, а потом прорисовывал и раскрашивал полученные рисунки. Гилл просто заболел Аджантой. Он почти не появлялся в своем бунгало, проводя дни и ночи в пещерах. Ни на минуту не мог оставить этих пышногрудых красавиц и гордых героев, эти роскошные цветы и деревья, этот мир, полный красоты и гармонии. Здесь разворачивались сцены жизни величественных властителей-радж и их очаровательных подруг, сладострастных, соблазнительных. Музыканты и танцоры раз-

влекали это милое общество, а вокруг росли деревья, благоухающие цветы, резвились звери. И среди всего великолепия взирали на мир людей величественные Будда и святые бодисатвы, излучая покой и силу.

Молодой Гилл — полностью под властью искусства индийских художников. Жизнь их персонажей влияет на его собственную, он даже влюбляется в прекрасную индианку и женится на ней — ведь она словно сошла с фресок древних мастеров! Жена готовит ему еду, стирает одежду, а еще по вечерам, в свете костра, танцует для него танцы своей родины, и в чувственных движениях ее пышного и изящного тела, в пленительных движениях рук, поворотах головы он вновь и вновь видит образы Аджанты...

У местных жителей было свое отношение к пещерам. Как-то они поведали Гиллу легенду об Аджанте. Однажды Индра, царь богов, позволил своему другу, тоже, конечно же, богу, организовать пирушку на Земле. Но с одним условием — вернуться на небеса компания должна до рассвета. Однако боги и богини, их подружки, так славно веселились, что забыли обо всем и не услышали крика петуха, возвещавшего о наступлении утра. В качестве наказания суровый Индра оставил их всех навечно на Земле — на стенах Аджанты. Вот и замерли они там навсегда — неподвижные, но сохранившие божественную сущность, готовые на мсть всем тем, кто осмелится осквернить или перерисовать их изображения.

Похоже, тень проклятия богов пала и на Роберта Гилла.

Сначала он тяжело заболел дизентерией, нередкой в этих жарких и мало знакомых с санитарией краях. Потом сломал ногу и долго не мог прийти в себя. Вокруг шла жизнь, менялись правители и губернаторы, поднимались восстания, которые усмиряла жестокая колониальная власть, а Гилл продолжал самое важное дело своей жизни — перерисовывал фрески и отправлял рисунки в Лондон через Бомбей. Эта титаническая работа длилась почти двадцать лет. Наконец в 1866 году, когда все основные фрески были скопированы, рисунки Гилла подготовили в Лондоне для выставки. Тут-то и случилось несчастье — дом, где хранились картины, сгорел почти полностью, уцелели лишь три полотна.

Известие о пожаре просто убило художника. Все, для чего он жил, его бессонные ночи, его радость и мука — все погибло! Но он, человек мужественный и стойкий, нашел в себе силы и начал все заново. В последующие пять лет Гилл вновь приходит в пещеры, копирует фрески, но — силы уже не те. В 1871 году Роберт Гилл умер. Художника похоронили рядом с его любимыми пещерами, которым он посвятил свою жизнь.

В начале 1870-х годов в Аджанту снова приехали художники — из Бомбейской школы искусств. Они провели здесь четыре года, делая новые копии фресок, причем некоторые довольно большие — до 1,5 метров высотой и 2 метров шириной. Картины опять послали в Лондон. Там они хранились в пристройке музея Виктории и Альберта. И снова индийские боги напомнили о себе — вновь пожар, и в огне из всех ценностей, хранившихся в здании, сгорели только копии фресок Аджанты!

Потом предпринималось множество попыток скопировать росписи, порой это удавалось, но сохранить картины не получалось почти никогда. Иногда причиной тому была глупость и жадность людей, иногда — природные факторы, а может, и проклятие богов сыграло свою роль, но так или иначе, росписи Аджанты стали широко известны в мире только в начале 1920-х годов благодаря итальянскому ученому, проделавшим огромную работу по сохранению фресок. Они опубликовали фотографии росписей, и мир, спустя век после их открытия, был потрясен красотой творения древних индусов. Искусствоведы говорят о фресках как о самом выдающемся достижении восточного искусства и с огромным энтузиазмом изучают их.

Содержание росписей — эпизоды из жизни Будды и истории о прежних воплощениях Великого учителя. Древние художники изображали жизнь богов, основываясь на своих знаниях о том, как проводят время земные боги, правители их страны. Они рисуют принцев, развлекающихся в своих роскошных апартаментах. Рядом — нежные жены и прислужницы, готовые на любые услуги. Иногда царственные вельможи выезжают на поля сражений или просто на улицы своих городов. Художники пишут домашнюю утварь, повозки на улицах, ворота и дворцы знати и дома обычных жителей. Очень много на фресках человеческих фигур. Их линии выразительны, а лица — прекрасны. Особенно пленительны глаза у женщин — полузакрытые веки, поблескивающий кокетливый взгляд, красиво изогнутые брови.

Небесные и земные боги знали толк в чувственных наслаждениях (недаром именно в эпоху Гуптов создана знаменитая "Камасутра") и потому на фресках часты довольно рискованные, с точки зрения европейцев, сцены. Странно видеть здесь, в религиозном центре, в святилище, эти весьма откровенные картины, однако надо помнить, что в соответствии с философией индуизма любые проявления человеческой природы святы, а потому в эротических сценах на стенах храмов и помещений для монашеских собраний ничего странного нет.

В начале XX века все индийское входит в моду, все только и говорят об индийском искусстве, о пещерных росписях, об их мистической истории. А в 1923 году великая Анна Павлова танцевала в балете "Танец Аджанты", с успехом шедшем на сцене лондонского Ковент Гарден. В движениях русской балерины — пластика женских образов Аджанты.

Искусство древней Индии живо. Оно, став достоянием мировой культуры, продолжает жить в работах современных художников, вдохновляет поэтов и музыкантов и просто приносит истинное наслаждение тем счастливым, которым удается увидеть эти шедевры. На стене одного из храмов Аджанты высечена такая надпись: "Человек продолжает радоваться жизни в раю до тех пор, пока жива память о нем. Вот почему нужно ставить памятники в горах, которые не умрут, пока в мире существует луна и солнце". Создатели Аджанты смогли воздвигнуть себе прекрасный памятник, мы помним о них, и, следовательно, они — в раю. ■

An abstract painting with a dark, expressive style. It features a central figure in a dark, wide-brimmed hat and a long, flowing red sash. To the right, a large, golden-yellow bird with its wings spread is depicted. The background is a mix of dark brown, black, and red, with some lighter, textured areas. The overall mood is dramatic and intense.

ДИКТАТОР МОСКВЫ

Любовь РУСЕВА

— Вот что я тебе скажу, — молвил Петр Камчатка, осушив стопку, — не дело такому молодцу горбатиться на купчину толсторылого. По тебе вольная жизнь, а не холопская. Айда к гулящим людям, а по первости стану твоим наставником.

— Верно говоришь. Я и сам удумывал бежать от хозяина. — Ванька с непривычки порядочно охмелел.

— Вот и лады, а чтоб обидно не было, прихвати денюжат у него.

К концу беседы Петр уже питал к Ваньке почти отцовские чувства. Ему нравилось в нем все: внешность, дерзость, ум и особенно речь. Камчатка почувствовал в Каине недюжинную личность, и она в скором времени затмит всех знаменитых разбойников, или, как в народе их называли, лихих молодцев. В этой отчаянной голове горел огонь настоящей творческой силы. Петр видел, что энергичная натура Ваньки требует постоянного действия, а изобретательный ум дает богатую пищу для этого. Но са-

илюстрация
Геннадия Новожилова

мое сильное оружие Каина — речь, усыпанная прибаутками, рифмованными пословицами и ловкими загадочными сравнениями, которые так нравятся народу. Рифмованные каламбуры и гипербола всегда являлись на Руси самым сильным оружием в руках народных коноводов и пророков. И Каин владел им в совершенстве.

Родился Ванька в 1718 году. Лет тринадцати его привезли в Москву на господский двор. С тех пор прошло 8 лет. Барин его, Филатьев, скупцом был редким. Из работников да крестьян своих выжимал все соки. Прислугу содержал впроголодь, ее издали видать — оборванцы-оборванцами. И мало кто догадывался, что купчина богат, как Крез. Смышленный и расторопный Ванька работать по хозяйству не любил, но старался, ибо нерадивость подводила под кнут. Барин их нрава крутого да скор на расправу. Но голь на выдумку хитра. Ванька ж в этом плане имел особый талант. Будь Филатьев прозорливей, то и богатство приумножил бы, в люди бы вышел. Но, как говорится, богат творит, как хочет, а убог — как может. Каин же не мог равнодушно пройти мимо того, что плохо лежит, а голодное существование заставляло его воровать у соседей, и, наконец, он решился ограбить хозяина и бежать. Ему повезло, он в первую же ночь под Каменным мостом встретил Камчатку. Там они и познакомились.

Утром Ванька отправился прикупить новую одежду. Счастливый и довольный, толкался он по рядам Китай-города. Народу, что муравьев в муравейнике! Все вокруг шумит, кричит, толкается, смеется, ругается, а ему эта сутолока по нраву. Он свободный человек, сам себе хозяин. Слово и ростом выше стал и в плечах пошире. Курчавая густая борода, длинные мягкие рыжевато-русые волосы игриво развеваются на ветру. Лицо Ванькино, худощавое, умное и хитрое, но вообще-то, — очень приличное. На нем розовая рубаха да кафтан из синего сукна, подпоясанный красным кушаком. Не узнать Каина! Бабы да девицы заглядываются на красавца.

— Да что ж ты щупаешь их, словно девку? — не выдержал продавец сапожного ряда. — Сам же видишь, добротны сапоги да красивые. У меня сроду плохого товара не было, потому как лежачий товар не кормит!

Ваньке и самому сапоги нравятся: мягкие, удобные, красивые. Не привык он к такой обувке. И до чего хорошо ногам в них! Ванька и так пройдет, и эдак наступит, то одну ногу вперед выставит, то другую. Да и как не покрасоваться, коли две девицы-подружки глаз с него не сводят, все перешептываются да хихикают.

— Деньга торгу большак! — зычно изрек Каин. — Сколько просишь, хозяин?

— Да дешево, совсем задаром отдаю, — затараторил тот. — Всего-то рупь с полтиною.

— Ого! Да за них аккурат две коровы купить!

— Две коровы! Тоже скажешь! — возмутился торгош. — Поди, сыщи, где за такой товар дешевле будет. Во всей Москве не сыщешь!

— На торгу деньга проказлива, — улыбнулся Ванька и отдал продавцу два рубля. — Остальное за мое здоровье выпьешь.

Хозяин, разинув рот, обалдело уставился на монеты. Кому скажешь, не поверят: заломить цену втридорога, а получить еще сверх того. Но Ваньке не хотелось торговаться, пред девками позориться. Приятно чувствовать себя щедрым, да и денег еще куча осталась. Хорошо на душе Ваньки, весело. Медленно пошел он, поскрипывая новыми сапогами, сопровождаемый восхищенными взглядами девиц. Ах, какая красotka улыбнулась! Ванька к ней, но тут на его плечо тяжело упала чья-то рука. Оглянулся Каин да помертвел: перед ним стоял любимец Филатьева лакей Степан, а по совместительству палач. Степан был силы недюжинной, и истязал мастерски, за то и любил его хозяин. Не говоря ни слова, лакей потащил беглеца домой.

— На цепь, собаку, апосля поговорим! — рявкнул купец. — Два дня сряду не кормить. Вон как разжирел на моих-то денежках, видно вволю погулял.

В назначенный день состоялась расправа. Ну и отвел же душу Степан: по всему дому разносились свист кнута и стоны бедняги. И забили б до смерти, не заявись в гости полковник Пашков. Тут-то и крикнул Ванька спасительное "Слово и дело"! Полковник глянул на Каина, затем на хозяина.

— Бей, — прохрипел побледневший купец Степану, — до смерти бей!

— Отставить! — приказал Пашков. — Более не страдать! Ведомо тебе, Савелий Петрович, что с теми бывает, кто сразу же не доставит в тайную канцелярию крикнувшего "Слово и дело".

— Свезу, непременно свезу, Иван Иванович. Завтра же и свезу.

— Не завтра — сей час.

Ваньку увезли. На следующий день о нем донесли графу Семену Андреевичу Салтыкову. Ему-то и сообщил Каин об убийстве солдата хозяином. Полиция обнаружила труп в колодце. Филатьева арестовали, и он во всем сознался. Каин же получил вольное письмо и стал свободным человеком. Камчатку с товарищами нашел он в кабаке. Здесь и созрел план его "крещения".

Первой жертвой нового коновода стал придворный доктор Елвих, живший в Анненговском дворце на Яузе. Стекло в окне молодцы аккуратно вырезали, и Ванька первый влез в спальню хозяина. Умилился он их мирным сном, да только одеяло неопрятно сбилось в ногах. Покоробило это эстетическое чувство Ваньки, прикрыл он их, чтоб не замерзли: окно-то без стекла. Жалко. Ну а забрали они все мало-мальски ценное, да в придачу всю серебряную посуду. А уходя, положили между супругами связанную девку, что за детьми докторскими смотрела.

На следующую ночь новая экспедиция в Немецкую слободу. И на этот раз компания поживилась на славу на 3 000 рублей. Забрали же они их у Рукса — дворцового закройщика. И, конечно же, проникли через окно спальни. А как иначе? Надо же хороших снов пожелать хозяевам. Чай, не простые смертные, а царские люди. Через несколько дней еще один налет.

Да, Камчатка в Ваньке не ошибся, тот действительно не чета masse ворюг и мошенников, наполнивших Москву. У него недюжинный ум, он творческий человек, поэт во всем, он выше не только товарищей, но и его самого.

Салтыков, хозяин Москвы, к тому же дядька Анны Иоанновны, рвет и мечет в гнев. Из-под земли найти и доставить разбойников! Экая дерзость, дворцы государыни грабить!

Пока служивые ноги отбивали, бегая по Москве да шерстя все известные притоны, молодцы веселились в маленьком домике в той же Немецкой слободе. Ванька же отправился в ряды прикупить новую одежду для себя и своих друзей. Отоварился, но любопытно ему понаблюдать за действиями воришек. Одно дело — самому воровать, и другое — наблюдать. Умилили его пацаны, особенно один.

— Молодец, красиво работает! — восхитился Каин. — Посмотрю день-другой, может, к себе в ученики возьму. А этот, Господи, олух царя небесного. Ну разве ж можно так шерстить? Тыфу! Скоро попадетса.

Не успел додумать Ванька о судьбе неуклюжего воришки, как раздался пронзительный вопль бабы:

— Держи вора! Держи!

Попалса-таки, но не тот, а другой. Тощего оборванца крепко держал за шиворот бородатый мужик. Баба с перекошенным лицом вцепилась в грязные волосы тата.

— Ах, ты, рыло свиное, верни кошель!

"Подделом, — подумал Каин, — не умеешь воровать, не берись!"

Но и Каину с товарищами вскоре пришлось сматываться. Продав награбленное, банда спешно покинула Москву. Путь их лежал в Макарьев, что на Суже, где славились тамошние ярмарки. Особой любовью друзья воспылали к армянским купцам, о богатстве которых наслышаны были еще в Первопрестольной. Оттуда за Волгу подались, а там в Муромские леса. Вместе с разными разбойниками они грабили помещичьи имения. Хороша вольная жизнь, но Ваньку потянуло снова в Москву. Два года уже прошло.

— О-хо-хо-хох! Неспроста сие, ох, неспроста! — озадаченно вздохнул добрый молодец. — Быть беде великой.

Каина поразило количество лихих людей в Белокаменной. Он навестил бывших друзей, познакомился с другими ворами, и все они подтвердили, что город наводнен разбойниками, причем при них несметное количество ружей и пороха. Ваньке это не понравилось, он любил Москву, в которой начиналась его карьера лихого молодца. Одно дело — воровать кошельки у зазевавшихся богатеев, грабить купцов и помещиков, и совсем другое — поголовный грабёж и убийства. В Москву же явились головорезы, утопят ее в крови. И решил Каин беду отвести от Первопрестольной, переловить лихих людей. Но самому не справиться.

Ванька совершает неожиданный и дерзкий шаг: 27 декабря 1741 года заявляется в сыскной приказ и предлагает свои услуги. Такого отродясь никто не слышал, и его направляют к самому князю Кропоткину.

— Ваше сиятельство, — обратился он к князю, — я сам вор и знаю много воров в Москве и других городах, но в стольном граде лихо.

Рассказав подробно о том, что он узнал и сам увидал, Каин по приказу князя пишет челобитную на имя императрицы, в которой признается о своих подвигах да просит: дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое доношение в сыском приказе принять, а для сыску и поимки дать конвой сколько надлежит, дабы оные товарищи впредь, как господам офицерам, и приказным, и купцам, и всякого чина, а паче всего опасен я, чтобы от оных моих товарищей не учинилось смертоубийства, и в том бы мне от того не пострадати.

В тот же день ему выделили 14 солдат и подьячего. Началась облава. В Зарядье накрыли притон, взяли 20 воров с главой Яковом Зуевым. В доме ружейного мастера скрутили опасного Николая Пиву и с ним 15 человек. Близ порохового цейхгауза — 45, за Москвою-рекою, в татарских банях, обнаружили склад ружей и пороха, схватили 16 беглых. Против устья реки Яузы забирают 7 бурлаков с воровскими паспортами, к тому же задержали хозяев и подозрительных 20 мужчин и женщин. В эту же ночь Каин сдал своего старого товарища беглого солдата Соловьева, у которого была страсть ежедневно вести воровской журнал, а при нем списки. Всего за одну ночь арестовали 150 человек.

Сенат прощает Каину прошлое и назначает его официальным сыщиком, в бумагах — доноситель Иван Каин. Ванька становится грозой своих бывших товарищей. Каждый день ходит по Москве, ловит преступников, не дает ворами покоя и в окрестностях. В 40 верстах от Москвы, в дворцовом селе, разбойники ограбили старосту. Канцелярия предписывает: найти грабителей. Благодаря осведомленности и неутомимой деятельности Каин через несколько дней у Яузких ворот хватает пьяного, при котором 4 фальшивых паспорта и деньги, и привозит его к себе домой. Когда тот очнулся, сознался, что шайка живет около Покровского монастыря. Каин тогда захватил 59 человек и двух атаманов — Камазаева и Медведя. Это были разбойники и убийцы. Следом настает черед другой страшной банды атамана Бухтея. В ней 73 чле-

на. В банях Покровского села арестовано еще 35 разбойников. К тому же Ванька взял банды атаманов Журки, Лукоянова, Лебеда.

Покой потеряли и фальшивомонетки. Все отобранные настоящие и фальшивые деньги Ванька сдает в сыск. Вихрем пронесся он по Москве. За кратчайший срок обезвредил более 1000 разбойников. Тогда-то и сложили про него песню:

*Ах, тошным-то мне, доброму молодцу, тошнехонько,
Что грустным-то мне доброму молодцу, грустнехонько,
Мне да ни пить-то, ни есть, доброму молодцу, не хочется!*

Мне сахарная сладкая ества, братцы, на ум нейдет;

Мне московское сильное царство с ума нейдет.

Побывал бы я, добрый молодец, в каменной Москве,

Только лих-то на нас, добрых молодцев, новой сыщичек,

Он по имени, прозванью Иван Каинов:

Он не даст нам, добрым молодцам, появиться,

И он спрашивает пашпортов все печатных;

А у нас, братцы, пашпорты своеручные,

Своеручные пашпорты — все фальшивые!

Каждый день гуляет он по Москве со своей командой — то на Красной площади, то в Крестцах, то на стругах на Москве-реке, то около кабаков. Его окружают старые друзья, люди разгульные и решительные. Они знают Москву вдоль и поперек, знают, где ловить зверя, крупного и мелкого. Каждый день в их сети попадает добыча, и Каин ведет ее в приказ.

Слава, которую приобрел Ванька, не удовлетворяла его. Выгоды от службы никакой, наоборот, он задолжал 12 рублей и 40 копеек, угощая в харчевнях своих информаторов. Два года Каин терпит такое положение, и, наконец, в ноябре 1743 года обращается в сыскной приказ с просьбой, в которой говорит, что пойманные разбойники ему дают немалые деньги за свободу, но он, не желая корыстоваться, приводил их и деньги отдал в приказ. А потому просит денег на расплату долгов и вперед на пропитание.

Но сыскной приказ отказал. Знали бы чиновники, к чему это приведет! Каин обижен, Каин оскорблен. Как же так? Он ежедневно ходит с солдатами по улицам и площадям, ловит мошенников, разбойников и беглых, выдает своих товарищей, подвергается иногда побоям, а какова же награда? Даже 12 рублей 40 копеек, затраченных на служебные поиски, — и тех не выдали! Что ж, не желает казна его кормить, он сам о себе позаботится, но его положение должно быть и почетно и выгодно.

И Ванька становится на совсем другой путь — опасный, но выгодный. Он снова сходит с криминальным миром, начинает подкармливать сначала секретарей и подьячих полицеймейстерской канцелярии и сыскного приказа, а затем и крупных чиновников. Он снова становится на путь разбоя, только под личиной доносителя сыскного приказа. Теперь Ванька богатых преступников тащит прежде всего к себе домой, требует выкуп. Те, кто сговорчивы, отделяются сравнительно легко в сыскном приказе. Остальных ждет дыба и кошки. Скупой, как известно, платит дважды. Постепенно Каин становится силой, его боятся, у него ищут заступничество.

В Троицын день, во время народного гуляния, молодцы его пошевелили в карманах Григория Колосова на 20 000 рублей. Тот к Каину, челом бьет, просит помочь горю. Каин своих потряс — отдали. Но просто вернуть не интересно. Ночью Ванька пробирается в дом потерпевшего и прячет деньги на чердаке. На следующий день Колосов встречает Каина, интересуется пропажей.

— Они уже у тебя в доме.

Едут к нему, Каин велит сыну Колосова пойти на чердак и взять деньги за картиной. Купец смотрит на Каина, как на чудотворца, и выносит ему мешок денег.

— Сколько у тебя людей? — интересуется Каин.

— Шестнадцать, Иван Осипович.

Ванька отсчитывает 16 рублей, остальное берет с собой.

Купец Бабкин умоляет разыскать украденные у него 4700 рублей. Каин находит вора и возвращает деньги. Скупец в благодарность дает 50 рублей. Ванька отказывается от них и заявляет об этом в сыскальной приказе, где, по словам Каина, несчастному пришлось поговорить с присутствующими и секретарями помирнее и против прежнего получше.

Ванька становится всемогущей личностью в Москве. И захоти он, то силу его почувствовала бы вся Россия. Каин знает ее, изъеденную доносами, повальным грабительством и казнокрадством. У него созрел гениальный план. В сентябре 1744 года он является в Сенат.

— Я, Каин, в поимке воров и разбойников всегда старание прилагаю и впредь буду. О злодеях, где они пристанище в Москве и в других местах имеют, проведываю чрез таковых же воров. И для того я принужден с ними знаться, дабы они от меня не таились, а не имея с ними такого обхожденья, злодеев сыскивать невозможно. Но я опасение имею, что когда злодеев поймут, они будут на меня показывать. И опасюсь я, что по их оговорам меня истязать будут.

На это его торжественно заверили, что их показаниям никто верить не будет, и чтобы он без опасения продолжал отыскивать воров. Более того, Сенат посылает в сыскальной приказ указ, в котором повелевает: что, ежели в том приказе кто из содержащихся колодников или впредь пойманных злодеев будет на Каина что показывать, того не принимать.

Теперь доносы товарищей-воров для Ваньки не опасны. Но на этом он не останавливается. Через месяц Каин снова в Сенате. Он напоминает, сколько поймал преступников и что в Москве их еще много, но ему всякие начальники мешают их арестовывать. Ванька просит Сенат объявить в Москве по всем командам, чтобы в сыске и поимке воров ему препятствия не чинили.

Случилось невероятное: Сенат подчиняет Каину все тогдашние силовые структуры, наделяет его громадными полномочиями: доносителю Каину для беспрепятственного в поиске и поимке им воров и разбойников и других подобных им злодеев дать из правительствующего Сената с прочетом указ, в котором написать, что ежели где в Москве случай допустит ему, Каину, помянутых злодеев ловить и в той их поимке будет требовать от кого вспоможения, то в таком случае всякого чина и достоинства людям, яко верноподданным Ея императорского величества, в поимке таких злодеев чинить всякое вспоможение, дабы оные злодеи чрез такой его сыск вовсе могли быть искоренены, и все подданные Ея императорского величества по искоренении таковых злодеев с покоем без всякой опасности и разорения вперед остаться могли. А ежели кто при поимке таких злодеев ему, доносителю Каину, по требованию его, вспоможения не учинит и чрез то такие злодеи упущены и ко умножению их воровства повод подастся, таковые, яко преступники, жестоко истязаны будут по указам без всякого упущения; о том же в военную коллегию, в главную полицеймейстерскую канцелярию и в сыскальной приказ подтвердить, и чтоб по командам в поимке таких злодеев помянутому доносителю Каину всякое вспоможение чинено было; на противу же того и ему, Каину, в поимке под видом таковых злодеев никому посторонним обид не чинить и напрасно не клеветать под таким же истязанием, а военной коллегии учинить о том по сему Ея императорскому величеству указу.

Вот так! Ванька — официальный, узаконенный решением Сената и приказом императрицы диктатор Москвы! Теперь всякое слушание ему любой власти — государственное преступление.

Слава Каина растет, гремит по Москве. Он стал народным героем. И новую жизнь начинает с женитьбы. А о ней ходят легенды. Давно это случилось, когда он еще и сыщиком-то не был. Жил Ванька по соседству с отставным сержантом Иваном, знал с ним, в гости заживал. А у того дочь красавица Арина. Ох, и полюбилась же она ему! Все подарки ей дарил, все ухаживал.

— Я с отцом твоим близко живу, а с тобой еще ближе хочу.

А девица и бровью-то не ведеет, все одними разговорами обходится. Разгорелась страсть в добром молодце. Пуще прежнего ухаживает, красного словца не жалеет. Но гордячка не желает связывать свою судьбу с таким человеком. Отступил Ванька, но до поры до времени. А как стал сыщиком, вновь порог обивает, проходу не дает. Узнает он, что та замуж собралась.

— Замуж пойдешь только за меня!

— За кого захочу, за того и пойду! Ты мне не указ.

— За другим тебе сроду не бывать!

— Ишь, командир какой! Не бывать мне за тобой! И думать не смей.

Наотрез отказала. Да не на того напала. Уж коль решил что Каин, то расшибется, а добьется. В очередную облаву арестовал он и гордячку. На ту пору в сыском сидел фальшивомонетчик, пойманный Каином. Пока суд да дело, Ванька с ним и сговорился.

— Ты, Андрей, меня знаешь: слов на ветер не бросаю. Коли поможешь, и я помогу. На допрос просись, да открой, будто дочь, мол, сержанта Ивана Арина знала о ремесле твоём, да не донесла о том.

Аринишку допрашивать, плетью бить. Но она ничего показать не может. Время идет, Ванька ждет, а Арина молчит. Подсылает Каин бабу да строго-настроено наказывает уломать девицу.

— Ты, красавица, не ломайся, ты покайся да за Ваньку собирайся.

— Не бывать тому!

— Суженого не объехать, не обойти. Зря ерепенишься-то.

— Поди вон! Мое слово крепко.

— Ежели пойдешь за него, тотчас на волю выйдешь.

— Пусть в темнице умру, а за Каина не пойду, — наотрез отказала.

Нашла коса на камень. Горда девица, да и Ванька не лыком шит. Год сидит Арина, два сидит, согласия не дает. Третий год прошел — непреклонна. Снова посылает бабу Каин, велел пыткой полагать. И добился своего. Счастливым Ванька просит начальство отдать невесту на поруки.

— Только кнутом ее наказать. Сколоченная посуда два века живет!

Аришу кнутом побили да на поруки отпустили. Каин невестушку поручил знакомой просвирице для излечения, и назначил день свадьбы в первый день масленицы. Потому-то в 1745 году масленица на Москве была всем масленицам масленица. В первый день ее и стар и млад к Варваре Мученице потянулся. А то как же! Венчается никто иной, а сам начальник сыской команды Ванька Каин! Ай, да пара, ай, да молодцы!

Но в церкви случился конфуз. Каин подает священнику фальшивую вечную память — сам себе написал. Тот отказывается венчать и покидает церковь. Впервые Ваньке стыдно, потому как церковь забита любопытными. Он тотчас посылает свою команду для сыску идущего по улице какого-либо священника. Выловили такого, приводят, толково все разъяснили, и обряд венчания совершен! А во время пира ве-

лит он молодцам приглашать всех мимо идущих купцов. Сигнали их во двор человек 40. Каин выходит к гостям со свадебным угощением — мешком гороха. Бедняги, если хотели сохранить зубы, откупались от жесткого лакомства большими деньгами.

Правда, знаменита его свадьба не одним кормлением купцов горохом. Каин ищет популярности, шума, народного говора. Он устраивает около мытного двора масляничные горки, которые обесмертили его имя и с этой стороны: урочище, где было устроено народное гулянье, до сих пор называется Каиновой горою. Ванька украсил ее елками, истуканами да красным сукном, а в последний день масляницы по его приказу 30 комедиантов устроили зрелище — игру о царе Соломоне.

Накопив денег, он покупает себе дом в Китай-городе. Во дворе блинная изба и конюшня, на улице лавка. В светлицах образа в серебряных и золоченых окладах. Особой красоты Св. Иоанн Милостивый, украшенный жемчугом и дорогими камнями. На стенах зеркала в золоченых рамах, печатные картинки с портретом Петра Великого — кумиром Каина. Вдоль стен стулья, обитые черным трипом. Два дубовых стола покрыты персидскими коврами. В кладовых посуда оловянная да фарфоровая. В сундуках золотые и серебряные вещи: стопы, подносы, чайники, серьги, карманные часы и прочее. А жену обрядил, точно барыню. Сам Ванька дома щеголяет в суконных сортуках то макового цвета, то зеленого, в туфлях зеленых, гризетовых, шитых серебром. По вечерам, после трудового дня, Каин либо в харчевнях угощает подьячих и всех нужных людей, либо гуляет в блинной избе. И во всем ему помогает дорогая женушка. Каин работает неустанно, его недюжинная природа требует применение богатых сил, но, к сожалению, они все больше стали употребляться во зло. Зимой 1747 года заходит он в гости к Осипу Тимофееву, приказчику орловского купца. Попили чаю, как водится, поболтали. Хозяин вышел гостя проводить, а тут проходит купец.

— Вот он, Клепиков, — говорит Осип, — и в худом платье ходит, да богат. У него денег 5000 и более, а кроме пива ничего не пьет!

— А где у него деньги? — заинтересовался Ванька.

— Держит на своем стругу, что с хлебом.

Каин домой, приглашает своего молодца Шинкарку и целовальника Колобова. Триумвират решает способ ограбления Клепикова.

— Опойте Клепикова пивом с дурманом! — предлагает Колобов.

Принялись за опыты: сколько чего нужно, чтобы не отравить до смерти. Насыпали фунт дурману в полведра пива, замазали кувшин тестом и в печь. Когда снадобье подошло, выпили по стакану. Ничего, все в памяти. Купили еще четверть пива, вылили в оставшееся с дурманом. Колобов и Шинкарка выпили по три стакана, и к вечеру целовальник впал в безумие, да и Шинкарка валится с ног. Наутро проснулись совершенно здоровыми. Готово, можно опаивать, но, как на грех, главному химику срочно надо покинуть Москву по делам. Тогда решили поступить проще — просто ограбить. Как только купец с женой отправились к обедне в церковь, молодцы к нему.

— Что за стук? — ворчит работник.

— Письмо нужное из Орла.

Только дверь отворилась, молодцы работнику в глаза золы и соли, велят его под лавку. Ломают сундуки и наполняют мешки деньгами. В мгновение со всем покончили. И это среди бела дня в центре Москвы — у Москворецких ворот.

Начинается новый разбойный цикл. Стоило Ваньке только свистнуть, и его молодцы страшно шевелились. С весны 1748 года, кроме разбоев и повальных грабежей, Москва начинает гореть со всех концов. Горят тысячи домов, церкви, монастыри, народ горит сотнями. Как только начинается паника, но еще строение не полностью охвачено пламенем, его люди выносят ценности. Москва выбирается за город и живет

лагерями. Полицейская команда под руководством Ваньки ловит поджигателей. Петербург в панике, его оцепляют пикетами из гвардейских полков. В Первопрестольную вводят войско под командой генерал-майора Ушакова. Ванька продолжает свое дело, но, видно, его диктатуре придет конец. Четыре года он начальствовал над всеми, но команда Ушакова ему не подчинена, она хватается подозрительных людей и ведет их не к Каину, а к генералу, мало того, начинают бить и Каина.

Но Ванька губит себя сам в общественном мнении, выдав своего учителя и друга — Петра Камчатку. Что заставило пойти на предательство, неизвестно. Тот в последние годы остепенился, зарабатывал на демидовских заводах, потом в Москве. С этого времени Каин теряет доверие и у начальства, и у своих друзей, отшатнулись от него и чиновники. Но погубила его в зените славы огромная сила — раскол, против которого он вздумал пойти.

Еще в 1745 году был издан именной указ о сыске лжеучителей и еретиков с назначением в Москве особой раскольничьей комиссии. Каин понял, что здесь широкое поле деятельности, но поторопился, не зная ее силы. Он начинает свой крестовый поход. Диктатор совершенно опьянел от своей власти и перестал прятать концы. Он посещает дома богатых раскольников, забирает детей, за которых требует выкуп. Родители пожаловались в раскольничью комиссию. Но с Каина, как с гуся вода, он подкупает подьячих, и бумага в приказ отправляется только через три года.

Но тут он поднял руку на святая святых раскольников — на их законоучителя Андрея Селиванова, или немного Андреюшку. Тогда он был только немой, убогий, юродивый, но затем стал родоначальником воскресшего скопчества. По их догматике он стал государем Петром Федоровичем, одним из первых самозванцев с именем Петра, предшественником Пугачева. Арестованного Каином Андреюшку отправили в Сибирь. По пути туда он принял большое оскопление, а из Сибири с торжеством возвратился в Петербург. История показывает, что щупальца этой могущественной секты всегда тянулись к пружинам государственного механизма. Скопцы не простили Каину. А это была такая сила Руси, что стирала с лица земли и не таких, как Ванька Каин. Благодаря их стараниям, сначала раскольничья комиссия, за нею сысковой приказ, тайная канцелярия, и, наконец, полиция и воинские команды стали не доверять диктатору, а затем и ожесточенно его преследовать. Тут припомнились страшные пожары и их поджигатели, друзья Ваньки. И вот в сознании легко поддающихся влиянию масс Каин превращается в окаянного. Все сливается на его умную голову.

В Москву прислали Татищева, нового генерал-полицеймейстера. 1 февраля 1749 года он арестовал диктатора. Выхода нет, и Каин решает как можно дороже продать свою жизнь. 24 февраля он заговорил. Да как заговорил! Он не пощадил ни полицию, ни сысковой приказ, ни комиссию, назвал очень громкие имена. В числе взяточников — советник Воейков, сенатский прокурор Щербинин и граф Сергей Алексеевич Шереметев. Татищев доносит Елизавете Петровне, что Каин опутал одной петлей всех, начиная с московской администрации и кончая гольтьбой кабацкой. Он является фактически всеобщим атаманом. Чтобы быстрее распутать этот клубок, генерал предлагает императрице учредить особую комиссию и арестовать тех, на кого показал Каин. Именной указ состоялся 25 июня 1749 года. В нем, между прочим, повелевалось: для искоренения злодеев московскую полицейскую команду усилить солдатами из полевых полков, а вора Каина с его товарищами из полиции со всем его делом передать в сысковой приказ. На основании указа, отрешили от должностей все подозрительные чины, а на их места назначили других. Каина караулят 50 солдат с унтер- и обер-офицером. Более 6 лет просидел он в темнице. Только в июне 1755 года кончилось дело. Суд приговорил Ивана Каина к смертной казни, но Сенат заменил ее каторгой.

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

Андрей ДЫШЕВ

ДИССЕРТАНТ

Глава первая. Представительница древнего рода

— Аристарх Сазонович...

— Софронович!

И что за имя у старика! Никак не запомню. Я постарался придать голосу оттенок торжественности:

— Аристарх Софронович! Я и Настя любим друг друга и хотим создать семью. Я прошу руки вашей дочери.

Вот и все. Красиво и коротко. Дело в шляпе.

Отец Насти, шестидесятилетний академик и профессор филологии, словно из какого-то старого кинофильма вывалился. Он ходил по комнате в длинном стеганом халате, шаркал тапочками по скрипучим половицам, пыхтел трубкой и молчал. Не думаю, что моя просьба застала его врасплох. Я достаточно часто бывал в его доме, и профессор не мог не предполагать, к чему это, в конце концов, приведет.

— Для вас, молодой человек, знакомство с Настей — это не заурядное событие, — менторским тоном произнес он. — Вам посчастливилось обратить на себя внимание представительницы древнего и весьма почтенного рода.

Кажется, папаша начал набивать цену. Естественно, все родители переоценивают своих чад.

— Ведь вам даже в голову прийти не могло, — продолжал профессор, — что мой дед, Алексей Спиридонович, имел честь работать в главной палате мер и весов под началом Дмитрия Ивановича Менделеева. А мой отец, да будет вам известно, был другом Отто Струве и в двадцатом году лично провожал его на теплоход, отбывающий в США...

Я все больше расслаблялся на диване, смотрел на старика преданными глазами и с трудом сдерживался, чтобы не зевнуть. Притомил он меня своей рекламной паузой! Настя сидела на стуле в противоположном углу комнаты, сложив ладони на коленях лодочкой, и делала страшные глаза. Но я, хоть убей, никак не мог состроить на лице умное выражение. Папаша моей возлюбленной подошел к столу и принялся выбивать трубку в пепельницу.

— А потому, — наконец завершил он рекламную паузу, — знакомство с Настей и, тем более, женитьба на ней, вас ко многому обязывает... Первый вопрос: чем вы думаете зарабатывать на жизнь, молодой человек?

— Если я не проявлю настойчивости, то Насте придется долго сидеть в девках, — подумал я. — Но ничего. Сейчас я поставлю папашу на место".

— На сегодняшний день, да будет вам известно, я заместитель директора фирмы "Гормашнас", — произнес я не без гордости. — У меня приличный оклад и более тридцати человек в подчинении.

Папаша нацепил на нос очки и принялся рассматривать меня с каким-то лабораторным интересом.

— Очень хорошо, — произнес он с едким сарказмом. — Простите, не расслышал, как ваша фирма называется? Мыш-Дур-Нос?

— "Гормашнас", — повторил я, чувствуя себя незаслуженно обиженным.

— А позволите узнать, что ваша фирма производит?

— Мы продаем насосы, — ответил я с достоинством. — В том числе и для нефтяной промышленности. Надеюсь, вы представляете себе, что такое нефть?

— Ага, — кивнул старик. — Распродаете то, что было создано великой российской империей. Вы, как пиявки, сосете кровь у умирающей акулы. Бьюсь об заклад, что вы даже в общих чертах не представляете себе устройство насоса для ассениза-

тора. Зато с важным видом катаетесь на своем дорогом автомобиле и с презрением смотрите на обнищавшую интеллигенцию.

— Продать тоже надо уметь... — заметил я, но старик не стал меня слушать.

— Если научить обезьяну продавать бананы, она станет миллионершей очень скоро и разорит человека. — Он погрозил мне пальцем. — Потому что она ловчее лазает по деревьям... Вот если бы вы сказали, что возглавляете конструкторское бюро по созданию насосов нового поколения, я бы с открытым сердцем пожал вам руку.

— Папа! — заступилась за меня Настя. — Нельзя же так! Он уже покраснел!

— Это хорошо, что покраснел. Значит, еще не огрубел окончательно, и мои слова вызывают в нем сильные эмоции. Теперь второй вопрос: ваше образование? Какое учебное заведение вы окончили?

Видимо, он решил унижить меня окончательно. При чем тут образование? Сейчас спрашивают о толщине кошелька, а не о дипломах.

— Я окончил только среднюю школу, — небрежно бросил я. — Потом посещал курсы...

— Стоп! — перебил меня профессор и показал мне свою ладонь, будто хотел отгородиться от моих слов. — Можете не продолжать. Мне все ясно. Вот! Вот в чем кроется корень всех наших бед! Сегодня вы заместитель "Мышнавоза", а завтра? А если в стране переворот? А если вас выкинет на необитаемый остров? Что вы еще умеете делать, кроме того, как спекулировать? Как вы будете содержать семью, поднимать на ноги своих будущих детей?

— Вы меня, Аристарх Софронович, совсем опустили, — произнес я, не скрывая иронической усмешки. — Не такой же я инфантильный, каким вы меня представляете. У меня дорогая машина. Я купил вторую квартиру, где намерен жить с Настей. Работаю в преуспевающей фирме. Меня очень ценит мой директор. А это о многом говорит, это гарантия материального достатка в будущем.

Профессор посмотрел на меня так, словно я был неразумным дитятей.

— Гарантия? — с едкой иронией повторил он. — Какие же вы, молодые, самоуверенные! А если вас сровняют с землей конкуренты, и ваша фирма разорится? А если вы, извиняюсь, тяжело заболете, вас уволят, и вашу квартиру придется продать, чтобы сделать вам дорогостоящую операцию? А если вас посадят в тюрьму по ложному доносу?.. Да вы даже не представляете себе, сколько в жизни может быть этих "если"!

— Папа! — воскликнула Настя. — Немедленно прекрати унижать Сергея! Он уже глаза от стыда поднять не может!

Старик добродушно рассмеялся.

— Ничего, критика пойдет ему на пользу... Не обижайтесь на меня, молодой человек. Возможно, на старости лет я стал брюзгой. Но во мне говорит житейская мудрость. И еще чувство долга за Настю. Это хрупкое и легко ранимое существо. И я пока не уверен, что вы способны обеспечить ей счастливую семейную жизнь. Но дерзайте! Она вас подождет и с лихвой отблагодарит за ваше усердие.

Я вздохнул с облегчением, когда мы с Настей уединились в ее комнате.

— Кажется, — я ослабил галстук, который тугой петлей сжимал мою шею, — твой папочка намерен стоять насмерть. Вот уж не думал, что в наше время еще можно найти такое ископаемое! Неужели материальное положение его совсем не интересует, и он с радостью выдал бы тебя за нищего с дипломом в кармане?

— Увы, — ответила Настя с грустью и опустила руки мне на плечи. — Как-то ко мне набивался в женихи один тип из модельного бизнеса. Образование — восемь

классов, зато своя вилла в Подмоскowie. Так папа с ним вообще разговаривать не стал, сразу за дверь выставил... Ты очень расстроился?

— Не то слово! — ответил я. — Придется пополнить строй великих ученых.

— У-у! — протянула Настя и махнула рукой. — Тогда мне точно не дожидаться венца. Пропала личная жизнь! — С этими словами она схватила меня за лацканы пиджака и прошептала: — Давай уедем.

— Куда?

— За границу.

— Сейчас в Европе холодно. Разве что в Египет? А как же твои занятия?

— Ты меня не понял. Я хочу уехать за границу навсегда.

— Ага, — кивнул я, затягивая галстук. — А кто нас там ждет?

— Это уже второй вопрос. Главное, чтобы ты согласился.

Я накинул пиджак и, поправляя рукава, подошел к дивану.

— Настя, это невозможно. У меня здесь бизнес. Я делаю ремонт в нашей квартире. И вообще, я не хочу никуда уезжать! Это моя страна, моя Родина, в конце концов!

Настя взяла мою руку и поднесла к губам.

— Я с родителями больше половины жизни прожила в Германии. Так где моя Родина — здесь или там?

— Вот если у меня будет ребенок, то пусть он живет за границей. А я опоздал с великим переселением. Мне здесь жить и здесь умереть.

Я даже не догадывался, что во мне так прочно сидят патриотические чувства.

Глава вторая. Пьющий, безработный, бедный

Я встретил Настю после занятий. Сев в мой "аудишник" и включив обогрев салона и музыку, мы курили и долго молчали.

— Отец поставил вопрос ребром, — наконец тихо произнесла Настя. — Говорит: "Или ты выйдешь замуж за образованного человека, или не выйдешь вовсе".

— Не драматизируй, — сказал я. — К счастью, теперь за деньги можно все. Твой папа хочет, чтобы у меня был диплом? Будет диплом. Может быть, даже красный.

— Диплома мало, — покачав головой, ответила Настя. — Он хочет, чтобы ты вдобавок к диплому получил ученую степень.

— А это еще что такое?

— Стал кандидатом наук.

Я выкинул окуроч в окно, приглушил музыку и внимательно посмотрел на Настю.

— А он не хочет, чтобы я стал Нобелевским лауреатом? В принципе, и это возможно, только придется много заплатить.

Настя повернула лицо и посмотрела на меня. Ее веки были наполовину прикрыты.

— Хочешь, я поругаюсь с ним и уйду из дома?

Такой решительности я от Насти не ожидал. Мне стало ее жалко. Я привлек ее к себе и ласковым голосом спросил:

— Зачем ругаться с моим тестем? Его надо любить и уважать. И еще считаться с его маленькими капризами. Стану я кандидатом наук. Завтра к вечеру. От силы — послезавтра.

— И как ты это сделаешь?

— Очень просто. Выйду из машины и спущусь в метро. Там можно купить какой хочешь диплом. О том, что я окончил вуз, и о том, что я кандидат наук. Можно купить даже свидетельство, что я дальний родственник Ньютона.

Настя отрицательно покачала головой.

— Нет, отца не проведешь. Он делает запрос в вуз, где якобы проходила защита, и получит ответ, что никакую диссертацию ты не защищал.

— Милая моя, — нежно проговорил я. — Все покупается и продается. Везде берут взятки. И в ученом совете тоже.

— Но кроме взятки ты должен принести туда что-то, отдаленно напоминающее диссертацию. Должен быть научный труд. Плохой, слабый — это второй вопрос. Но сначала должен быть текст, который в ученом совете засчитали бы как диссертацию.

— Где же мне взять такой текст?

— Кто-то рассказывал, что можно нанять людей, которые за деньги возьмутся писать диссертацию на любую тему.

— Что ж это за люди такие, которые могут написать диссертацию?

— Невостребованные специалисты, — ответила Настя. — Сотрудники развалившихся НИИ, безработные преподаватели. — Она оживилась и продолжала с увлечением: — К отцу постоянно ходят всякие подозрительные типы, похожие на бомжей. Просят его, чтобы помог устроиться на преподавательскую работу. Один меня вообще чуть до смерти не напугал: грязный, оборванный, рот беззубый, из кармана пальто бутылка торчит. А как папа представил его, так я чуть с лестницы не упала: доктор филологических наук, профессор кафедры русского фольклора! Представляешь?

— Отлично! — обрадовался я. Проблема, как я и думал, не стоила выведенного яйца. — Ставлю тебе задачу: найти адрес этого профессора.

Но Настя отрицательно покачала головой.

— Нет, этот профессор не пойдет. Во-первых, он настолько спился, что уже двух слов связать не сможет. А во-вторых, в филологии отец слишком хорошо разбирается. Если потом он вдруг решит поболтать с тобой на тему диссертации, то мгновенно поймет, что ты ни в зуб ногой. Надо выбрать такую науку, в которой мой папочка полный нуль.

— Надеюсь, такие науки еще есть? — с некоторой опаской спросил я.

— К счастью, — кивнула Настя. — Например, физика. Он даже уроки у меня проверить не мог и отсылал к маме. Говорил, что от правила буравчика и теории относительности у него мозги закручиваются в спираль.

— Решено. Буду кандидатом физико-математических наук. Осталось найти безработного физика. У тебя нет на примете какого-нибудь бедного Эйнштейна?

— Найти такого не сложно. Открываешь газету, просматриваешь объявления, где предлагаются услуги репетиторов, и начинаешь обзванивать всех подряд. Но я бы не советовала тебе.

— Почему?

— Опасно вести такое щепетильное дело с первым встречным. Ты должен быть на все сто процентов уверен, что человек, который напишет для тебя диссертацию, никому и никогда не признается в своем авторстве.

Все-таки умная головушка у моей Насти! Недаром дочь академика!

Я немного приуныл. Проблема усложнялась. Для ее решения требовалось намного больше времени, чем я предполагал.

— Неужели у тебя нет знакомых, которые могли бы написать для тебя диссертацию? — со слабой надеждой спросила Настя. — Подумай, вспомни.

- Нет, — потухшим голосом ответил я.
- Может, в армии с умными ребятами служил?
- Да откуда в разведоте умные? — махнул я рукой. — Мы там только боксом занимались и кирпичи об голову разбивали.
- А в школе? Неужели у вас в классе не было отличников?
- Где? В школе? — И тут вдруг у меня в мозгу словно лампочка вспыхнула. — Есть такой! — крикнул я.
- Ты о ком? — не поняла Настя, вздрогнув от моего крика.
- То, что надо! Физик! Пьющий, безработный, бедный! До недавнего времени работал в каком-то научно-исследовательском институте. Институт закрыли, всех сотрудников вышвырнули на улицу.
- Да кто же это?
- Мой одноклассник Витька Чемоданов! Я с ним пару месяцев назад случайно встретился. Умнейший парень! В школе физику знал лучше учительницы!
- Ты с ним дружишь?
- Я поморщился и отрицательно покачал головой.
- Друзьями мы, конечно, не были. Случалось, немного конфликтовали. Но это все в прошлом.
- А он возьмется за это дело? Ты уверен?
- А куда он денется! — воскликнул я и потер руки от предвкушения. — Он мне давал свой адрес. Куда же я его записал? Лишь бы не выбросил! Стоп! Где-то в органайзере... Живет он в Подмосковье, по-моему, не женат. Главное, чтобы он сейчас не был в запое.
- Я порывисто обнял Настю и поцеловал ее в щеку. Все-таки молодец ее папаша! На какое дело меня подтолкнул! Надо же, я стану кандидатом наук, зятем академика, профессора! Буду общаться с элитой российской науки, принимать участие в симпозиумах и семинарах, дремать в тиши читальных залов библиотек... Таблицу умножения для начала повторить, что ли? А то все калькулятор да компьютер.

Глава третья. Бред какой-то!

Настя очень волновалась, чтобы я не спасовал, не передумал, и разбудила меня телефонным звонком без четверти семь утра.

— Ты еще в постели? — возмутилась она.

— А зачем так рано? — удивился я, не в силах открыть глаза.

— Затем, чтобы твой физик не успел опохмелиться!

Я подобрал ее на Варшавке, и мы помчались в сторону Серпухова. Погода стояла ужасная. В ветровое стекло летел гигантский рой снежинок. Щетки едва справлялись с ними. Я боялся очутиться в кювете и не слишком давил на газ, что вызывало резкое недовольство у Насти.

— С такой черепашьей скоростью мы приедем к твоему физику к обеду, в самый разгар застолья.

Выглядела она сегодня неважно: лицо припухшее, кожа землистого цвета, под глазами синяки, взгляд потухший.

— Плохо спала? — спросил я, сворачивая с трассы на лесную дорогу.

— Не отвлекайся, — не ответила на вопрос Настя.

Где-то я читал... или слышал по телевизору, что дочери ученых — жуткие стерво-зы...

Машина едва ползла по каким-то жутким ухабам. С одной стороны торчали красные от ржавчины цистерны какого-то заброшенного завода, а с другой — мрач-

ные пятиэтажки. Я всматривался в номера домов. Номеров не было. Людей, у которых можно было бы спросить, тоже не было. Я остановился и полез в карман пальто за блокнотом.

— Поселок Промышленный, — бормотал я, читая адрес, — улица Рабочая, дом шесть, квартира тринадцать.

— Я сейчас умру, — призналась Настя.

— Никто не ставлял тебя ехать со мной, — ответил я, трогаясь с места и объезжая сгнивший автомобиль без колес, лежащий на въезде во двор.

— Наверное, вот этот дом шестой! — недовольным тоном произнесла она и ткнула пальцем в стекло.

Я кое-как заехал во двор. Посреди, словно старая воронка от авиабомбы, чернела огромная лужа. Вокруг нее росли деревья с обломанными ветками и большими стволами, покрытыми странными надписями. На единственной скамейке, стоящей у первого подъезда, сидели подростки и плевали себе под ноги.

— Шестой дом? — спросил я у них, опустив стекло.

— Ну, — ответил один из подростков, прыщавый, худой, с глупыми и жестокими глазами.

— Так да или нет?

— Ну... — повторил он, сплевывая, и покосился на машину.

Второй подросток приподнял мертвенно-бледное лицо, посмотрел на меня совершенно безумным взглядом и вдруг громко заржал.

Настя была терпелива и последовательна. Удивляюсь, как она не схватилась за руль, чтобы немедленно развернуться и уехать из этого поселка.

— Посмотрим здесь. — Я стал отыскивать место, где бы припарковать машину.

— А чего смотреть? — ответила Настя и взялась за ручку, чтобы открыть дверь. — Тебе же сказали, что это шестой дом.

— Разве? — усомнился я, но Настя уже вышла из машины и хлопнула дверью.

Она дошла до подъезда, встала под козырьком, чтобы холодные снежинки не падали ей на лицо, и стала смотреть на меня, хмурия брови.

— Уже нашла? — спросил я, прыгая с кочки на кочку. — Здесь тринадцатая? — и открыл скрипучую дверь. Мы, переступая через подозрительные зловонные лужи, поднялись на последний этаж. Настя остановилась перед дверью, неряшливо обшитой коричневым ледерином. Вверху на одном гвоздике болталась металлическая цифра 1. "Тройку", наверное, кто-то украл, и число было дописано мелом.

Я потянулся пальцем к кнопке звонка, а Настя постучала кулаком. Сорок процентов я давал на то, что Чемоданова нет дома, а пятьдесят — что он в дупель пьян. Но выпало на оставшиеся десять. Он открыл дверь, причем открыл нараспашку, выпустив на лестничную площадку тяжелый запах жилья.

— Серёнька! Откуда? Каким ветром?

На пороге стоял круглолицый, коротко стриженный мужик с рыхлым желтоватым лицом, в тельняшке и коротких шортах из обрезанных джинсов. Рот Чемоданова был чуть приоткрыт, между мясистых губ проглядывали редкие крепкие зубы, глаза круглые и карие, как два каштана. На лице застыло выражение легкого недоумения, растерянности.

Чемоданов молча развел руками, сдержанно улыбнулся, сдержанно обнял меня и трижды поцеловал в обе щеки.

— Очень вовремя! — сказал он хриплым, ломающимся голосом. — У меня есть такая ма-аленькая вобляшка. А ты пива, случайно, не принес? Хотя бы пару бутылочек?

Мы с Настей зашли в тесную прихожую. Чемоданов с третьего раза сумел захлопнуть дверь и только после этого обратил внимание на Настю.

— Очень приятно, — промурлыкал он, пожимая ее руку.

Я смотрел по сторонам, пытаюсь найти в темноте вешалку. Всевозможные куртки, бушлаты, телогрейки висели на кривых гвоздях, на ручках дверей, кучей лежали на скамейке. Обувь разнообразных моделей, истоптанная и грязная, в беспорядке валялась на полу. Мы с Настей сослепу наступали на ботинки, кроссовки, сапоги, спотыкаясь и выворачивая себе ноги.

Я стоял с пальто в руках и не знал, куда его повесить. Настя, жалея свои колготки, не стала снимать сапоги. Чемоданов, вспоминая что-то, качал головой, вздыхал, пригладивал волосы.

Мы прошли в комнату.

— Вы не удивляйтесь, девушка, — обратился Чемоданов к Насте. — У нас с Сергунчиком в молодости такое было! Такое было! Но я не могу понять, как ты меня нашел?

Комната, куда Чемоданов нас завел, была маленькой, пыльной, до предела забитой хламом. Книжный шкаф прижимался к платяному, а тот, в свою очередь, упирался в диван, в изголовье которого стоял испорченный холодильник. Стулья и табуретки стояли там, где их можно было воткнуть, и были завалены смятой одеждой, тапочками, носками и книгами. Я скинул со стула тряпье и усидил Настю.

— Мне кажется, ты пришел не просто навестить старого дружочка, — сказал Чемоданов.

И опять: ах-хи-хи-и-и!

— Ты занимаешься наукой, Витя? — спросил я, пытаюсь упорядочить в этой комнате хотя бы наше общение.

— Что ты! Как наш институт закрыли, я с физикой завязал. Иногда, правда, просматриваю свежие наработки...

— А ты успел защититься? — начал я издалека.

— Какое там! — отмахнулся Чемоданов. — Не успел. Кандидатский минимум сдал, диссертацию почти написал, а потом — обаньки! — моя женулька попала под машину.

— Какой ужас!

— Не то слово! На ней была шубка, такой скромненький шубёничек за тысячу долларов — так тоже пострадала! Колесом рукав оторвало. Я с машиной из-за этой шубки до сих пор сужусь. Не хочет, гад, компенсировать убыток. Говорит, что шуба еще до наезда враная была...

— И где теперь эта твоя диссертация? — осторожно спросил я, чувствуя, что кандидатство просто сыпется мне на голову, как штукатурка с потолка.

— Где, где, под диваном валяется. Я ею печь растапливаю.

— Да ты что? — воскликнул я. — Seriously?

— Во те крест! — заверил Чемоданов. — У нас ведь батарейки холодненькие, печурку топить надо. Так я из-под диванчика один листок — жмык! На формулы погляжу, смахну со щеки слезунчик, а потом спичечкой чирк! И туда его!

Меня ждала уже готовая диссертация, и в ушах уже звенел марш Мендельсона.

— Тебя за это убить мало! — произнес я.

— Господи, как ты долго! — вдруг не выдержала Настя и посмотрела на Чемоданова. — Продайте нам вашу диссертацию!

— Диссертацию? — переспросил Чемоданов. — Запросто. Три бутылочки пивунчика — и она ваша.

— Правда? — не поверил я. — Дорогой мой, да я тебе сейчас ящик пива принесу!

— Идет! — согласился Чемоданов. — Только, Серёнька, позволь полюбопытствовать: а на кой хрен тебе сдалась моя диссертация?

Я несколько мгновений колебался: говорить правду или не говорить? Потом представил, каким жалким покажусь Чемоданову, если расскажу, что без диссертации не могу добиться расположения родителей Настя, и передумал.

— Да мой начальник с ума сошел, приказал защититься. Вроде бы для того, чтобы выйти на новый уровень в работе с иностранными партнерами.

Чемоданов в упор посмотрел на меня, округлив глаза и выпятив губы.

— Так это что ж получается? — произнес он. — Ты хочешь защитить кандидатскую по моей диссертации?

— Ну да, — подтвердил я, и мне вдруг стало стыдно. — Я ведь тебе заплачу за это. Ты как бы продаешь мне свой труд.

— Э-э, Серёнька, так не пойдет! — покачал головой Чемоданов.

— А ты думал, для чего она мне? Печку топить? — громко спросил я, пытаюсь спасти положение.

— Да лучше печку топить! — Чемоданов вскочил с дивана, подошел ко мне и уставился на меня своими сливовыми глазами. — А ты ловкач, Серёнька! Ловкач! Я, значит, три года пахал, как папа Карло, в лаборатории гнил, ночами не спал, а ты мой труд себе приписать хочешь?

— Но это нормальный бизнес! — защищал я свое честное имя. — Ты произвел продукт, который я покупаю. За свой труд ты получишь приличные деньги.

— Откупиться хочешь! — надломленным голосом произнес Чемоданов. — Мне, значит, твои поганые деньги, а тебе — слава и почет?

Я не на шутку разозлился.

— Что ж ты сам славы и почета не добился? Почему не защитился? Почему не довел дело до конца?

— Я уже тебе говорил, — низким голосом ответил Чемоданов и сделал каменное лицо. — Жена под машину попала.

— А я думаю, что твоя диссертация оказалась никому не нужна.

Чемоданов подскочил ко мне, встал почти вплотную и прошипел:

— А вот об этом не тебе судить!

Я обернулся и с мольбой в глазах посмотрел на Настю. Ее прирожденная целеустремленность могла спасти положение.

— Я устала, — сказала она. — И больше не могу здесь... Короче: сколько вы хотите за диссертацию?

Чемоданов засопел, пошевелил губами и принялся ходить по комнате.

— Штуку, — наконец произнес он, не глядя мне в глаза.

— Какую штуку? Чего штуку? — уточнил я.

— Баксов, Серёнька. Естественно, штуку баксиков.

Однако у этого опустившегося физика был непомерный аппетит.

— А не много ли для старой, никому не нужной диссертации? — спросил я.

— Торг не уместен, — жестко произнес Чемоданов. — Я продаю тебе свой загубленный талант...

— Это нормальная цена, — кивнула Настя. — Больше времени и нервов потратим. Соглашайся!

— Черт с тобой! — сказал я Чемоданову. — Сейчас пятьсот, и еще пятьсот после защиты.

— Всю сумму сразу! Или я сжигаю ее в печке.

— Я больше не могу! — закатывая глаза, произнесла Настя. — Я задыхаюсь здесь!

Она в самом деле неважно выглядела. На лбу выступили капли пота, лицо побледнело.

— Ладно, — сдался я. — Показывай диссертацию.

Чемоданов щелкнул пальцами, хлопнул в ладоши и, пританцовывая, полез под диван. Он вытащил оттуда потрепанный портфель с ручкой, замотанной изолентой. Открыв его, бережно положил на диван упакованную в продуктовый пакет стопку машинописных листов.

— Вот она, моя диссертулечка! — пробормотал он, вытряхивая листы из пакета. — Первый экземпляр, все чистенько, без поправок и помарок.

Я взял наугад одну страницу, пробежал глазами по тексту и формулам и на всякий случай протянул Насте. Пусть посмотрит своим опытным глазом, нет ли здесь какого-либо обмана?

— А ты лапшу мне на уши не вешаешь? — спросил я.

— Серёнька, сладкий ты мой! Обижаешь! — ответил Чемоданов и приложил ладонь к тельняшке. — Я ж тебе специально смотреть даю. Вот, гляди... — Он взял из стопки еще один лист и стал водить пальцем по строчкам. — Здесь я раскладываю коэффициенты в ряд Тейлора по кинематическим параметрам движения... Как положено, все по порядку... Тут уже перехожу к линейным членам разложения...

— Ну, ладно. Не надо комментариев. Чего тут не хватает? Сколько ты уже успел счесть?

— Да это я так! — махнул рукой Чемоданов. — Болтунчики на меня напали. Тут только по мелочам. Ну, титульного листа нет, содержания нет... Это все ерунда! Я тебе сейчас все напишу... Только ты мне баксяшки сразу отсчитай, ладно?

— Я жду на улице. — Настя решительно направилась в прихожую.

Когда хлопнула дверь, я сел на диван, положил на колени драгоценную диссертацию и достал бумажник.

— Имей в виду, — предупредил я, — никто не должен знать, что диссертацию писал ты. Забудь о ней навеки, понял?

— Какой разговор, Серёнька! — заверил Чемоданов, торопливо заталкивая деньги в карман шорт. — Все будет шито-крыто. Сейчас я тебе тему напишу... Сейчас, только лист чистый найду.

— И еще посоветуй, куда мне с ней пойти, кому показать. Чтобы только надежно было!

Чемоданов снова сел рядом со мной и задумался.

— Чтобы надежно было, — бормотал он, почесывая наморщенный лоб. — Чтобы надежно... Вот что! Иди-ка ты прямоком в РИФА на кафедру динамики.

— Что такое РИФА?

— Это Российская инженерно-физическая Академия!

— И к кому мне там подойти?

— А я тебе все напишу, — пообещал Чемоданов. — Дам подробнейшие координаты, к кому и когда подойти. Лучше это сделать сегодня же... Вот... Ручечку только найду...

Пока он искал ручку, я надел пальто и ради любопытства заглянул во вторую комнату. Она, в отличие от первой, была пуста. В ней, как в узбекских гостиных, не было ничего, кроме протертого до дыр ковра да раскиданных по углам матрацев с подозрительными пятнами. Окно было заклеено газетами.

— Вот! — сказал Чемоданов, протягивая обрывок газетного поля, на котором были небрежно написаны адрес, телефон и не знакомое мне имя. — Этот человек

поможет тебе на первых порах. — С этими словами он настойчиво подвел меня к двери и выпроводил из квартиры.

Выйдя из подъезда и оглядевшись по сторонам, я уже собрался поскакать через лужи к машине, как вспомнил про Настю. Она обещала ждать меня на улице, но ее нигде не было!

Двор по-прежнему был пуст, если не считать мокрой серой псины, которая стояла на трех лапах и отчаянно чесала у себя за ухом. Я сел в машину, немедленно заблокировал все двери и запустил мотор. Какое отвратительное место! Знал бы светлейший Аристарх Софронович, какие болота мне приходится преодолевать, выполняя его прихоть. Прочь, прочь отсюда!

Исследовать двор было намного безопаснее в машине. Для начала я несколько раз протяжно посигналил, но это не вызвало никаких изменений во дворе, даже шелудивый пес не перестал чесаться. Очень медленно, чтобы не разбить подвеску на ямах, скрытых под лужами, я объехал все дворы, но нигде не нашел никаких признаков жизни. Везде одно и то же: туман, голые деревья, огромные лужи, изрисованные стены домов и развешанные на бельевых веревках тряпки.

Чувствуя страшную усталость, так и не найдя Настю, я поехал прочь из поселка. "Ноги моей здесь больше никогда не будет! — думал я. — И Чемоданова видеть никогда не хочу!"

Глава четвертая. Совершенно бездарная работа

Пока я ехал в Москву, во мне родилась обида на Настю. Подумаешь, какая брезгливая! Не могла подождать меня. Наверное, потому, приехав в Москву, я не стал звонить ей домой и спрашивать, благополучно ли она добралась, а сразу направился в инженерно-физическую Академию, которая находилась где-то на востоке города. С мобильного позвонил человеку, чье имя было нацарапано на газетном клочке: Календулов Павел Герасимович.

— Буду вас обязательно ждать, — ответил он мне глухим невыразительным голосом, словно был больным и бедным пессимистом. — Диссертация при вас?

Я предвкушал приятное общение с умным, интеллигентным человеком. После поселка Промышленного мне требовался обвал положительных эмоций, чтобы сбалансировать нервную систему. Я надеялся, что в мудрой тишине преподавательской, среди многометровых стеллажей с книгами, шкафов со схемами и приборами, среди отполированных усидчивостью столов и стульев я почувствую себя почти что в родной стихии, и моя опустошенная душа вспыхнет жадной познания.

Академия располагалась в здании старой школы, зажатой со всех сторон новыми жилыми корпусами. Изобилие иномарок, принадлежащих, по всей видимости, студентам, создало проблему с парковкой. Пришлось оставить машину в одном из близлежащих дворов.

Я вынул диссертацию из пакета и аккуратно упаковал ее в газету. Сунул сверток под мышку и направился к Академии. Найдя дверь, пронумерованную числом 208, постучал и взялся за ручку. Дверь была заперта. Но за спиной я услышал чьи-то шаги и, обернувшись, увидел миниатюрного человечка, едва ли не карлика, который шел напрямик ко мне.

— Я Календулов, — сказал он. — А вы по поводу диссертации?

Я кивнул и для убедительности показал ему сверток.

Открыв ключом дверь, Календулов взмахом руки пригласил меня зайти внутрь, быстро зашел следом за мной и тотчас заперся.

— Присаживайтесь, — сказал он.

Это была не преподавательская. Может быть, хранилище учебных приборов и пособий, может быть, мастерская по ремонту синхрофазотронов — не знаю. От пола до потолка высились стеллажи с коробками из-под оргтехники, мотками проволоки, старыми телевизорами без трубок, системными блоками от компьютеров, настольными лампами без ламп, молотками, рубанками, пакетами со шпатлевкой и прочим бараклом.

Я сел на табурет под большой коробкой из-под монитора, полагая, что коробка пуста, и потому это самое безопасное место в комнате. Календулов устроился на крутящемся офисном стульчике.

— Показывайте, что у вас.

Я протянул диссертацию. Календулов расчистил для нее место на столе, бережно опустил и, энергично двигая головой, внимательно рассмотрел первую страницу.

— А где же тема?

Мне стало ужасно стыдно. Как же я мог забыть, что Чемоданов сжег титульный лист!

— Сейчас, — ответил я, вытаскивая из кармана обрывок газеты и кое-как разравнявая его на колене.

Календулов, как истинный ученый, не побрезговал обрывком бумажки. Для него важно было содержание, а не форма.

— "Течение с образованием волн разрежения, — вполголоса бормотал он, читая каракули Чемоданова, — при обтекании угла сверхзвуковым потоком"... Очень интересно, очень... Вы кандидатский минимум сдали?

— А как же, — легко солгал я, уверенный в том, что документ о сдаче минимума, как и диплом об окончании вуза, я куплю в ближайшие дни.

Календулов принялся просматривать вторую страницу диссертации.

— Придется все делать задним числом, — говорил он тихо и невнятно, словно самому себе. — Я поговорю с заведующим кафедрой, чтобы утвердил тему... И попрошу, чтобы назначил меня вашим руководителем. Не возражаете?

Я понял, что прозвучал намек: пора заявить о своих возможностях и намерениях.

— Ну что вы! — воскликнул я, в уме прикидывая, сколько предложить Календулову. — Очень даже рад. Вот только диссертация слабовата. Я не строю никаких иллюзий и совершенно уверен в провале...

— Ну, зачем же так? — встал на мою защиту Календулов и повернул голову в мою сторону. Глазки его были очень подвижны, вот только смотрели они на что угодно, но только не на меня. — Слава Богу, что вы взяли за работу, довели ее до конца! Кто сейчас диссертации пишет? Силой никого не заставишь!

— Поймите меня правильно, — начал я приближаться к акту сделки. — Меня интересует только конечная цель. Я должен стать кандидатом наук, хотя, возможно, и не заслуживаю этого.

— Вы что? — не слишком горячо возмутился Календулов. — Почему вы сразу так унижаете себя? Может быть, это великолепная работа!

— Это совершенно бездарная работа, — заверил я.

— Хочу лично удостовериться в этом, — ответил он.

— Сколько я вам буду должен?

Календулов поднял на меня возмущенный взгляд.

— Еще раз так скажете, я откажусь быть вашим руководителем.

Я оставил Календулову номер своего мобильного телефона и поехал в фирму. Там пообедал, покрутился немного и под видом того, что должен проводить в Домодедово оптовиков из Узбекистана, слинял. Затем зарулил к себе в Новогиреево,

чтобы проконтролировать бригаду с Украины, которая делала ремонт в моей новой квартире.

— Тут у нас малэнька проблема, хозяин, — сказал мне бригадир с белыми от мела усами и красными от водки глазами. — Бильярдный стол, выбачаюсь, на запчасти розобрать нияк не можльво. Там тильки одна доска три на два метра. Так шо нам придется заносить его разом. Может, мы сначала занесем, а уж потим двери навесим?

Я ходил по комнатам, в которых гулким эхом отзывались мои шаги и мат рабочих, зачищающих шкуркой потолок.

— Бильярдный стол отпадает, — сказал я бригадиру, который безотрывно следовал за мной.

— Шо значит отпадает? — не понял он.

— Я передумал. Вместо бильярдной будет кабинет.

— Во как! — с пониманием произнес бригадир и покачал головой. — Кабинет — цэ дило серьезное. Мабуть, вам потрибно головою часто думать, на то и кабинет нужен... Добре! Я хлопцам скажу, чтоб починали двери навешивать.

Я сам не мог понять, почему вдруг передумал устраивать в самой большой комнате бильярдную. Диссертация незаметно, но радикально меняла меня, вынуждая отказываться от прежних взглядов на жизнь. А в самом деле, на кой черт мне бильярдная? Собирать в ней толпы таких же бездельников, как и я, чтобы кичиться друг перед другом своим умением тыкать палкой по шарам?

Выйдя на улицу, я понял, что больше мне ехать некуда, и пришло время усмирить свою обиду и позвонить Насте.

Трубку поднял профессор.

— Да, Настя дома. Позвать? — Через пару минут несколько извиняющимся тоном он добавил: — Она сказала, что занята.

— Занята? — удивился я. Настя еще никогда не выказывала свою обиду в столь резкой форме. — А чем она занята?

— Книгу читает.

Через сорок минут я был у нее дома. Открыл, как я и предполагал, профессор. Я с порога вручил ему бутылку французского вина, упаковку голландского табака и английскую подставку для курительной трубки из красного дерева. Пока Аристарх Софронович рассматривал подарки, я проскользнул в комнату Насти.

Она, в самом деле, читала. Причем, лежа на диване под пледом. Оранжевый свет от торшера уютно освещал ее маленький мир. Я отметил, что Настя выглядит намного лучше, чем утром, чего нельзя было сказать о ее отношении ко мне. Она даже не взглянула на меня.

Я подошел к ней на цыпочках. Настя перевернула страницу, наморщила лобик и с деланным интересом прицепила взгляд к строчкам. Я опустил ей на грудь тряпичного игрушечного кота. Она не отреагировала.

— Куда ты пропала? — как о чем-то заурядном спросил я, опускаясь в кресло. — Я искал тебя по всем дворам, у людей спрашивал — ты как в воду канула.

Настя медленно опустила книгу на кота и холодным взглядом посмотрела на меня. Мне показалось, что ее глаза полны слез.

— Ты меня искал? — переспросила она. — Плохо искал.

— Плохо? — нарочито возмущился я. — А где ты должна была меня ждать? В подъезде. На крайний случай — у машины. А ты где ждала?

— Я не могла стоять у подъезда рядом с наглыми подростками! Они ругались матом и приставали ко мне с грязными намеками! Мне пришлось отойти к заводскому забору. Там я тебя и ждала.

— Честное слово, я тебя не видел, — поклялся я.

— Целый час простояла! Думала, не уйду живой. Потом шла через лес. За мной увязались какие-то подозрительные типы. Я бежала, сломала каблук...

Жалость к этой слабой и незащитной девушке наполнила меня до краев. Я вскочил с кресла, сел на край дивана и взял ее руку. Она была горячее, будто девушку лихорадило.

— Прости меня, — произнес я, признавшись самому себе, что искал Настю не достаточно настойчиво. — Прости меня!

Она позволила мне поцеловать ее руку, но не более. Видимо, испытания, которые ей пришлось сегодня пережить, оказались для нее чересчур серьезными. Я знал ее уже три месяца, и она часто удивляла меня неприспособленностью к суровой жизни и неумением сопротивляться обстоятельствам. Но благодаря именно этим качествам я с ней и познакомился.

Это было поздним ноябрьским вечером. Я задержался в офисе и вышел на улицу в десятом часу. Не успел подойти к машине, как откуда-то из темноты ко мне выпорхнула милостивая девушка в легком не по сезону плаще и с непокрытой головой. В руке она держала футляр для скрипки. Девушка озябла настолько, что ее зубы выбивали чечетку. "Извините, — сказала она. — Вы не могли бы проводить меня до метро? В этом переулке не горит ни один фонарь, а мне кажется, что там хохочут пьяные парни".

Проводить незнакомую девушку по темным переулкам у меня не было никакого желания. Я достаточно осмотрительный и осторожный человек, чтобы безоглядно пуститься на такую авантюру. Но испуганное и немного наивное личико незнакомки меня настолько обворожило, что я предложил ей доехать до метро на моей машине. Получилось так, что довез я ее до самого дома, расположенного в центре, хотя мне надо было в Выхино. Настя пригласила меня попить чаю, а я взял, да и согласился. И в тот же вечер понял, что хочу иметь именно такую жену. Но только через три месяца понял, каким хотел бы видеть мужа своей дочери Аристарх Софронович.

— Ты диссертацию привез? — спросила Настя.

— Да, она уже у моего научного руководителя.

— Заплатил ему?

— Пытался, но он отказался от денег.

— Это плохо, — ответила она, откинула книжку вместе с котом в сторону, энергично поднялась с дивана и приблизилась ко мне. Глаза ее горели огнем и жадной деятельностью. — Имей в виду, пока ты не получишь диплом кандидата наук, отцу о диссертации — ни слова!

— Само собой! — пообещал я.

Глава пятая. www.rifa.ru

Календулов не звонил уже третий день. Думаю, он пребывал в очень плохом настроении в связи с моей диссертацией. Видимо, сутками напролет ломал голову над тем, как бы этот бездарный и антинаучный бред протолкнуть к защите, чтобы получить от меня деньги. "Ничего, — думал я, — пусть трудится. А то привык, наверное, взятки лопатой загребать и при этом ничего не делать".

— Какой-то ты странный в последнее время, — заметил директор, когда зашел ко мне в кабинет и застучал меня читающим "Справочник по физике для поступающих в вузы".

— Кандидатскую пишу, — ответил я, улыбаясь, чтобы невозможно было понять — правду говорю или шучу.

— Кандидатскую? — удивился директор и, выдернув из моих рук справочник, посмотрел на обложку. — По-моему, старина, тебе пора в отпуск.

На четвертый день ожидания звонка от Календулова я уже был готов выложить за кандидатский диплом две тысячи долларов. На мой взгляд, за такие деньги Календулов самолично мог бы написать для меня гарантированный "проходняк".

На исходе четвертых суток стал подумывать о том, что, пожалуй, соглашусь заплатить две с половиной тысячи. Я стоял в очереди на обмывку колес, чтобы загнать машину в гараж, как вдруг в кармане запиликал мобильник. У меня даже мысли не было, что в столь позднее время может позвонить Календулов, тем не менее это был именно он.

— Сергей Васильевич, — приглушенным голосом сказал Календулов. — Мы могли бы завтра встретиться?

— Да, конечно, — ответил я, напряженно думая о том, как изящнее спросить о сумме.

— Тогда я буду ждать вас в десять утра.

На этом пришлось разговор закончить. Я так и не нашел подходящих слов, чтобы выяснить, сколько же он намерен с меня содрать. "Ладно, три тысячи — и ни цента больше! На этой сумме буду стоять до последнего! Иначе Настя обойдется мне слишком дорого".

Утром, несмотря на километровые пробки, я без опоздания приехал в Академию. Календулов встречал меня в вестибюле. Едва я увидел его лицо, как сразу понял, что диссертация произвела на него шокирующее впечатление. Павел Герасимович смотрел на меня так, как ученый смотрит в микроскоп. Он крепко пожал мне руку, задержав ее в своей ладони дольше, чем следовало бы, и предложил:

— Давайте пройдем в буфет, студенты сейчас на занятиях, и там никого нет.

В буфете я взял два кофе и бутерброды с бужениной. Календулов, наверное, очень нервничал, поэтому с жадностью накунулся на бутерброды. Я терпеливо ждал, когда он все прожует и заговорит.

— Скажите, — он, наконец оторвался от чашки и перевел дух. — А вы сами написали эту диссертацию?

— Увы, — ответил я, с трудом сохраняя естественное выражение на лице.

— Вы удивительно скромный человек, — произнес Календулов. — По-моему, вы даже не представляете, что написали.

Я смотрел на Календулова уже с некоторым подозрением. С чего это он так странно заговорил?

— Такой молодой, — не без зависти продолжал он, прижимая к губам салфетку. — Сколько вам лет?

— Скоро будет тридцать.

— Тридцать лет! Прекрасный возраст. Хочу вас от души поздравить.

Он нес что-то не то. Человек, который намеревался урвать как можно больше денег, говорил бы с точностью до наоборот: что я уже не молодой, и лучшие годы прошли для меня даром, и ничего хорошего впереди меня не ждет.

— Я вас не совсем понимаю. С чем вы хотите меня поздравить?

— С диссертацией! С прекрасной диссертацией!

Я смотрел на Календулова, как на умалишенного. Он меня разыгрывает? Или грубо льстит? Но зачем? Какая ему от этого выгода?

— Вы уверены, что она прекрасная? — с сомнением произнес я.

— Безусловно уверен! — ответил Календулов. — И не только я. Я долго не звонил вам по той причине, что дал посмотреть вашу работу двум ведущим специалистам в области аэродинамики. И они очень высоко ее оценили. Вы даже не представляете, как я рад! Увы, теперь очень редко удастся встретить молодых и талантливых ребят. Все таланты ушли в бизнес. Наука осиротела и превратилась в нищенку. А вы — самородок. Вы являете собой тот самый случай, когда человек сам не знает, насколько он талантлив и образован...

Кажется, мое лицо начала заливать краска стыда.

— Вы совершенно не нуждаетесь в моей помощи. Вашу диссертацию не надо проталкивать, не надо заранее подкупать ученый совет, обрабатывать особо ретивых оппонентов. Ваша диссертация уже просто сама летит на утверждение! Ее даже слегка придержать надо, как молодого коня.

Такого поворота событий я никак не ожидал и не испытывал радости. В моем сценарии была заложена слабая, никому не нужная, практически дебильная диссертация, написанная пожизненным неудачником. И эта диссертация при помощи мощных финансовых вливаний должна была родить мне "корочку", а затем бесследно сгинуть в мусорной корзине. И чем меньше людей были бы посвящены в ее содержание, тем спокойнее я козырял бы дипломом кандидата наук перед будущим тестем. Талантливая диссертация создавала мне лишние проблемы. Она слишком высвечивала мою личность и превозносила мое имя. Это был тот редкий случай, когда реклама пошла бы мне во вред.

— По-моему, — произнес я, уставившись на черное доннышко чашки, — вы меня перехвалили. Признаться, я не слишком старался, когда писал ее. Тяп-ляп, лишь бы сплавить, лишь бы протолкнуть...

— Это тем более характеризует вас как талантливого ученого, — прервал меня Календулов. — Могу представить, что бы вы написали, если бы очень постарались. Это был бы настоящий фурор в научном мире!

— Меня беспокоит, — сказал я, демонстративно глянув на часы, — что защита диссертации может надолго затянуться.

— Нет! — категорически возразил Календулов. — Мы все сделаем достаточно быстро. Есть только одно "но"...

Он выждал паузу, глядя на мой галстук. "Сейчас как скажет, что необходимо провести дискуссию с академиками по газовой динамике с моим участием в прямом эфире телевидения, — подумал я. — Вот народ потешится!"

Лицо Календулова приняло виноватое выражение, с каким просят деньги в метро "нездешние" люди.

— Диссертацию надо чуть-чуть доработать.

— А без доработки никак нельзя? — с надеждой в голосе спросил я.

Календулов отрицательно покачал головой.

— Я понимаю, что вы заняты, что у вас нет времени. Но это очень, очень нужно! Вы испекли замечательный пирог. Но осталось добавить последнюю изюминку, последнее маковое зернышко!

— Вы уверены, что игра стоит свеч? — проявил я занудливость. — А если все-таки диссертация достойна лишь мусорной корзины? Какой смысл ковыряться в ней, тратить время?

Календулов откинулся на спинку стула и сложил свои волосатые ручки на животики.

— Какой же вы все-таки скептик! — покачал он головой. — Да ваша диссертация уже в Интернете на сайте Академии! Ее читает весь мир!

— Что? В Интернете? — повторил я и прикусил язык. Ох, круто дело развернулось!

— Да! — обрадовался моему удивлению Календулов. — Можете убедиться сами. Откройте наш сайт. Три "дабл ю" — "РИФА" — точка — "ру".

Отказаться было невозможно. Да и с какой стати я должен был отказываться? Это только вызвало бы ненужные вопросы и подозрения. Молодой и перспективный ученый, какого я из себя корчил, просто обязан был с радостью взяться бы за "последнее маковое зернышко"!

— Что там надо доработать? — смиренно спросил я.

— В том месте, где вы ссылаетесь на дифференциальное уравнение Эйлера и переходите к уравнению Бернулли...

Он минут пять что-то говорил на совершенно не понятном мне языке, пока я не перебил его.

— Знаете что. Мне трудно сориентироваться без текста, и голова сейчас ничего не варит. Если вам не трудно, напишите все это на листочке.

— Хорошо! — согласился Календулов. — Я все подробно изложу и оставлю листок на вахте.

Мы пожали друг другу руки, и я с облегчением вышел из Академии.

Глава шестая. Началось!

Я сидел перед экраном компьютера и шлепал по клавишам. Секретарша Зоя принесла мне кофе, но уйти не торопилась. Села напротив, закинула ногу за ногу.

— Что ты там ищешь? — спросила она.

— Да где-то тут мою диссертацию поместили, — сказал я будничным голосом.

— Диссертацию? — удивилась Зоя, встала, подошла ко мне, заглянула через плечо.

Я перелистывал рубрики. Моя фамилия нигде не значилась. "Может, он напутал чего?" — подумал я и щелкнул по надписи "Разработки молодых ученых Академии". И тут сразу увидел знакомый заголовок: "Течение с образованием волн разрежения..."

Мое сердце заколотилось столь сильно, что я испугался, как бы Зоя от стука не оглохла.

— Вот она, — сказал я голосом уставшего от симпозиумов и научных конференций физика.

— Правда? — Зоя изобразила неискренний восторг и склонилась еще ниже. Теперь ее волосы щекотали мне щеку. — А где фамилия?

Фамилии, в самом деле, не было. Наверное, так было принято — труды соискателей выставлять как общие наработки Академии. Мне было даже лучше оставаться инкогнито, чтобы не слишком светиться в научном мире.

— А ты разве что-то понимаешь в физике? — нежно проворковала мне на ухо Зоя, едва не касаясь его губами.

"А ты думала, что только в сексе?" — мысленно ответил я ей. Стоило пару раз сказать Зойке откровенный комплимент, как она стала вести себя в моем кабинете, как в собственной спальне.

— Да я в физике с детства души не чаю! — заявил я. — Трехкратный победитель межрайонных и общеевропейских физических олимпиад!

— Правда? — ахнула Зоя. — А я и не знала.

— Так-то, голубушка! — завершил я саморекламу и хлопнул ладонью по столу. — Все, извини! У меня сейчас важная встреча.

Зоя заметно приуныла и вышла. В фирме я слыл среди сотрудниц женихом номер один. Длинноногих вешалок у нас было предостаточно, выбирай — не хочу. Работали у нас дочери военных, рабочих, бизнесменов, осужденных и даже негров. Но не было ни одной дочери академика, умеющей играть на скрипке. Потому мое сердце было закрыто для сотрудниц наглухо.

Так я и сказал Насте, когда мы, лежа в постели, курили и строили планы на будущее. В старую двухкомнатную хрущевку, доставшуюся мне от родителей, я Надю никогда не приглашал — там было слишком тоскливо. А в новой квартире все еще громыхал ремонт. Потому я использовал любой повод, чтобы заскочить к Насте в гости. Особенно мне нравилось бывать у нее в те вечера, когда профессор задерживался на симпозиумах.

— Мне придется снова ехать к Чемоданову, — сказал я.

— Зачем? — отрывисто спросила Настя, гася окурки в пепельнице.

— Научный руководитель требует какой-то абзац дописать.

— А сам не можешь? — то ли серьезно, то ли издеваясь, спросила Настя.

— Да там одни формулы Бельмондо фон де Фюнеса! На всю диссертацию всего два слова по-русски: "Тема" и "Содержание".

— Он может снова потребовать деньги, — предположила Настя.

— Ну дам я ему еще десять баксов, пусть подавится! — отмахнулся я.

Тут в дверь позвонили. Я почему-то почувствовал себя героем популярных анекдотов и едва не кинулся к шкафу. Настя накинула халат, нахмурилась и пробормотала: "Кого еще там принесло?" И вскоре я услышал за дверью приглушенные голоса — один женский, а другой мужской. "А какой общий метраж? — вещал женский голос. — А эти окна куда выходят, на север или на юг?" Настя что-то отвечала, но настолько тихо, что я не разобрал ни слова. "Окна у вас деревянные, — тараторила невидимая женщина, — а это плохо. Сейчас, знаете, пластиковые в моде!" "Пластиковые мы всегда успеем поставить, — вторил ей мужской голос. — Главное, чтобы соседи нормальные были. Не заливают?" "Так сколько вы за нее просите?" — перебил женский голос.

Настя ответила, но еще более тихо. Затем голоса стихли, а через минуту хлопнула дверь. Может, я чего-то не расслышал, но такие разговоры обычно ведутся при продаже квартиры. Этот вывод меня слегка обескуражил.

Когда Настя зашла в комнату, я ее первым делом спросил:

— Вы разве продаете квартиру?

— Они ошиблись, — ответила Настя, снова забираясь под одеяло. — Им на два этажа ниже... А ты не подслушивай!

— Я не подслушивал, — ответил я, пожимая плечами. — Но вы так орали, что дверь вибрировала.

Настя тотчас перевела разговор на другую тему, но это маленькое событие крепко запало мне в голову и не вываливалось оттуда, пока не произошло еще более странное, на мой взгляд, событие.

Я возвращался к себе домой, на старую квартиру, как запиликал мобильный. Было уже поздно для деловых звонков, и я нежно промурлыкал в трубку в полной уверенности, что это Настя:

— Да, малыш, слушаю тебя!

В трубке раздался шорох, скрип, затем незнакомый мужской голос произнес:

— К сожалению, это не малыш.

— А кто это?

Ошибки с абонентами на сотовой связи особенно неприятны, потому что за них приходится платить.

— Не отключай телефон, — посоветовал голос. — Я твой друг.

— Короче можно? — спросил я, испытывая не совсем приятные чувства от общения с незнакомцем, интонация которого не предвещала хороших новостей.

— Ты еще не защитился? — вкрадчиво поинтересовался голос.

У меня мурашки поползли по коже. "Началось!" — подумал я. Таким тоном мог говорить только человек, знающий о моих махинациях.

— Пока не защитился. Ты доволен? Еще вопросы есть?

"Неужели Чемоданов кому-то проболтался? Но он не знает номера моего телефона!"

— Еще никто не раскрыл твою аферу? — продолжал наслаждаться своей недоступностью и властью незнакомец.

— Укуси трубку и дерни kota за хвост, чтобы получить удовлетворение! — крикнул я и отключил телефон.

Настроение было испорчено. Неприятно, когда о твоей тайне узнает тот, кто не должен знать о ней. Вдвойне неприятно, когда не знаешь этого человека. Мне захотелось немедленно выяснить, как это могло случиться. Я набрал номер Насти.

— Настенька, — сказал я в трубку. Голос у моей любимой был сонным, кажется, я ее разбудил. — Вспомни, пожалуйста, ты никому не рассказывала про диссертацию?

— Про диссертацию? — вяло повторила она и, наконец, пробудилась окончательно. — Станный вопрос! Конечно же, никому! Я что — враг себе? А что случилось?

— Не волнуйся, — ушел я от ответа. — Просто мне так показалось.

— Не бери дурного в голову, — посоветовала Настя. — Никто об этом не может узнать. Да и кому это интересно?

"Вот ты и не права, — подумал я, отключая телефон. — Кому-то это показалось даже очень интересным... Неужели Чемоданову? Прибыл физика!"

Глава седьмая. Собачка, которая чесалась

Надо ли говорить, с каким чувством я ехал к Чемоданову! Погода дополняла мрачный антураж. Как и в первый раз, не было ни снега, ни мороза. Грунтовая дорога раскисла, моросил мелкий дождик, щетки безостановочно размазывали по ветровому стеклу грязь. Машина переползала из ямы в яму, словно сытый и уставший от жизни хряк. В довершение всего по радио передавали исключительно гадкие новости. Я скрипел зубами от ненависти к Чемоданову, от которого был зависим. И меня уже не успокаивали мысли о том, что он, безусловно, талантливый ученый и прирожденный исследователь. Я знал одну простую истину: я вынужден был идти на поклон к опустившемуся типу, пьянице и дегенерату.

Я уже выезжал из леса и видел тоскливые очертания заброшенного завода, как подал сигнал мобильный телефон. На дисплее значилось, что номер недоступен для определения. После вчерашнего разговора с незнакомцем я воспринимал не определенные звонки с затаенным раздражением.

— Слушаю!

— Представь ситуацию, — шепотом заговорил незнакомец. — Ученый совет принимает защиту, все аплодируют и поздравляют тебя. И вдруг кто-то громко говорит: "Он лжец! Тупица и негодяй! Он присвоил чужой труд!"...

— Послушай, ты, моралист, — произнес я, мысленно проклиная изобретателя телефонов. — Представляешь, как тебе будет больно, когда я тебя найду?

— А зачем меня искать? Я рядом. Можно сказать, что я сижу в тебе. Я твоя совесть...

— Тритон ты болотный, а не совесть, — ответил я. — Чего ты добиваешься? Денег хочешь?

— Думаешь, совесть продается за денежки?

Мне показалось, что я уловил знакомые нотки Чемоданова. Неужели, это он? И тотчас у меня родилась азартная идея поймать его с поличным. Надо было любой ценой удержать "друга" на связи.

— Давай поговорим по-хорошему, — мягко проговорил я. — Почему ты считаешь, что я не имею права купить продукт чужого труда?

— Не-е-ет, — с укоризной прошептал "друг". — Ты его не просто купил. Ты объявил себя его создателем. И потому боишься разоблачения. Ибо это стыдно — неучу рядиться в мантию ученого...

Я въехал во двор, заглушил мотор и, стараясь не производить лишнего шума, вышел из машины. Сигнализация тихо пискнула, но мой оппонент, по-моему, не обратил на этот звук внимания.

— Мне кажется, — сказал я, зайдя в подъезд, — ты все слишком драматизируешь. В цивилизованном мире все так делают. Например, Япония скупает лицензии на высокие технологии, потом производит телевизоры или магнитофоны, но все по праву считают их японскими.

— Ты подменяешь термин, — с иронией произнес "друг". — При чем здесь производство? Если бы ты был производителем! Но ты хочешь купить себе ученую степень. Абсурд! Ее можно только заработать, заслужить, все равно как воинское звание, орден или титул...

Я уже не отвечал и быстро поднимался по зловонной лестнице. Третий этаж, четвертый, пятый... Отключив телефон, я сунул его в карман и с разбегу обрушился на дверь.

— Чемоданов! Открывай, моралист!

Со второй попытки я выломал замок и ввалился в квартиру. В коридоре его нет... В "узбекской" комнате нет...

Я кинулся в захлавленную комнатушку, в которой Чемоданов принимал нас с Настей. Вот он, лежит на диване, вытаращив на меня дурные глаза, и подтягивает одеяло к подбородку.

— Что? Не ждал? — дрожа от восторга, крикнул я и сорвал с него одеяло.

Чемоданов был в одних трусах. Никакого телефона в его руках не было. У него вообще ничего не было в руках.

— Ты чего?.. Ты чего?.. — бормотал он, в ужасе забиваясь в угол.

— Телефон где? — рявкнул я, действуя по классическим правилам оперативной работы: не дать преступнику опомниться и уничтожить улики, выбить из него признание здесь и сейчас.

— К-к-какой телефон? — заикаясь, пробормотал Чемоданов. — Нет у меня никакого телефона.

— Не ври, Чемодан, не ври! — не сдавался я, хотя воинственный пыл начал угасать. — Ты попался! Бесполезно отпираться!

У него было явно заспанное лицо. Сыграть помятую от подушки физиономию было невозможно. Я не мог поверить, что ошибся.

Я скинул на пол подушку, заглянул под диван, раздвинул шторы, пробежал взглядом по книжным рядам.

Я продолжал обыск уже просто от отчаяния. Посмотрел на кухне, в пустой комнате, потом заглянул в ванную и туалет. Я не нашел даже телефонной проводки.

Толкнув ногой дверь, чтобы не сквозило, я вернулся к Чемоданову. Он напялил на себя свои пионерские шорты.

— Ты ж меня заикой так сделаешь! — пожаловался Чемоданов. — Я сплю. Вдруг грохот... Представляешь, что я подумал?

— Я заплачу тебе за новый замок, — сказал я, опускаясь на стул и расстегивая пальто. — Ты говорил кому-нибудь, что продал мне диссертацию?

— Да что ты, Серёнька! — перекрестился Чемоданов. — Типун тебе на язык! Кому я скажу? Зачем? У нас с тобой мужской договор...

— Какая-то сволочь пронюхала, что диссертация не моя, — оборвал я его. — И теперь достает меня телефонными звонками. Нашел бы — убил!

Чемоданов покачал головой и стал теревить свои мясистые влажные губы.

— Богом клянусь, я никому не говорил, — произнес он. — И под пытками не скажу. Ты на меня не думай. Моя совесть чиста...

— Ладно, — подвел я черту. — Я к тебе, в общем-то, по другому делу. Диссертация-то у тебя слабенькая!

Чемоданов молча пожал плечами, мол, ничего поделывать не могу, другой нет и не предвидится. Но мне понравилось выражение его лица — как у двоечника, которого отчитывает учитель. Значит, верит мне безоговорочно, возражать не пытается.

— Умные люди прочитали, — продолжал я, внимательно наблюдая за реакцией Чемоданова, — и за голову схватились. Наковыряли огромное количество недостатков.

Чемоданов вздохнул и развел руками.

— Но самый главный недостаток — вот! — С этими словами я вынул из кармана листок с замечаниями Календулова и протянул его Чемоданову.

Тот взял, развернул и уставился в формулы и цифры.

— В общем, так, — продолжал я требовательным голосом, чтобы Чемоданов не вздумал отнекиваться. — Даю тебе два дня, на то, чтобы халтуру исправить. Допиши необходимые выводы, и я от тебя отстану.

К моему негодованию, Чемоданов вдруг сложил лист и протянул его мне.

— Не, Серёнька, — покачал он головой. — Не буду. Я завязал.

— Что значит завязал? — вспылил я.

— Я с физикой больше дел не имею, — пояснил Чемоданов. — Она у меня уже в печенках сидит. Тошнить начинает, только о ней подумая.

Я от негодования даже вскочил со стула.

— Вот что, непризнанный гений! Ты меня под монастырь подводишь! Сплавил мне черт-те что — и в кусты! Да если бы я знал, что в диссертации нет главных выводов, я бы ни за что у тебя ее не купил!

— Да пойми ты! — сдавленным голосом оправдывался Чемоданов. — Это вчерашний день! Поезд ушел! Я к физике больше не возвращаюсь! Все! Точка! Амба!

— Хорошо, — произнес я, снимая пальто. От избытка эмоций мне даже жарко стало. — Я все понимаю. Тебе надоела физика. Ты давно не открывал учебники. Ты завязал. Но я прошу тебя! Надо собраться, взять волю в кулак и заставить себя довести работу до конца!

— ... да пойми ты меня! — пытался вставить слово Чемоданов, прикладывая руку к сердцу.

— Ты хочешь денег? Черт с тобой, дам тебе денег! Сколько ты хочешь за две-три странички? Десять баксов?

— Не, Серёнька, не могу.

— Двадцать? — дотпытывался я.

— Даже за сто не буду, и не проси!

Я обалдел от такой наглости. Он отказывается от ста долларов, за которые рабочий месяц на заводе горбатится!

— Слушай, — произнес я, — ты меня лучше не зли. Мне отступать некуда. Коль я заварил кашу с твоей диссертацией, то расхлебывать ее будем вдвоем. Даю две-сти баксов — и ты немедленно приступаешь к работе!

Но негодяй Чемоданов опять отрицательно покачал головой. Я не мог поверить, что этот немывтый и небритый клоп проявлял столь необычное упрямство.

— Сколько же ты хочешь? — рявкнул я.

Чемоданов не без удовольствия снова развернул листок, долго смотрел в него, морщил лоб, шевелил губами, будто считал количество символов и букв, и, наконец, выдал:

— Пятьсот долларов!

Я даже взвыл от желания схватить его за грудки и вышвырнуть в окно. Но не сделал этого, а лишь с шумным сопением полез в карман за бумажником, швырнул баксы на пол, развернулся и вышел. Из прихожей крикнул:

— Послезавтра к вечеру чтобы все было готово!

С силой захлопнув за собой дверь, я вышел на лестницу и сплюнул на пол. Не успел спуститься на один пролет вниз, как услышал голос Чемоданова:

— А кто за замок платить будет?

Я открыл рот, чтобы выразительно ответить, кто будет платить за замок, но в этот момент в кармане подал голос мобильник.

— Да! — гаркнул я, и эхо покатило по всем этажам.

— Мы не договорили, — услышал я тихий голос "друга".

— Слушай! Когда ты подохнешь, я отправлю на твоей могиле естественные надобности!

— Зачем же так грубо? — отозвался сверху Чемоданов, принявший мою угрозу в свой адрес. — Я же хочу как лучше...

Я отключил телефон и закрыл рот. В таком онемевшем состоянии спустился вниз, к машине, рядом с которой усердно чесалась вшивая собачонка.

Глава восьмая. Капкан для "друга"

В этот же день я забрал у Календулова машинописный текст диссертации и привез ее домой. Эта стопка листов с помятыми краями, покрытая неровными строчками, оставленными дешевой пишущей машинкой, была главной уликой. По шрифту можно было определить, на какой машинке печаталась диссертация. Если эта машинка до сих пор хранилась у Чемоданова, то припереть меня к стене было проще пареной репы.

Ввиду исключительности случая, я позвонил Насте и пригласил ее к себе.

— Я решил сжечь диссертацию, — сказал я и подробно разъяснил, что меня подтолкнуло к такому решению.

— Правильно, — согласилась Настя, прохаживаясь по комнате и рассматривая декоративные тарелки, развешанные на стенах. — Пусть потом этот твой "друг" докажет, что диссертация принадлежит Чемоданову. Но сначала ты должен позаботиться о доказательствах, что она принадлежит тебе.

— А что я должен сделать?

— Эх, ты! А еще кандидатом наук хочешь стать! — пристыдила меня Настя и постучала меня кулаком по лбу. — Включай компьютер, садись за клавиатуру!

Я безропотно подчинился. Настя хоть и грешила неумейной жадной командовать мною, но у нее была светлая головушка, и ко многим ее советам стоило прислушаться.

Подойдя к столу, она склонилась над диссертацией и вытащила из стопки первый попавшийся лист.

— Открывай новый файл и переписывай весь лист от и до!

— И формулы?

— Естественно, и формулы!

Я стал корпеть над клавиатурой. Когда закончил вводить страницу, Настя спросила:

— В прошлом году... скажем, четырнадцатого июля, ты был в Москве?

— Конечно. Я в отпуск только в конце августа ушел.

— А в командировке в этот день, случайно, не был?

— Нет, не был, — уверенно ответил я.

— Прекрасно! Переустанови системную дату компьютера на четырнадцатое июля прошлого года. Тогда и файл сохранится под этой датой.

— Но зачем это?

— А затем, — вздохнув, сказала Настя, — чтобы доказать, что над этой диссертацией ты работал еще в прошлом году!

— Умница ты моя! — признал я и поцеловал Насте руку.

Едва я успел сохранить файл, как ненавистным писком дал о себе знать мобильник. Я схватил его и посмотрел на дисплей. Номер абонента недоступен!

— Это он! — почему-то шепотом произнес я.

— Дай мне! — Настя выхватила трубку из моей руки и нажала кнопку соединения.

Несколько мгновений она молчала, потом взглянула на меня и кивнула.

— А у нас определитель номера! — звонко крикнула она. — И мы вас засекли! Теперь узнаем ваш домашний адрес и привлечем к уголовной ответственности за... — Она резко замолчала, с сожалением посмотрела на трубку и отдала ее мне. — Отключился. Жаль. Я бы ему и про совесть сказала, и про нравственность.

Некоторое время мы молчали, думая об одном и том же.

— А твой папа не мог... кому-нибудь... — произнес я, с трудом подыскивая мягкие слова, чтобы не обидеть Настю.

— Я думала об этом, — ответила Настя, снимая со стены черную греческую тарелку и рассматривая рисунок Афродиты. — Да, он мог похвастаться перед коллегами, что будущий зять пишет диссертацию. Ну и что? Речь-то идет о другом! О чужой диссертации, которую ты выдаешь за свою! А кто об этом знает? — Она положила тарелку на стол и стала загибать пальцы. — Я. Ты. И Чемоданов.

— Чемоданов отпадает, — ответил я. — Он клянется, что никому ничего не говорил.

— Послушай, — сказала Настя, рисуя на пыльной полировке стола цветок. — А этот твой... как его... научный руководитель...

— Календулов?

— Да, Календулов! Он не мог догадаться, что это не твоя диссертация?

Я призадумался. Координаты Календулова мне дал Чемоданов. Значит, они когда-то были знакомы? Может, именно Календулов был научным руководителем Чемоданова?

— Черт возьми! — пробормотал я. — Вполне возможно, что Календулов несколько лет назад уже читал эту диссертацию!

— Замечательно! — воскликнула Настя и, поджав губы, посмотрела на меня. — А раньше ты не мог об этом подумать?

— Я доверился Чемоданову.

— А чего добивается Календулов?

— Безнаказанной власти. Это обычный завистник и телефонный хулиган.

— Так набей ему физиономию — и дело с концом!

— Прежде чем набить, его надо взять с поличным. А как его возьмешь? Сутки напролет следить за ним? — Я продолжал сидеть за компьютером, уставившись на клавиатуру. И вдруг меня осенило. — Который час? — воскликнул я. — Половина девятого? Вчера он звонил в это же время. А утром звонил в восемь.

— И о чем это говорит?

— О том, что он звонит из дома — перед выходом на работу или после нее.

— А что ему мешает позвонить с работы? — спросила Настя.

— Наверное, он знает, что рабочий телефон определитель запеленгует. А домашний, наверное, какой-то особенный, с функцией антиопределителя.

— Может быть, может быть, — задумчиво произнесла Настя.

— Тогда наша задача упрощается. Надо узнать домашний адрес Календулова и подойти в восемь утра к его двери. Как только он позвонит мне на мобильный, я тотчас позвоню ему в дверь. Вот тогда и посмотрим, как он будет со мной разговаривать по телефону, глядя на меня в дверной глазок.

— Правильно, — одобрила мой замысел Настя. — Только не забудь пригрозить ему милицией.

До позднего вечера мы предпринимали дополнительные меры для обеспечения железного доказательства моего авторства. Я переписал от руки еще несколько страниц диссертации, изобразил правку, на полях нарисовал какие-то многозначительные символы, как следует помял рукописные листы и спрятал в запыленные папки. Потом под диктовку Насти нацарапал любовное письмо в ее адрес, в котором обмолвился о том, что завершаю работу над диссертацией. Письмо датировал 27 августа прошлого года. Закончили мы укрепление нашего бастиона торжественным сожжением диссертации. Стоя в сыром парке у маленького костра, мы распили бутылку испанского вина, а потом я долго рассказывал Насте, как нам хорошо будет в новой квартире, как мы будем растить и воспитывать наших детей, водить их в детский сад, а потом в школу, и какие они у нас будут умные и образованные.

Настя слушала и думала о чем-то своем.

Глава девятая. Француженка с сильным акцентом

Директор вызвал меня к себе по селекторной связи:

— Зайди ко мне. Тебе из Франции звонят.

Это было более чем удивительно! Во Франции, если мне не изменяет память, у меня не было ни знакомых, ни, тем более, родственников, которые могли бы оставить мне наследство. Пока я поднимался на этаж выше, где находился кабинет шефа, я все гадал, приятную или гнусную новость принес с собой из далекой Франции этот звонок.

Едва я зашел в кабинет, так сразу понял, что директор мною крайне недоволен. Причина недовольства стала ясна мне очень скоро.

Он кивнул на телефонную трубку, лежащую на столе, и уставился на меня. Я пожал плечами, мол, понятия не имею, кто это и по какому вопросу.

— Слушаю вас! — сказал я в трубку.

— Добрый день, господин Савельев! — услышал я приятный женский голос с сильным акцентом. — Я эксперт по авторским правам журнала "Льезон глобале сайнтифик"...

Тотчас я уловил тихий щелчок — секретарша Зоя подняла трубку на параллельном аппарате. Директор в упор смотрел на меня и постукивал по столу карандашом. Меня обложили со всех сторон.

— Мы прочитали вашу статью в Интернете, — продолжала эксперт, — и у нас есть к вам предложение. Мы ее публикуем в нашем журнале и выплачиваем вам гонорар — пятьдесят тысяч долларов США...

Я покосился на директора. Он смотрел на меня исподлобья, и в его глазах было столько претензий, словно я что-то украл у него.

— Если вас устраивают эти условия, — неимоверно картавя и растягивая гласные, говорила француженка, — то мы вышлем вам договор. Вы можете подписать его с нашим представителем в помещении дилера "Рено". Там же получите деньги... Алло, господин Савельев! Вы меня слышите?

— Да-да, — неуверенно ответил я, проклиная этих французов за то, что не могли позвонить мне домой или, хотя бы, в мой кабинет.

— Значит, вы принципиально согласны? — спросила эксперт, очень довольная тем, что так быстро уломала меня.

— Согласен, — не слишком убедительно ответил я и зачем-то кинул на директора вопросительный взгляд.

— Ты на кого работаешь? — громко и сердито спросил директор. Он встал, швырнул на стол карандаш и принялся ходить по кабинету. — На фирму или на Францию? Мы тебе не мешаем писать научные труды и продавать их через Интернет? А то смотри, на твое место давно главный инженер поглядывает.

— Это недоразумение, — лениво ответил я. Мне не хотелось оправдываться. Я ни в чем не был виноват, свои обязанности по фирме выполнял как положено. Просто один завидовал, а вторая мстила за то, что не взял замуж.

— Свободен пока, — сказал директор, изо всех сил выказывая свое недовольство.

"Вот это фокус! — думал я, возвращаясь к себе. — Нежданно-негаданно на голову свалились пятьдесят тысяч баксов! Что же Чемоданов накрутил такого, что даже из Франции звонят?"

До конца рабочего дня я так и не придумал, как поступить со свалившимися на мою голову деньгами. "Посоветуюсь с Настей!" — пришло, наконец, решение.

Глава десятая. Друг детства

Открывая дверь квартиры, я слышал, как в прихожей разрывается от звонка телефон. Гнусная это все-таки штука — телефон. Мобильный отключишь, так домашний достанет.

Скидывая на ходу ботинки, я кинулся к аппарату.

— Ты где болтаешься? — сердито крикнула Настя. — Я второй час не могу тебя достать! Почему у тебя отключен сотовый?

— Почему, почему, — проворчал я. — Известное дело, почему. Что-нибудь случилось?

— Случилось! Отцу кто-то уже сказал, что ты написал блестящую статью по газовой динамике, — взволнованно произнесла Настя.

— И папаня решил выдать тебя за меня замуж? — предположил я.

— Хуже! Завтра в Академии наук заканчивается какой-то международный симпозиум, будет а ля фуршет с мировыми научными светилами, и папаня возжелал представить тебя своим коллегам.

— Только не это! — жалостным голосом произнес я. — Скажи папане, что я не могу. Заболел или улетел в командировку в Кандалакшу!

— Я тебе улечу! — пригрозила Настя. — Обещал жениться, соблазнил, обесчестил — и в командировку? Этот номер у тебя не пройдет! Придешь как миленький!

— Это провал. Это кошмар, — бормотал я и грыз ногти от волнения. — Что я там буду говорить?

— Сама не знаю, — ответила Настя. — Будешь молча кивать с ученым выражением лица.

— Так, — попытался я взять себя в руки. — Надо что-то делать, как-то подготовиться... Наверное, нужен смокинг?

— Смокинг! — фыркнула Настя. — Ты заблуждаешься, дорогой. Тебе не Нобелевскую премию вручать будут. Сойдет обычный костюм.

— Хорошо, костюм есть... Может, выучить несколько формул, чтобы в случае чего...

— Ой, не надо! — взмолилась Настя и чуть не заплакала. — Какие формулы? Там будут умные люди, им лапшу на уши не повесишь! Лучше повтори таблицу умножения и сигналы светофора!

— Я как чувствовал, что все это добром не кончится, — бормотал я. — Если так дело дальше пойдет, то, в самом деле, впору будет о смокинге беспокоиться... В котором часу эта презентация... тыфу! этот а ля винегрет?

— В восемь!

— Ну вот, как раз во время очередного сеанса связи с моим "другом"! Все складывается очень удачно...

— Не забудь завтра побриться и постричься. И не вздумай выпить!

В четыре я вышел из кабинета и нос к носу столкнулся с Зоей. Зоя, как ни в чем не бывало, радостно улыбнулась и захлопала безгрешными глазами.

— Ой, привет! — воскликнула она. — А я думала, что тебя сегодня нет.

— Я пошел в парфюмерный магазин, — мрачным голосом проговорил я. — Там хороший импортный крем от морщин привезли. Тебе пару флаконов взять?

Месть удалась. Зоя сверкнула глазами, даже зрачки встали вертикально.

Я подъехал к главному входу Академии за полчаса до начала приема. Заглушил мотор, выключил все освещение и долго сидел в полной темноте, рассматривая людей, которые входили и выходили через парадные двери. Ничего особенного, обычные мужики, никаких семи пядей во лбу, никаких мантий и цилиндров. Я вышел из машины и решительным шагом направился к дверям.

— Физкультпривет! — бросил я служащему, стоящему на входе, и козырнул.

— Ваша фамилия? — крикнул он мне вдогонку.

— Доктор естествознания, действительный член-корреспондент Венецианской Академии Савельев! — не оборачиваясь, доложил я.

К моему облегчению, прием был по-домашнему шумным и отнюдь не помпезным. На втором этаже, в просторном зале с колоннами, был накрыт стол, вокруг которого роились лысе и убеленные седinou старички. Звенели рюмки, порхали над блюдами вилки, кто-то произносил тост, кто-то громко спорил, кто-то даже пытался петь. Вокруг ученых мужей крутились две официантки с подносами. Аристарх Софронович стоял во главе стола. Увидев меня, он поманил меня рукой и тотчас постукал вилкой по бокалу.

— Прошу внимания, господа! Хочу вам представить моего юного друга Сергея Савельева.

Все присутствующие как по команде повернулись в мою сторону. Никогда еще в жизни на меня не смотрело столько умных людей одновременно. Понимая, что это великая и незаслуженная честь, я снова почувствовал себя вором, присвоившим себе чужую славу. Пол стал уходить из-под моих ног. Испугавшись, что могу не устоять на ногах без поддержки, я ринулся вперед. Ученые мужи вежливо и с пониманием расступились, предоставляя мне возможность ухватиться за край стола.

— Наша смена! — охарактеризовал меня папаша. — Молодая поросль.

Все смотрели на меня с любопытством.

— Это не внук академика Савельева? — спросил толстый дядька с клиновидной бородкой, цепляя вилкой ломтик ветчины.

— Нет, — ответил папаша, передавая в мою сторону бутылку водки. — Но думаю, что он будет моим зятем.

— Прекрасный повод для тоста! — скрипучим голосом произнес сухой, как вобла, старикан с обвисшими мешками под глазами и дрожащей рукой поднял рюмку.

— Господа! — перебил его Аристарх Софронович. — Давайте выпьем за этого талантливое парня! Чтобы дорога науки не была для него чрезмерно легкой, но чтобы обязательно светлой и удачливой!

Я не успевал переводить взгляд с одного лица на другое. Высказаться хотели многие, и я опасался, как бы пожелания не иссякли, и не начались вопросы по существу диссертации. Я устал жевать, у меня уже болели щеки от чрезмерного количества еды во рту. Но останавливаться было опасно, и мне приходилось снова и снова тянуться к тарелкам.

Неожиданно ко мне подошла официантка и негромко сказала:

— Извините, вас какой-то гражданин спрашивает.

С дурным предчувствием я поплелся к выходу. Открыл дверь, вышел на лестницу и увидел стоящего у окна человека в бордовом пуховике и спортивной шапочке. Человек обернулся, и я с ужасом узнал в нем Чемоданова.

Я тотчас плотно прикрыл за собой дверь.

— Здорово! — сказал Чемоданов, дую на замерзшие красные руки. — Извини, что я отрываю тебя... Тут проблема одна возникла...

Я быстро подошел к Чемоданову, схватил его под руку и потащил вниз.

— Какого черта ты сюда пришел? Кто тебя пропустил?

От Чемоданова пахло спиртным. Спортивная шапочка, натянутая почти на глаза, придавала его лицу выражение безграничной тупости. Ботинки были белыми от солевых разводов, джинсы до колен забрызганы грязью. Выглядел он, как бомж. Представляю, какое потрясение испытали бы академики, если бы я представил им Чемоданова как истинного автора моей диссертации.

— Понимаешь, какое дело, Серёнька! — стал он торопливо оправдываться. — Я на рынке лоханулся. Хотел азерам баксы скинуть, а они мне вместо рублей "куклу" подсунули... Одолжи рублей пятьдесят. На следующей неделе верну, гадам буду!

— Чтобы я тебя здесь больше никогда не видел! — сквозь зубы произнес я, продолжая тащить Чемоданова по лестнице вниз. — Сиди дома и работай! Завтра к вечеру выводы должны быть готовы!

— Хорошо, хорошо, Серёнька! — соглашался Чемоданов, пытаясь ухватиться за перила. — Ты только подкинь денюжат...

Мы спустились в вестибюль.

— Держи, — сказал я, протягивая ему пятьдесят рублей. — И выметайся отсюда!

— Все, все, все! — закивал Чемоданов, заталкивая купюру в карман джинсов.

А у меня опять запищал мобильник.

— Алло, слушаю! — крикнул я в трубку.

— Привет, — раздался в ответ знакомый шепот.

— Привет, привет! — со злым весельем ответил я. — Что-то давно тебя не слышал! Ну, начинай проповедь!

— Представь себе, — шептал "друг". — Ты защитился, женился на своей девушке, и вдруг об обмане узнает Аристарх Софронович. Его чувства оскорблены, он не пускает тебя в свой дом, у тебя портятся отношения с молодой женой, начинаются ссоры...

— Все, спасибо! На сегодня хватит! — перебил я и отключил аппарат.

И только сейчас увидел, что на дисплее отразился телефонный номер. Вот это да! "Друг" попался! От избытка э. логий я даже поцеловал трубку и сунул ее в карман.

— Ну? — радостно сказал я Чемоданову. — Непризнанный гений, Джордано Бруно. Пошли?

Чемоданов выдворился из Академии с неохотой, и мне приходилось его подталкивать.

— Слушай меня, — сказал я, сунув другу детства кулак под нос. — Твоей диссертации больше не существует. Забудь о ней. Ты никогда не докажешь, что написал ее. Тебя никто не станет слушать. Но если ты все-таки раскроешь рот, я тебе морду набью.

Мокрый снег и пронзительный ветер, кажется, несколько протрезвили Чемоданова, и взгляд его приобрел относительную осмысленность. Не знаю, подействовали ли на него мои слова, но он уже не кричал и не возмущался. Повернувшись, он поплелся по снежной каше к входу в метро. Я провожал его взглядом и не испытывал ни жалости, ни угрызений совести.

Глава одиннадцатая. Пора к психиатру

Чем больше меня злил Чемоданов, тем большее я испытывал желание разыскать "друга" и разбить об его голову телефонный аппарат. Наверняка эти два человека никогда не встречались, но, тем не менее, я воспринимал их как сообщников. Непредсказуемость Чемоданова и угрожающие намеки "друга" заставляли меня изгибаться, как змея над медицинской чашей.

Вернувшись домой, я даже не разделся и сразу кинулся к телефонному справочнику. В памяти мобильного сохранился номер "друга", первые три цифры — 938. По ним запросто можно узнать, из какого района звонил анонимщик. Затаив дыхание, я вел пальцем по странице справочника. Вот 938! Ленинский проспект!

Вот это новость! Меня даже в жар бросило, и я принялся стаскивать с себя пальто. Ленинский проспект. Я только что оттуда приехал. Перед глазами замелькали лица академиков, седые бороды, бутылки, рюмки...

Я сел за стол и набрал номер справочной службы.

— Девушка, мне нужна Академия наук!

— Девятьсот тридцать восемь, ноль три, ноль девять.

Я кинул взгляд на дисплей мобильного. Последние две цифры не совпадали, но это было уже не принципиально. Прочь сомнения! Два часа назад "друг" звонил мне из здания Академии — это железный факт! Значит, балуется кто-то из гостей.

Я подпрыгнул от эмоций и жажды мести и немедленно стал набирать номер Насти. Попался, лысый бубен! Опозориться захотелось на старости лет?

— Я поймал его на крючок! — возбужденно произнес я, как только Настя ответила.

— Кого? — не поняла она.

— Шантажиста! Он прокололся! Он позвонил с телефона Академии, и у меня выветился его номер!

— А ты уверен, что это телефон Академии? — не выказывая восторга, произнесла Настя.

— Уверен! Я уже в справочную звонил. Так что мы этого голубчика прищучим за шантаж!

На следующий день я приехал на работу ни свет, ни заря, вошел в Интернет и распечатал злополучную диссертацию на принтере. После чего принялся кропотливо, слово за словом, формула за формулой, переписывать ее в отдельную тетрадь. От этого важного дела меня постоянно отрывали телефонные звонки. То поставщики требовали номер платежного поручения, то какие-то проблемы возникали на таможне, то из энергонadzора грозили отключением электричества за долги. Мне приходилось отвлекаться, кому-то что-то обещать, с кем-то ругаться. Вдобавок, в кабинет регулярно заходила Зоя. Пришлось закрыть дверь на замок, но тут позвонил начальник охраны и сказал, что принесли почту, и там есть "иностранное" письмо для меня. "Это договор из Франции!" — понял я, и мое сердце учащенно забилось от предчувствия важного и радостного события.

Я почти бежал по коридору, думая над тем, какой грандиозный подарок сделаю Насте. Ее папочка онемееет и сразу забудет про дипломы, когда увидит на пальчике своей дочери перстень с бриллиантом.

Михалыч, майор милиции, сидел за пультом и перебирал свежие газеты. Увидев меня, он взял с подоконника пестрый продолговатый конверт и помахал им над головой.

— Пляши!

— Из Франции? — спросил я, с трудом сдерживая радость.

— А я откуда знаю? — пожал плечами Михалыч. — Но то, что из-за границы, это точно.

Я схватил конверт и быстро вышел из дежурки. Хорошо, что письмо не попало в руки директора, иначе обязательно вскрыл бы и прочитал. Потом, может быть, разорвал бы его на кусочки, чтобы мне насолить.

Когда я подошел к двери своего кабинета, Зоя как-то странно взглянула на меня, и мне показалось, что ее лицо озарено блаженным удовлетворением, как у старухи Шапокляк. Ничего не подозревая, я толкнул дверь. За моим столом сидел директор и смотрел на меня участливо и с состраданием.

— Сережа, — произнес он, — ты себя хорошо чувствуешь?

— Кажется, я в самом деле неважно себя чувствую. Поеду, наверное, домой.

Моего терпения хватило только на то, чтобы дойти до машины и сесть за руль. Закрывшись на все запоры, я вытащил из кармана изрядно помятый конверт и внимательно рассмотрел его. Он выглядел солидно. Адрес был отпечатан на принтере, со всех сторон пестрели разнокалиберные почтовые штампы. Сверху, рядом с цветным изображением Земли, стоял длинный логотип: "National Aeronautics and Space Administration \ NASA". В правом верхнем углу гордо развевался полосатый американский флаг.

Кажется, это письмо пришло не из Франции.

Я вскрывал конверт с таким чувством, словно это был пухлый кошелек, набитый долларами. Пальцы мои дрожали. Я вынул листок, украшенный тем же длинным

логотипом, и пробежал глазами по первой строчке: "Mr. Saveliev! The NASA offers you..." <M>"Мистер Савельев! НАСА предлагает вам...">

Я был слишком слаб в английском, чтобы понять, что от меня хотят американцы из Национального управления по авионавигации и исследованию космического пространства, и, подняв голову, посмотрел по сторонам. Мои губы пересохли. Я очень хотел пить. В голове звенела пустота. "Мать честная! — подумал я. — Неужели это еще одна просьба опубликовать мою диссертацию? Господи, прости меня, грешного! Но как устоять перед таким соблазном?"

Я снова стал рассматривать письмо, и мой взгляд тотчас наткнулся на одну существенную деталь, которую можно понять и без переводчика: "\$800.000".

Письмо выпало из моих рук. Я схватился за голову. Что ж такое делается? Надо все выяснить до конца. Надо немедленно перевести письмо! Но где найти переводчика? Куда ехать?

Я остановился у киоска, купил газету с частными объявлениями и нашел несколько телефонов, где предлагали услуги по переводам.

— С какого языка на какой? — раздался в мобильнике женский голос.

— С английского на русский.

— Только на восемнадцатое марта! Очень много заказов.

— Это всего лишь письмо, девушка! — торопливо объяснил я. — Два маленьких абзаца.

— Ну, хорошо, несите.

Через полчаса я был в фирме "Лингвист" и протянул переводчице письмо. Женщина, надев очки, склонилась над текстом, и ее голова спряталась за стопкой тяжелых словарей. Прошло несколько томительных минут. Женщина подняла голову и как-то странно взглянула на меня.

— Что-нибудь не так? — спросил я и улыбнулся.

Она не ответила и стала щелкать пальцами по клавиатуре. Потом загудел принтер, выдавая лист с переводом.

— С вас двести сорок рублей, — сказала она и опять посмотрела на меня, как на музейный экспонат.

Я расплатился, взял письмо и лист с переводом и стал на ходу читать.

<M1>"Мистер Савельев! НАСА предлагает вам долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество. Входящее в состав Администрации Бюро научно-технических проблем авиации и космонавтики занимается программой разработки перспективной авиации и космической техники и созданием экспериментальных летательных аппаратов. Технический контингент испытывает насущную потребность в новейших исследованиях в области газовой динамики.

В связи с вышесказанным, мы предлагаем вам: 1) привести к конечному результату ваши разработки, размещенные в Интернете (www.rifa.ru), относительно смешанных течений и струйного дозвукового обтекания тела в соответствии с методом Н.С. Сницаря; 2) продать нам эксклюзивное право на ваши разработки за 800.000 долларов США. Ваше согласие подтверждайте по телефону и факсом..."<D>

"Этого не может быть! — подумал я. — Обман. Мошенничество. Все шито белыми нитками..."

Я вернулся в машину и долго не мог прийти в себя. Кто-то сзади настойчиво сигнализировал, но я не обращал внимания, продолжая пялиться то на письмо, то на перевод. "Восемьсот тысяч долларов! Немыслимая сумма! Так не бывает. Это фантастика. Кто-то просто разыграл меня..."

— Эй, командир! Оглох, что ли? — кричал на меня разъяренный мужик в голубой спецовке. — Убери машину, дай мусор загрузить!

Я машинально поставил передачу и дал газ.

Когда я подъехал к офису, то уже почти не сомневался, что меня разыграл какой-то недоброжелатель, возможно, мой "друг". Чтобы успокоиться окончательно, я решил провести экспертизу, а затем выкинуть письмо в мусорную корзину.

— Зоюшка, — произнес я слащавым голосом, протягивая секретарше шоколадную змею в белой фольге, — Давай помиримся? Скажи, письма из Америки к нам когда-нибудь приходили?

Зоя призадумалась, потом кивнула.

— Месяца два назад, вроде, было, — и развернула шоколадную змею.

— Сделай одолжение, найди его, пожалуйста.

— А зачем тебе это письмо? — удивилась Зоя.

— Да мне не столько письмо, — сказал я, — сколько конверт нужен. Я марки собираю, а в моей коллекции американских почти совсем нет.

Зоя с испугом посмотрела на меня, но все-таки принесла то, что я просил. Запершись, я достал свой конверт и положил его на стол. Конверты были очень похожи. Марки, штампы отправителей и даже какие-то служебные пометки были одни и те же. Это открытие меня не столько обрадовало, сколько разозлило. Неизвестно, чего мне больше хотелось: раскусить подделку, или же убедиться, что письмо подлинное.

"Этого не может быть! — еще раз мысленно повторил я и откинулся на спинку стула. — Такие деньги за какую-то вшивую диссертацию не предлагают. Чемоданов — не Эйнштейн. Это розыгрыш. Ловко прокрученный розыгрыш. И сейчас я в этом удостоверюсь".

Я раскрыл телефонный справочник, нашел код Вашингтона и набрал номер, который значился в письме. Звонок в США по мобилу — удовольствие дорогое, но истина стоила того. Когда раздались длинные гудки, во мне загорелась звездочка сомнения, когда ответил женский голос на чистейшем английском, я почти поверил, что все происходит в реальности:

— Office of aeronautics and space technology. Good day! Talk, please!<\$Бюро научно-технических проблем авиации и космонавтики. Здравствуйте! Говорите, пожалуйста!>

Я кашлянул и пошел к истине напролом.

— Алло! Это Савельев из Москвы.

— Who?... Saveliev? — тотчас отозвалась женщина. — Wait a moment!<\$Кто? Савельев? Подождите минутку!>

Несколько секунд в трубке пиликала музыка, затем я снова услышал голос женщины, но уже другой. Она спросила по-русски с заметным акцентом:

— Это господин Савельев? Вы получили наше письмо?

Реальность оказалась настолько невообразимой, настолько не доступной для моего понимания, что я тотчас оборвал связь и положил трубку на стол и несколько минут сидел словно оглушенный, без чувств и мыслей, пока не почувствовал, что мне тесно и душно в кабинете. Я схватил в охапку свои вещи и вышел из офиса.

Глава двенадцатая. Незаменимый

По дороге домой я очень мило поговорил с "другом".

— У тебя голова после банкета не болит? — спросил я.

— О каком банкете ты говоришь? — Он сделал вид, что не понял меня.

— При встрече я тебе напомню, — пообещал я.

— А я хочу тебе напомнить, что ты вор и мошенник.

— Интересно, а что я украл?

— Чужие мысли!

— А ты докажи, что я их украл!

— Докажу, — заверил меня "друг". — Можешь не сомневаться. Выбирай сам, каким способом это сделать. Я могу написать о твоём низком поступке в газету. Могу сообщить об этом Аристарху Софроновичу.

— Лучше сообщи главврачу психиатрической больницы, — посоветовал я. — Тебя будут показывать студентам, как классический образец больного с синдромом навязчивых состояний...

Сидя на кухне и кромя вилкой пиццу, я накоротке поговорил с Настей по телефону. Она сдержанно поинтересовалась, как продвигается защита диссертации, на что я ответил: "Семимильными шагами". В свою очередь, я спросил, что делает Аристарх Софронович, и Настя ответила, что папа еще не пришел домой. На этом мы холодно распрощались.

Потом мне позвонил из новой квартиры бригадир и спросил, навешивать ли уже двери? Я сказал ему, что торопиться не надо, так как все может измениться радикально. Бригадир не совсем понял значение слова "радикально". Тогда я ему объяснил:

— Двери, наверное, будут из красного дерева. На кухне установим джакузи, проьем арку в соседнюю комнату и там устроим зимний сад. Кабинет мне не нужен, на его месте будет большой банкетный зал. Во всей квартире настелим мозаичные паркетные полы и навесим французские натяжные потолки. И, скорее всего, прикупим пару соседних квартир и объединим их в одну...

Бригадир потерял дар речи.

Я долго не мог заснуть. Лежал на спине, смотрел на потолок и строил радужные планы на жизнь.

— У директора в одиннадцать совещание, — сказала Зоя на следующее утро, как только я появился в поле ее зрения.

— Я не могу. Скажешь, что поехал к врачу.

— Доиграешься, — пригрозила Зоя.

Я махнул рукой, закрыл дверь и достал ключ от сейфа. Много денег ушло на ремонт новой квартиры, и наличности у меня осталось около двенадцати тысяч долларов. Я берег их на свадьбу, но, видимо, придется сыграть ва-банк.

Затолкав в карман пачку, я вышел из кабинета. А через полчаса уже выехал из Москвы и мчался по трассе. Я думал о том, как сразу огорошу Чемоданова щедрым вознаграждением, чтобы он согласился доработать диссертацию безоговорочно. Сколько ему предложить? Тысячу? Пожалуй, тысячи будет маловато. Он только пятьсот запросил за вывод на двух страничках для Календулова. Надо дать тысячи три. Или сразу пять, чтобы обалдел, заткнулся и засучил рукава.

Я остановился на заправке, залил полный бак и здесь же, в продуктовом магазине, набрал два пакета всяких замороженных и сублимированных полуфабрикатов. На всякий случай. Вдруг придется остаться у Чемоданова на несколько дней, чтобы не давать ему спуску?

Это было бы самым правильным решением. Такую безвольную скотину, как Чемоданов, нельзя было оставлять наедине с большими деньгами. Он наверняка погрузится в глубокий запой, и мне очень долго придется его оттуда вытаскивать.

Чем ближе я приближался к поселку Промышленному, тем тоскливее становилось у меня на душе. "Знали бы американцы, — думал я, — в каких условиях в России рождаются научные открытия". Но не столько условия, в каких Чемоданов соз-

давал шедевр научной мысли, и не мрачные контуры умершего завода и поселка травмили мне душу. Самое неприятное, что ожидало меня впереди, было общение с Чемодановым. Я выступал в роли просителя, а эта роль всегда унизительна, если обращаешься к человеку, которого презираешь.

С таким невеселым настроением я поднялся на пятый этаж и постучал в дверь. За дверью было тихо, Чемоданов не открывал. Я громко сказал в замочную скважину:

— Чемоданов, открывай! Я тебе пива привез!

Ноль эмоций! Я ударил посильнее — на случай, если Чемоданов вздумал хитрить, и вдруг дверь неожиданно распахнулась.

Мне стало не по себе. Несколько мгновений я топтался на пороге и смотрел на кота, который сидел посреди прихожей и тщательно вылизывал свою белую грудку.

— Ау, Чемоданов, ты жив?

Из глубины квартиры не доносилось ни звука. "Может, помер от запоя? — подумал я. — Тогда плакали мои восемьсот тысяч".

Я закрыл дверь и стал бродить по квартире, разглядывая вещи. Собственно, никаких вещей, кроме старой обуви да кое-какого тряпья, в квартире не было. Я подошел к буржуйке и потрогал ее. Печь была холодная. Заглянул в холодильник. Мало того, что он не работал; в его утробе лежало несколько ржавых секций батареи парового отопления.

Чувствуя, что неприятное открытие вот-вот капнет мне на голову, я стал раскрывать дверки многочисленных шкафов и тумбочек. Я находил горы мятой старой одежды — мужской и женской, дощечки от овощных ящиков, пустые пластиковые бутылки из-под воды, сгоревшие лампочки, доску от унитаза, оконные ручки — словом, совершенно случайные и совершенно не нужные даже алкоголику вещи. А когда нашел полиэтиленовый пакетик, в котором лежал изогнутый гребешок и омерзительный пучок седых волос, мне стало гадко и страшно одновременно.

Я сел на шатающийся табурет, еще раз оглядывая склад выброшенной мебели и мусора. И тут до меня дошло. Здесь жил не просто очень бедный человек. Здесь жил сумасшедший!

От волнения я даже вскочил с табурета и стал ходить по комнате. Значит, надо искать специалиста по газовой динамике, знакомого с работами Сницаря. Можно дать объявление в газету. Сотрудники всевозможных обнищавших НИИ закидают меня предложениями. Лучше воспользоваться помощью не одного, а двух или даже пяти ученых. Они доведут диссертацию до ума, потом я отправлю ее в США и получу деньги. Вот тогда можно будет побеспокоиться о Чемоданове. Например, устроить его в платную больницу с хорошим питанием и уходом.

Я так размечтался, что не сразу услышал тихий скрип. И только когда в прихожей раздался громкий стук, словно на пол уронили деревянный ящик, я понял, что вернулся хозяин.

Психически нездоровые люди всегда внушали мне страх своей непредсказуемостью и скрытой агрессивностью. А вдруг Чемоданов решит отомстить мне и кинется на меня с ножом?

На всякий случай я вооружился резиновой палкой для выбивания ковров и осторожно заглянул в прихожую. Там никого не было, только на полу лежала связка дощечек и сухих веток. В кухне гремели кастрюли. Неслышно ступая по рваному линолеуму, я дошел до кухонной двери и... застыл на пороге, как столб.

Это был не Чемоданов. Спинай ко мне стоял человек, по-видимому, женщина, в розовых кримпленовых брюках, в коричневых ботинках со стертой наискосок подошвой и серой куртке из болоньи.

— А где Чемоданов? — растерянно спросил я, но женщина, мгновенно повернувшись ко мне, издала оглушительный вопль.

— Не подходи! — визжала она. — Только попробуй пальцем тронуть! Только шаг сделай! Хуже будет!

Я попятился в прихожую. Женщина продолжала орать, широко раскрыв красный рот с далеко не полным комплектом зубов. Лицо ее было бордово-синим, под глазами темнели старые гематомы.

— Да что вы так орете? — тоже крикнул я. — Не собираюсь я вас трогать!

Женщина на удивление быстро оборвала вой и закрыла рот. Ее отвратительное лицо расплылось в улыбке.

— А я думала, ты мент, — хриплым голосом произнесла она. — А ты, оказывается, хороший...

— Витька где? — спросил я.

— Какой Витька? — не поняла женщина, нюхая подозрительную коричневую субстанцию, засохшую на дне кастрюли.

— Который здесь живет, — пояснил я.

— Здесь я живу, — ответила женщина, кидая кастрюлю на пол. — А у тебя закурить есть?

— Как это вы? — обалдел я. — Это тринадцатая квартира?

— А бес ее знает какая! Ты бы дал мне денег на бутылку, а?

Она двинулась на меня вместе с запахом, который от нее исходил.

— Стоять! — крикнул я, и женщина послушалась. — Где Чемоданов?

— Да не знаю, золотой мой! Не знаю я никакого Чемоданова!

Наш разговор зашел в тупик. Умственные способности этой женщины не позволяли ей понять, что я от нее хочу, и мне ничего не оставалось, как убраться из квартиры. И тут, на лестнице, я нос к носу столкнулся с Чемодановым.

Мы оба опешили, раскрыли рты и несколько мгновений не знали, что сказать.

— А ты... — неуверенно произнес Чемоданов. — А разве ты уже приехал?

— А разве ты знал, что я должен приехать? — спросил я.

— Нет! — уверенно ответил Чемоданов и покрутил головой.

Он явно не ожидал моего появления и был смущен настолько, что не знал, что делать и что говорить. Я отметил, что сегодня взгляд его необычайно осмыслен, а лицо даже озарено интеллектом. Еще меня удивил его внешний вид: на нем была вполне приличная дубленка, темные брюки и зимние тупоносые ботинки. Разглядеть в Чемоданове клиента психбольницы было весьма затруднительно.

Вдруг он схватил меня за руку, повернулся и потянул вниз.

— Пойдем на улицу! Там поговорим.

Он думал, что я еще не был у него и не видел женщину с бордовым лицом. Мы быстро спустились вниз. Чемоданов с трудом натягивал на лицо маску прежней дурашливости.

— Серёнька, — фальшиво бормотал он. — Ты, прям, как снег на голову! А пивунчика не принес?

— Кто живет в твоей квартире? — задал я вопрос в лоб.

— Где? — заморгал глазами Чемоданов.

— В твоей квартире! — резко повторил я. — Только не прикидывайся, что ты понятия не имеешь, кого я имею в виду.

— А-а-а! — протянул Чемоданов и хлопнул себя по лбу. Он играл ужасно плохо. — Ты имеешь в виду мою уборщицу? Да, она иногда приходит. Мусор выносит, полы моет...

Я ему не верил. Все было покрыто какой-то неприглядной тайной. Мы вышли на улицу. Чемоданов покрылся пунцовыми пятнами.

— А я на твои деньги обновочку купил, — сказал он.

Я не отреагировал. Развивать тему, построенную на лжи, не хотелось, только спросил:

— Где ты живешь?

— Там и живу, — ответил он, показывая пальцем вверх.

— А эта сизая дама утверждает, что это ее квартира, и она тебя вообще не знает.

— Врет! — махнул рукой Чемоданов. — Она не совсем нормальная. У нее часто бзики бывают... Ну хочешь, поднимемся и выясним этот вопрос?

— Не хочу, — ответил я.

У меня пропало желание говорить о квартире и сизой женщине. Чемоданов уже взял себя в руки и занял глухую оборону. Он совсем не был похож на сумасшедшего, и мне пришлось отказаться от своих недавних выводов.

Мы сели в машину. Разговор зашел в тупик. Я думал о том, просить Чемоданова доработать диссертацию или же поискать для этой цели безработных физиков. Чемоданов лепетал что-то про ремонт, который надо делать в квартире.

— Кстати! — вдруг вспомнил он, сунул руку в нагрудный карман дубленки и вынул оттуда несколько сложенных листов. — Я сделал, что ты просил. Все чин-чинарем: коротко, конкретно и доступно.

Я развернул и посмотрел на листы. Текст и формулы. Отпечатано на хорошем принтере.

— Где принтер взял? — спросил я.

— А? Принтер?

Чемоданов тянул время, чтобы придумать ответ. Я его так и не дождался.

— Ты уверен, что здесь все в порядке?

— Комар носа не подточит! Гарантия! Если не примут — деньги верну.

Не знаю, почему я снова поверил ему.

— Вот что, Витя, — сказал я, доставая из кармана лист, на котором были выписаны требования американцев. — У меня к тебе еще одна просьба.

— Валий! — с безразличием ответил Чемоданов и удобнее устроился на сиденье.

— Научный руководитель нашел в твоей диссертации еще одну погрешность. Надо свести к конечному результату смешанные течения Сницаря... то есть, на основе его теории... В общем, читай сам, здесь все написано.

Чемоданов взял лист и недолго смотрел на него.

— Да. У меня была мысль связать свои выводы с гипотезой Сницаря. А потом я решил, что это будет уход от главной темы. Тот, кто это написал, — Чемоданов щелкнул пальцем по листу, — хочет придать диссертации прикладное значение. — И он вопросительно глянул на меня.

Я понял так, что Чемоданов интересуется суммой гонорара, и, как мне казалось, успокоил его.

— Я дам тебе три тысячи баксов.

Особой реакции мои слова не произвели. Чемоданов снова опустил глаза и, словно размышляя вслух, произнес:

— Тут есть один маленький, но вполне существенный нюанс. Некоторые разработки Сницаря имеют гриф "Для служебного пользования". Правда, с институтским пропуском я запросто могу пройти в специализированные технические библиотеки...

— Пять тысяч долларов, — прервал я его.

Чемоданов снова посмотрел на меня. Мне показалось, что на этот раз с едва заметной усмешкой.

— Вот так даже? — недоверчиво спросил он и вздохнул. — Я очень благодарен тебе. Ты помог мне разобраться, сколько я стою на самом деле.

— Десять тысяч, — процедил я. — Но это конец торгу. Ни цента больше!

— Десять тысяч? — переспросил Чемоданов, пытливо глядя мне в глаза. — За то, чтобы я свел к конечному результату выводы диссертации в соответствии с методом Сницаря?

— Да, — подтвердил я. — Именно так.

Чемоданов качнул головой. Сумма его впечатлила. Едва заметно улыбаясь, он уставился на знакомую мне собачонку, которая стояла в луже на трех лапах и чесалась.

— Всего за несколько страниц, — произнес он, — ты готов выложить десять тысяч долларов. Могу представить, сколько денег тебе пообещали за всю диссертацию.

У меня даже в сердце кольнуло от этих слов. Он будто прочитал мои мысли. Убедать его в обратном не было смысла. Только идиот мог поверить, что я готов платить такие деньги за диплом кандидата наук.

— Во-первых, пообещали не так уж и много, — попытался смягчить я его предположения. — А во-вторых, пообещали мне.

Я сделал ударение на слова "мне", давая понять Чемоданову, что моя роль в этом вопросе исключительная. Но Чемоданов смотрел на меня недоверчивым взглядом. Лицо его напрягалось и становилось все более жестоким.

— Вот что. — Он искоса глянул на меня и полез в нагрудный карман дубленки.

Я не мог поверить своим глазам. Чемоданов протягивал мне тонкую стопку долларов.

— Возьми. Здесь полторы тысячи.

Я все понял. Такого развития событий я предвидеть никак не мог.

— Зачем?

— Возьми, — тверже повторил Чемоданов. — Я передумал продавать тебе диссертацию. Она мне самому нужна.

Это была катастрофа! Жуткая метаморфоза, которая может пригрезиться разве что в кошмарном сне! Я смотрел на сидящего рядом Чемоданова и не узнавал его. Всего пару дней назад я пинками выталкивал его, пьяного и грязного, из Академии на улицу. А сейчас он с легкостью ломал мне всю жизнь, ставил непреодолимую преграду на пути к Насте, превращал из богача в нищего.

— Ты что? — онемевшими губами прошептал я и отвел его руку с деньгами в сторону. — Так не пойдет. Диссертация мне тоже нужна. Что продано, то продано. Обратного пути нет.

— Сделка была незаконной, — настаивал Чемоданов, продолжая держать деньги у моего лица. — Я был пьян. Ты воспользовался моим беспомощным состоянием.

Злость начинала клокотать во мне. Я знал, что Чемоданов наглый и бессовестный тип. Но разве мог предположить, что он такой грандиозный негодяй?

— Вот что, дружок, — произнес я. — Не знаю, какое у тебя было состояние. Я тебе водку не предлагал. Разговор у нас был нормальным. Ты назначил сумму — я заплатил. Все было честно, при свидетеле. Потому диссертацию ты не получишь.

— Забери деньги! — Чемоданов повысил голос. — Я буду оспаривать свои права на диссертацию через суд.

— Что? Через суд? — вспылил я. — Да хоть через международный трибунал! Все равно ничего не докажешь! Я уничтожил твой экземпляр!

— Докажу! — еще громче сказал Чемоданов. — Второй экземпляр диссертации, да будет тебе известно, уже пятый год лежит в библиотечном хранилище кое-какого института. Стоит сделать туда запрос, как сразу выяснится, кто автор.

Я скрипнул зубами и, не в силах сдержать себя, схватил Чемоданова за горло. Он покраснел, запыхтел, но даже не сделал попытки освободиться.

— Сколько тебе дать денег, чтобы ты подписал передачу всех прав на меня и заткнул свой поганый рот навеки? — проговорил я, испытывая неудержимое желание сдвинуть горло Чемоданова.

— Семьдесят тысяч долларов...

У меня даже пальцы сами собой разжались от такой вопиющей наглости. Сумма была настолько велика, что я даже не стал торговаться.

— Мне дешевле будет заказать киллера и нанять другого физика. Не думай, парень, что ты незаменим.

— Ну-ну, — ответил Чемоданов, массируя шею. — Посмотрим.

Он решительно открыл дверь и вышел из машины. Я завел мотор, вдавил педаль газа в пол и с визгом рванул с места.

Глава тринадцатая. Наука не выносит романтиков

Я только сейчас понял, что такое время, и как дорого оно для меня стоит. Первое, что надо сделать, причем немедленно — дать объявление в газету. Срочное объявление, чтобы завтра утром оно вышло в свет.

Я уже пользовался этой услугой, когда покупал квартиру, и прямоком заехал в офис, где принимали объявления. Текст сделал коротким, чтобы не утомлять читателей, и заказал рамку и крупный шрифт.

— Завтра с утра выйдет, — пообещала приемщица.

Продолжая думать о том, как бы опередить Чемоданова и вырвать у американцев деньги до того, как он поднимет шум, я заехал к себе в фирму. Я шел по коридору, машинально пожимал руки озабоченным сотрудникам, отчужденно смотрел на девушек, порхающих между ксероксом и принтером с листочками в руках, и не понимал смысла всей этой глупой и малополезной суеты. Мне звонили, я поднимал трубку, но не понимал, что от меня хотят. Передо мной лежали какие-то счета, списки разнокалиберных труб и шлангов, квитанции и письма с просьбами и гарантиями; я перекладывал их с места на место и не знал, что с ними делать. Все это было мышьиной возней. Самое главное — не позволить Чемоданову заявить во всеуслышание о своих правах на диссертацию.

Уходя, я сказал Зое, что завтра меня не будет, на что она равнодушно пожалала плечами.

Следующим утром, еще до рассвета, меня разбудил телефонный звонок.

— Это по объявлению, — услышал я в трубке мужской голос. — Называйте адрес. Вот это оперативность! Еще не взошло солнце, а уже поступило первое предложение. Давно надо было так сделать, а не уговаривать Чемоданова.

— А вы собираетесь работать у меня? — уточнил я.

— А как же! — ответил физик. — Мы всегда выезжаем к заказчику на дом.

Я почувствовал, что удача возвращается ко мне. Ожидая приезда физика, я подготовил для него рабочее место: убрал со стола все лишнее, вытер пыль, положил стопку чистой бумаги и расписал шариковые ручки.

Физик приехал через час. Я ожидал этакого седовласого и немного чудаковатого Эйнштейна, но на пороге появился средних лет мужик в засаленной телогрейке и с чемоданом в руке.

— По объявлению, — пояснил он мне, встретив недоуменный взгляд, и вошел в прихожую. Повесив кепку на крючок, он посмотрел по сторонам и кивнул на кухонную дверь:

— Там кухня?

— А вы собираетесь работать на кухне? — удивился я.

— Конечно! — ответил физик и уверенно пошел вперед.

“Хотел чудаковатого — получай”, — подумал я, следуя за ним.

Физик зашел на кухню, поставил на стул чемодан, но раскрыть его не успел.

Взгляд его упал на плиту.

— Так она ж у вас электрическая! — сказал он недовольным тоном.

Я даже рот раскрыл от удивления. Конечно, физик должен быть чудаковатым. Но не до такой же степени!

— А какая вам нужна? — произнес я.

— Газовая, конечно!

— А не все ли равно? — уточнил я.

— Послушай, парень! — скривив лицо, сказал физик и взялся за свой чемодан. — Не надо мне пудрить мозги! Ты что в объявлении писал? “Требуется специалист по газовым плитам”.

— По газовой динамике, — поправил я.

— Разве? — насторожился мужик. — А это не одно и то же?

— Нет, — с сожалением произнес я.

— Тогда прошу прощения... — Мужик смахнул с крючка кепку и вышел из квартиры.

Я в ужасе схватился за голову. Неужели я так написал в объявлении — “по газовым плитам”? Или наборщица текста ошиблась? Тогда надо быть готовым к атаке слесарей, а не физиков.

Вдруг мои мысли перебил телефонный звонок.

— По объявлению, — неимоверно растягивая слова, сказал мне кто-то.

— Меня интересует газовая динамика, — сразу уточнил я.

— Есть газовая, — подтвердил голос.

— А вы физик? — спросил я, намереваясь во всем до конца разобраться по телефону, а потом уже приглашать человека к себе.

— Ну, да. Можно так сказать, — расплывчато ответил голос. — Значит, мои условия: отваливаешь три “косаря” авансом. Когда принесу товар, даешь еще три. И мы в расчете. Устраивает?

— Какой товар? — не понял я.

— Как какой? — удивился физик. — Тебе газовая динамика нужна или конопляная?

Кажется, и с этим типом мы не поняли друг друга. Я ответил, что передумал, и положил трубку. Серьезные сомнения стали закрадываться мне в душу. За словами “газовая динамика” людям виделось все что угодно, но только не то, что нужно.

До обеда я просидел у телефона в полной неподвижности. Когда он снова зазвонил, я вскочил, трижды перекрестился и снял трубку.

— Алло, я звоню по объявлению, — прозвучал торопливый голос.

— Мне нужен физик, — сразу принялся объяснять я. — Специалист по газовой динамике.

— Значит, я по адресу, — очень доброжелательно произнес голос. — Я тот, кто вам нужен.

— В диссертации, которую я написал, не хватает связи с наработками Сницаря.

— Сницаря? Да, да, я в курсе, — ответил голос.

— Вы правильно поняли, что мне нужно? — настойчиво выяснял я.

— Конечно! Можете даже не сомневаться. Я тот, кто вам нужен. Знаете, я совсем недавно работал по взаимодействию между газом и движущимися в нем телами и располагаю огромным количеством литературы и необходимым опытом... Интереснейшая тема, должен сказать! Я просто по-доброму вам завидую!

У меня отлегло от сердца.

Вскоре он появился в моей квартире. Это был щуплый, но очень подвижный и деловой человек. Зайдя в прихожую, он живо снял с себя потертую пальто, ботинки, затем вынул из портфеля стоптанные тапочки и сунул в них ноги.

— За работу! — сам себе приказал он и прошествовал в комнату.

Я предложил ему кофе, на что физик ответил:

— Кофе, деньги — это все второстепенное. Главное — работа.

Я мысленно восторгался им. Он сел за стол, расчесал беззубой расческой остатки волос на голове, нацепил очки, дужки которых были перемотаны изолентой, и стал выкладывать на стол содержимое портфеля. Сначала выложил распухшую от газетных вырезок папку без тесемок, затем покрытую белыми подтеками бутылочку с клеем и, наконец, ржавые ножницы.

— Давайте диссертацию! — потребовал он.

Я положил перед ним диссертацию. Чтобы не мешать, я на цыпочках отошел к окну и сел на стул.

— Прекрасная тема! — оценил физик, близоруко рассматривая первую страницу. — Было бы время — сам бы взялся. Но, знаете, все как-то руки не доходят... Это ж, приступим.

Он отделил от диссертации примерно половину, взял первый попавшийся лист и начал решительно кромсать его ножницами. Мне показалось, что меня режут ножом по сердцу.

— Может, вам нужна чистая бумага? — на всякий случай спросил я.

— Нет! — ответил физик и покачал головой. — Чистая бумага мне как раз не нужна.

Разрезав страницу пополам, он раскрыл свою папку и стал просматривать газетные вырезки.

— Пожалуй, это пойдет, — произнес он и, намазав край вырезки клеем, стал прилаживать ее к обрезку страницы. — Потом найдете машинистку, и она перепечатает все начисто... Прекрасно!

Он снова взялся за ножницы, и я понял, что пришло время выяснить, какое таинство он совершает.

— Вы думаете, — смеясь, произнес он, — диссертации пишут? Вы молоды, но работаете по старинке — ручка, бумага, черновик... Сегодня так работают только очень молодые, неопытные специалисты или дураки. Диссертации делаются по методу "рекле".

— По какому методу? — переспросил я.

— "Рекле", — повторил физик и посмотрел на меня поверх очков. — А вы разве о таком не слышали? "Рекле" — значит, "режь и клей". Газеты, журналы — вот неиссякаемый источник информации. И этой информацией надо уметь распоряжаться. Если вы перепечатаете какую-нибудь статью целиком, то вас обвинят в плагиате. Но пошинкуйте эту статью на абзацы и предложения, словно капусту, а потом перемешайте с сотней других статей — разумеется, тоже пошинкованных, — и у вас получится сто собственных статей.

У меня волосы на голове зашевелились от такого откровения.

— Вы что же, — пробормотал я, глядя, как ржавые ножницы кромсают диссертацию, — и сейчас этим методом пользуетесь?

— Конечно! — воскликнул физик и с недоумением посмотрел на меня, мол, а чего ты вообще хочешь, парень?

— Но вы понимаете, что мне поставлена конкретная задача! — Я взял с полки перевод письма и зачитал: — Привести к конечному результату эти разработки от носительно смешанных течений и струйного дозвукового обтекания тела в соответствии с методом Сницаря.

— А я что делаю? — вытаращив глаза, спросил физик. — Именно это я и делаю! В этой же статье черным по белому написано про метод Сницаря!

— Да о нем не просто упомянуть надо! — начал нервничать я. — Его надо соединить с моими выводами!

Физик уставился на меня через стекла очков.

— Молодой человек, — произнес он. — Вы очень наивный. Думаете, что написали диссертацию, и теперь можно учить старшее поколение? Да я уже больше сотни таких диссертаций написал. И все, между прочим, были успешно защищены! Вы что думаете — это кто-то будет читать? — Он шлепнул ладонью по диссертации. — Вы думаете, это кому-то нужно?

— Да, нужно!

— Не смешите мои колени! — усмехнулся физик. — Вся беда в том, что вы первый раз столкнулись с системой защиты. Заявляю вам совершенно авторитетно, что ваш научный руководитель даже не читал эту диссертацию. Но для порядка вернул вам ее на доработку. Так положено, понимаете? Второй раз он ее тем более читать не будет. И на ученом совете перед защитой ее читать не будут. Дай Бог, чтобы оппоненты тему запомнили! Поверьте мне, опытному роботу!

Я не выдержал, сгреб со стола диссертацию и сказал:

— Вы свободны!

Физик не заставил себя долго упрашивать, немедленно вскочил со стула и принялся складывать в портфель свои вещи.

— Имейте в виду! — пригрозил он. — Когда вы обратитесь ко мне снова, я попрошу с вас вдвое больше!

Я схватил его за воротник и выставил за дверь.

— Романтик! — крикнул напоследок физик. — А наука не выносит романтиков! Науке нужны практичность, холодный расчет...

Он еще что-то кричал, но из-за двери было плохо слышно.

Глава четырнадцатая. Облачко

До вечера я принял всего два звонка. Первый звонивший предлагал услуги по прокладке газопровода на дачный участок. А вот второй, он же последний, оказался именно тем человеком, которого я искал. Но он тоже меня огорчил.

— Да, да, понимаю, — говорил мужчина, судя по голосу, пожилой и нездоровый. — Я слышал о методе Сницаря. Но почему вы сами не можете доработать диссертацию?

Я сослался на нехватку времени. Мужчина искренне удивился.

— Но вы понимаете, что быстрее и лучше вас это никто не сделает? Я могу взяться за эту работу. Но только месяц мне понадобится на то, чтобы изучить вашу диссертацию. Еще неделю я буду писать выводы.

— Месяц? — ахнул я. — Но мне нужно срочно! Один-два, от силы три дня.

— Это из области фантастики, — заверил меня мужчина. — Сделать эту работу за три дня возьмется только шарлатан. Имейте это в виду.

Я сам загнал себя в тупик. Моя самоуверенность была разбита в пух и прах. Это было дико, нелепо и смешно, но это была правда — в сложившейся ситуации Чемоданов действительно оказался незаменим. Американцы могли бы подождать месяц, ничего бы с ними не случилось. Но Чемоданов ждать не будет. За месяц он запросто сумеет вернуть себе авторство диссертации, получить восемьсот тысяч долларов, а заодно и защититься.

До поздней ночи я ломал голову над тем, как на месяц вывести его из игры. Припугнуть? Спрятать куда-нибудь? Отправить в заграникомандировку? А когда утром собрался уже выходить из дома, позвонил Календулов.

— Вы не могли бы срочно приехать ко мне? — спросил он.

Его голос мне сразу не понравился, и сердце мое упало.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Случилось, — подтвердил Календулов.

Он ждал меня в своем узком кабинете, заставленном коробками. Протянул свою маленькую растопыренную руку, похожую на щетку для унитаза, показал глазами на табурет и несколько неприятных мгновений пристально смотрел мне в глаза. Я чувствовал, как невольно начинаю краснеть.

— Мне очень неприятно спрашивать вас об этом, — начал он негромко, гоня взгляд по стеллажам, — но надо разобраться и снять все возникшие вопросы...

Я понял, что самое худшее, чего я опасался, свершилось. Календулов, как назло, щедро разбавлял свою речь долгими паузами, и мне казалось, что табурет подо мной раскалился, как сковородка.

— Вчера вечером ко мне пришел некий гражданин... назвался Чемодановым... и сказал, что диссертацию, которую вы мне дали, написал он.

— Не может быть! — Я постарался изобразить удивление и возмущение одновременно.

— Я тоже так подумал, — с некоторым облегчением сказал Календулов, — и потому не принял слова этого человека всерьез. И все-таки, нам надо разобраться: откуда он мог знать о вашей диссертации?

— Видите ли, я давно знаю Чемоданова. Когда-то он работал в НИИ и изучал проблемы газовой динамики. Может быть, ему показалось, что я похитил его труд?

— А вы... как бы мягче сказать?.. Может быть, вы пользовались его рефератами или статьями, не ссылаясь на них?

— Надо вспомнить, — уклончиво ответил я.

— Вспомните, пожалуйста, — попросил Календулов. — Какие статьи использовали, где и когда они были опубликованы. Когда мы внесем в диссертацию поправки, этот скандалист уже не сможет предъявить нам никаких претензий.

Я вышел из Академии, словно в воду опущенный. Значит, Чемоданов пошел в атаку. Надо немедленно что-то предпринять. Но что именно?

Я сел в машину, и, когда выехал на Садовое кольцо, по мобильнику позвонила Настя.

— Ты где? — спросила она взволнованно.

— На работу еду, — ответил я, чувствуя неладное.

— Остановись! — потребовала Настя. — И жди меня. Я через десять минут буду!

Наверное, сегодняшний день решил добить меня дурными новостями. Сев ко мне в машину, Настя посмотрела на меня глазами Календулова.

— Чего улыбаешься? — спросила она.

— Я не улыбаюсь, — ответил я. — Это гримаса уставшего человека.

— Сейчас у тебя будет гримаса подсудимого. На, читай!

С этими словами она протянула мне лист из ученической тетради. Я развернул его. Черным фломастером было написано следующее:

“Уважаемые господа академики! Обращается к вам младший научный сотрудник Чемоданов В.С. Надеюсь на ваше неподкупное благородство, ваше величие и искреннее стремление содействовать научно-техническому прогрессу. Я стал жертвой мошенничества. Проходимец и недоучка по фамилии Савельев, которого вы так любезно принимали в своем светлом обществе, обманным путем завладел самым ценным, что у меня есть — моей диссертацией, и, выдавая ее за свою, готовится к ее публичной защите. Я готов предстать пред вашим судом и в присутствии ученых и специалистов доказать свое авторство. Убедительно прошу вас помочь мне вывести на чистую воду мошенника и лжеученого Савельева, очистить храм науки от самозванца и прохиндея. Буду ждать вас у гардероба 14 февраля в 18.00”.

— Где ты это взяла? — произнес я.

— Отец вчера из Академии принес, — ответила Настя, нервным движением доставая из пачки сигарету. — Она висела на доске объявлений. Отец сразу сорвал ее, но неизвестно, успел ли кто-нибудь прочитать.

— Сегодня четырнадцатое? Значит, Чемоданов припрется в Академию в шесть вечера. Старикан здорово ругался?

— Не то слово.

“Эта пьянь нанесла два удара сразу, — подумал я. — Пока без серьезных последствий. Но кто знает, что он предпримет сегодня вечером?”

— Мне это все надоело, — жестко проговорила Настя.

— Что “все”?

— Вся эта грязная ложь.

— Ах, вот ты как заговорила! — с удивлением произнес я. — А разве ты забыла, ради чего вся эта грязная ложь затеяна? Чью прихоть я выполняю, занимаясь этой идиотской диссертацией?

— Подожди, не кричи. Ты не дослушал главного. Отец отказывается от своего условия. Он говорит, что с этой защитой ты только его позоришь... В общем, он требует, чтобы ты немедленно прекратил заниматься диссертацией. Он согласен выдать меня за тебя хоть завтра.

Она резко повернула голову, чтобы увидеть на моем лице выражение беспредельного счастья. Увы, она увидела там другое выражение — какое бывает у человека, которому на голову упал кирпич. Я на некоторое время онемел. Такого поворота я даже предвидеть не мог. Профессор отказывается от зятя-кандидата. Замечательно! Но ведь я не отказываюсь от восьмисот тысяч долларов!

— Почему твой отец ведет себя, как мальчишка? — строго спросил я, искусственно распалая в себе гнев. — Что он себе позволяет? То требует от меня ученой степени, то не требует! У него семь пятниц на неделе! Он уже сам не знает, чего хочет!

— А почему ты позволяешь так грубо говорить о моем отце? — вспыхнула Настя.

— Потому что твой отец заставил меня, преуспевающего бизнесмена, заниматься какой-то ерундой! Я потратил уйму времени, денег и нервов, идя на поводу у его капризов! И вдруг сейчас, когда я уже раскрутил всю эту махину, он отказывается от своих условий. Он, видите ли, требует! Подумаешь, Петр Первый! Не выйдет! Не все будет так, как он хочет!

— Прекрати так говорить, иначе я обижусь! — предупредила Настя.

— Обижайся сколько хочешь! Но отныне твой папочка мне не указ. Я взрослый человек, и сам буду решать, что мне делать, а что нет. Можешь ему так и передать.

— Я сейчас уйду, — глухим голосом произнесла Настя.

Меня понесло.

— Скатертью дорога! Я вижу, тебе просто не терпится выскочить замуж за какого-нибудь ботаника со скрипкой. Но не торопись, а то завтра твой старик захочет, чтобы его зять был каким-нибудь археологом или ихтиандром...

Настя выскочила из машины и с силой захлопнула дверь. Я перевел дух и поехал на работу.

Зайдя к себе в кабинет, я обнаружил сидящего за столом главного инженера. Он курил и орал в телефонную трубку. Пепел с сигареты падал на полированную поверхность стола. Там, где еще недавно стоял стаканчик с карандашами и ручками, лежала тяжелая никелированная гайка, прижимающая стопку записок.

— Здорово, старина! — сказал он мне слегка виноватым тоном, прикрыв трубку ладонью. — Понимаешь, теперь я буду здесь сидеть...

— А я где? — без всякой обиды спросил я.

— Зайди к директору. Кажется, он тебе другое место подыскал.

Зоя старательно делала вид, что не замечает меня. Она смотрелась в крохотное круглое зеркальце и пудрила нос.

— Лапочка, — сказал я, — ты не знаешь, куда меня директор переселил?

— Понятия не имею, — растягивая звуки, ответила Зоя, проявляя ко мне небывалое отсутствие интереса. — Говорят, что в цех, где отработанное масло сливают.

Я усмехнулся и покачал головой.

— Ты мне одну симпатичную актрису напоминаешь.

— Правда? Какую же?

— Из мексиканского сериала, — ответил я. — Которая уже двести сорок серий пытается выйти замуж, а ее все не берут и не берут.

Я думал, что Зоя швырнет в меня зеркальцем, но она удивительно легко отпарировала:

— Знаю. Мне об этом уже говорили... А тебе, между прочим, письмо пришло. Из Франции.

Я подскочил на месте. Дурак я! Зачем про сериал сказал!

— Лапочка, — начал подлизываться я. — С меня шампанское и цветы. А где это письмо?

— Всю почту первым просматривает директор, — ответила Зоя, закидывая зеркальце в ящик стола. — Наверное, у него.

Я без предупреждения вломился в кабинет к шефу. Он крутился в кресле, словно космонавт на центрифуге.

— Мне бы письмо получить.

— Какое письмо? — вскинул брови директор.

— Которое пришло на мое имя, — сдержанно пояснил я. — Из Франции.

— Не было никаких писем... Все, топай! Я сейчас уезжаю!

— Письмо отдай, — уже не улыбаясь, попросил я и протянул руку.

Директор даже привстал с кресла. Его глаза округлились. Опираясь на кулаки, он втянул голову в плечи, приняв тем самым бойцовскую стойку.

— Ты что? Совсем мозгами поехал? Я же тебе русским языком сказал: нет у меня никакого письма!

Опустившись на стул, я водрузил ноги на стол и заявил:

— Пока не отдашь письмо, я отсюда никуда не уйду.

— Вот так, значит? — Директор нажал кнопку селекторной связи. — Зоя! Срочно вызови ко мне Бидуна!

Бидун был личным водителем директора и его телохранителем. Отчетливо осознавая, что двухметровый мужик весом в полтора центнера запросто вышвыр-

нет меня из кабинета, и письма мне уже не увидеть, я перешел к решительным действиям. Вскочив со стула, кинулся на директора и вцепился в его галстук.

— Письмо!

Директор не растерялся и, схватив гранитный письменный прибор, швырнул его мне в голову. Я увернулся, и прибор грохнулся в дверь. Хорошо, что Бидун не зашел в это время, иначе стал бы инвалидом.

— Шиш ты получишь, а не письмо, — кричал директор, крепко ухватив мой чуб. Мы замерли в мертвом клинче. Широкий директорский стол разделял нас.

— Ты об этом пожалеешь, — угрожал я, чувствуя, как под моей рукой отрывается пуговица с директорской рубашки.

— Еще посмотрим, кто из нас больше пожалеет, — ответил директор, еще сильнее сжимая мои волосы.

— Это ты все от зависти, — стонал я. — Не можешь смириться с тем, что я больше тебя зарабатываю.

— Хочешь зарабатывать больше — вон из фирмы! — порекомендовал директор.

— С удовольствием, — пробормотал я.

— Тогда считай, что ты уволен!

— Из твоего "Мыш-дур-насоса" я уйду с песней!

— Ах, вот ты как заговорил!

— Отдай письмо!

— Да нет у меня никаких писем! — крикнул директор. — У Зои все письма!

Мы медленно отпускали друг друга. Конечно, директор не хотел, чтобы Бидун застал его в таком виде, и предпочитал расстаться со мной мирно. Я же был не прочь сохранить на своей голове остатки волос. Мы стремительно остывали, пока, наконец, не отпустили друг друга. Директор немедленно принялся поправлять воротник рубашки и галстук. Тут в кабинет втиснулся водитель.

— Проводи его, — приказал директор Бидуну, не желая встречаться со мной взглядом.

— Что вы, что вы! — замахал я руками. — Не надо себя утруждать! — И энергичной походкой вышел из кабинета.

— Ой! — увидев меня, Зоя захлопала лживыми глазками. — Так быстро?

— Где письмо? — хрипло произнес я.

— Ты знаешь, я все перепутала! Оказывается, это было письмо не тебе, а нашей сторожу, и не из Франции, а из Мухосранска... А что с твоей головой? Почему волосы дыбом встали?

Я вышел из фирмы, как из бани. Не в том смысле, что мне устроили головомойку, а в том, что чувствовал себя легким и чистым, как облачко. "Ну вот, — подумал я. — Еще один мешок с плеч долой!" К первому мешку я без зазрения совести причислил Настю.

Глава пятнадцатая. Крутое пике

Я немедленно разыскал по справочнику адрес дилера "Рено". Вполне возможно, что француженка, не слишком владея русским, все напутала и отправила договор прямоком на адрес дилера.

Я долго петлял по центральным улочкам, пока, наконец, нашел офис дилера. Дальше порога пройти мне не удалось, и здесь же меня ждало потрясение.

— "Льезон глобале сайнтифик"? — переспросил охранник и пожал плечами. — Первый раз о таком слышу. Здесь нет представителя журнала. Тут вообще нет никаких представителей, кроме "Рено".

Пятьдесят тысяч долларов, которые я уже мысленно положил в свой карман, почему-то никак не хотели материализоваться. Я не мог понять, почему так получилось с французами? Может быть, я имею дело с обыкновенными "кидалами", которые решили опубликовать статью и при этом ничего не заплатить?

От этой мысли мне стало дурно. Как же теперь наскрести семьдесят тысяч баксов? Не слишком ли я поторопился, порвав с фирмой?

— Серега, — сказал я, позвонив директору. — Я погорячился.

— Забудь этот номер, — ответил директор. — Он тебе больше не пригодится. У меня на тебя стойкая аллергия.

— Я больше так не буду, — пообещал я. — Это все на нервной почве. Мне срочно надо пятьдесят тысяч баксов...

— Ничем не смогу тебе помочь, — оборвал меня на полуслове директор.

Примирения не получилось. Тут еще насыпал соль на раны мой "друг", позволивший с педантичной точностью.

— Значит, не хочешь сознаться, что не писал диссертацию? — спросил он. — Будешь ждать, когда Чемоданов тебя публично развенчает?

— Я тебе советую разговаривать со мной лежа, лицом вверх, — проговорил я усталым голосом. — Чтобы вставная челюсть не выпала.

Потом вернулся к машине, сел за руль и позвонил Календулову.

— На мое имя по электронной почте никаких писем или предложений не поступало?

— Увы, увы, — ответил Календулов и стал кашлять. — Извините, я простужен.

— Берите больничный, — посоветовал я. — Все равно торопиться некуда. Защита подождет.

— Вы так считаете?

— Зачем она вообще мне сдалась! — произнес я с бесстыжим цинизмом. — Меня постигло глубочайшее разочарование на ниве науки.

Кинув телефон на соседнее сиденье, я взялся за ключ зажигания. Кажется, я созрел для того, чтобы немедленно ехать в Академию на встречу с Чемодановым и кинуться ему в ноги. Я даже не подозревал, что ради денег способен так унизиться. Вот только где взять недостающие пятьдесят тысяч? Допустим, продам машину за пятнадцать. За тридцать можно сплавить старую квартиру. Десять у меня есть. Итого пятьдесят пять. Не хватает пятнадцати.

Я стал перебирать в уме знакомых, которые могли бы дать мне займы. К сожалению, все знакомые так или иначе были связаны с фирмой, из которой меня сегодня турнули. После такого скандального увольнения никто даже рубля в долг не даст.

"Хватит с него и пятидесяти пяти, — решил я, трогаясь с места. — Огромные деньги! Принципиальной разницы нет. Все равно, что половина Вселенной или четверть ее — все равно не охватишь".

Я был уверен, что дело в шляпе. Хотя было только четыре часа, я немедленно поехал в Академию. Надо было встретить Чемоданова еще на улице и сразу же посадить его в машину, чтобы он не успел начать свой идиотский митинг.

Пока ехал и торчал в пробках, решил, что в качестве аванса выплачу Чемоданову десять тысяч. Как закончит работу — еще пятнадцать. А там видно будет. Может, он уйдет в такой глубокий запой, что начисто забудет об оставшихся деньгах.

В половине четвертого я припарковался у главного входа, вышел из машины и сразу же заглянул в фойе. Чемоданова не было. Успокоившись, я стал прохаживаться туда-сюда, контролируя все подходы. Ждать пришлось недолго. Минут через де-

сать я заметил в толпе бордовый пуховик. Этот искатель правды опять напялил на себя старые обноски. А где же его дубленка? Пропил?

Я пошел ему навстречу, изо всех сил стараясь приветливо улыбаться. Он не видел меня до тех пор, пока я не хлопнул его по плечу.

— Витя, привет!

Он вздрогнул, посмотрел на меня слезящимися от ветра глазами, приподнял нос и холодно произнес:

— Здравствуй.

Я тотчас взял его под руку и повел к машине, шепнув на ухо:

— У меня к тебе деловой разговор.

Чемоданов вяло сопротивлялся, демонстрируя неподкупную гордость. От него разило то ли портвейном, то ли дешевым одеколоном.

— Не о чем нам с тобой разговаривать, — ответил он. — Отпусти руку. Меня ждут в Академии наук.

“Академия” он произнес через “э”. Получилось очень торжественно.

— Я согласен на твои условия, — перешел я к делу, чтобы сломить его упрямство.

Чемоданов остановился и недоверчиво покосился на меня.

— Семьдесят тысяч, — напомнил он.

— Да!

— Долларов, — уточнил он.

— Да, да! — крикнул я. — Пошли в машину! Паспорт у тебя с собой? Нам надо заехать к нотариусу.

Проявляя некоторую осторожность, Чемоданов не спешил сесть в машину. Минуту он топтался в снежной каше рядом с тачкой, глядя по сторонам, словно опасаясь, что его держит на мушке притаившийся среди машин киллер. Наконец сел рядом со мной.

— Я должен подумать — произнес он.

— Думай, — согласился я. — Пять минут тебе хватит?

— Пять минут? — презрительно протянул Чемоданов и полез в карман за сигаретой. — Такие дела за пять минут не решаются... Поехали, чего стоим!

Я с радостью погнал машину по проспекту подальше от Академии.

— Куда едем? — угодливо спросил я.

— В центр! — приказал Чемоданов и удобнее устроился на сиденье. — Значит, ты согласен? — вальяжным тоном начал он вести беседу.

— Согласен, — подтвердил я. — Хотя, мне очень трудно было решиться на это.

Чемоданов прилип красным носом к окну, провожая взглядом неоновые вывески и вдруг скомандовал:

— Стоп!

Я надавил на педаль тормоза.

— Что-то у меня в горле пересохло. Ну-ка, сбегай в ларек, купи пару баночек “джин-тоника”.

Я вопросительно посмотрел на Чемоданова. Наглеет, стервец! Если бы не его поганая диссертация, он бы собственным носом в сугробе борозду проложил бы!

— А ты разве не можешь сходить сам? — вежливо поинтересовался я.

Чемоданов искоса посмотрел на меня и расслабленно приоткрыл рот, словно его челюсть утратила способность держаться.

— Если я выйду, то уже не вернусь... Бегом! Одна нога там, другая здесь!

Я вышел из машины и, проваливаясь по щиколотку в талый снег, пошел к ларьку. Купил две банки самого дешевого “джин-тоника”, да еще бутылку пива

прихватил. Пусть урод получит моральное удовлетворение, оттянется по полной программе.

Но Чемоданов не удовлетворился бутылкой пива. Он вдруг потребовал, чтобы я накормил его ужином в ресторане.

— Витя, — спокойно сказал я ему. — Ресторан — это слишком дорогое удовольствие.

— А выводы, которые ты просишь меня написать, это не дорогое удовольствие? — заявил Чемоданов.

— Но ты еще не дал согласия.

Чемоданов покачал головой и погрозил мне пальцем.

— Ой, Серёнька! Лукавишь, братец! По-прежнему лукавишь, как в школе! Ну, если бы я не согласился взяться за работу, разве стал бы разъезжать с тобой по городу?

— А кто тебя знает, — пожал я плечами.

Я остановился у первого попавшегося ресторана со странным названием "Телевизор". Швейцар приветливо распахнул перед нами дверь. Однако, увидев, как одет Чемоданов, он тотчас преградил нам путь. Пришлось сунуть ему десять баксов.

Мы спустились в сумрачный зал. Многие столики были заняты, за ними сидели дамы в вечерних платьях и мужчины в костюмах. Я испытывал нестерпимый стыд, когда Чемоданов, ковыряясь в носу, шел по проходу и громко говорил:

— А здесь недурственно, недурственно!

Люди кидали на нас недоуменные взгляды. Я предложил Чемоданову самый крайний столик, стоящий в сумеречном углу, где не так бросался бы в глаза его рваный свитер с обвислым воротом.

Официант положил перед нами меню. Опасаясь, что Чемоданов быстро опьянеет, и с ним невозможно будет нормально поговорить, я предложил выпить сухого испанского вина.

— Да иди ты со своим вином! — отмахнулся Чемоданов и начал щелкать пальцами, привлекая внимание не столько официанта, сколько почтенной публики. — Эй! Гарсон! Водки!

Я был готов упасть со стула и спрятать свой стыд под столом, но был вынужден утихо улыбаться. Молодая пара, которая сидела за соседним столиком, встала и пересела от нас подальше.

— Давай сначала поговорим о деле, — предложил я.

— Сначала надо выпить! — начальственным тоном ответил Чемоданов.

Перед нами выросла фигура официанта в темно-красном жилете поверх белой рубашки.

— Что-нибудь желаете? — спросил он.

— Водки! — повторил Чемоданов.

Официант принес бутылку водки. Чемоданов выпил, занюхал драным рукавом и немного притих. Я решил, что более подходящего момента не будет, и сразу изложил ему систему расчетов, одновременно с этим выкладывая на стол пачку долларов.

— Это аванс. Еще пятнадцать выплачу тебе сразу по завершении работы.

— Это что? — спросил вдруг Чемоданов, не прикасаясь к деньгам.

— Десять тысяч баксов. Новенькими, хрустящими.

— Я же сказал — семьдесят тысяч!

— Да, все правильно! Дам я тебе семьдесят. Но частями. Пойми, сейчас таких денег...

— Ага! — рассмеялся Чемоданов. — Ищи дурака! Я отдам тебе все права, а ты грохнешь меня в каком-нибудь темном переулке!

Он говорил так громко, что весь зал слышал его.

Я взял бутылку и, ничего не соображая, стал наполнять бокал для воды. Этот поганец загонял меня в угол, и я ничего не мог сделать. Нет, он не согласится на пятьдесят пять тысяч. Он будет с упрямством бешеного осла стоять на семидесяти. И у меня нет иного выхода, как выдать ему всю сумму сразу. Значит, в ближайшие дни я должен продать машину и старую квартиру. Останется добыть еще пятнадцать тысяч. Но где же их добыть?

Все последующее время, пока мы ужинали, и Чемоданов поднимал тосты в честь своей непризнанной гениальности, мои мысли были заняты этой проблемой. Я снова и снова перечислял в уме всех своих знакомых, кто, теоретически, мог бы дать мне взаймы.

Наконец мы сели в машину. Чемоданов мгновенно вырубился, и я вздохнул с облегчением. БМВ тихо ехала по ночным улицам. Непризнанный гений крепко, с храпом, спал, высоко запрокинув голову. Пуховик его был расстегнут, и я видел торчащий из внутреннего кармана край пухлой денежной пачки. "А что если незаметно вытащить деньги, — думал я, ужасаясь своим мыслям. — Утром, протрезвев, он решит, что потерял их. Тогда проблема с недостающей суммой будет решена".

Моя рука медленно приближалась к карману. Да, это воровство! Чистойшей воды воровство! Но к черту мораль! Главное — деньги! Они уже почти в моей руке! Пальцы уже коснулись жесткого края пачки...

От пронзительного писка мобильного я вздрогнул и моментально отдернул руку. Будь проклята сотовая связь! Чемоданов шевельнулся, причмокнул губами и открыл красные глаза.

Я включил трубку и поднес ее к уху.

— Ты понимаешь, что катишься в пропасть? — услышал шепот "друга".

— А-а, это ты, старый пень! — крикнул я, срывая злость на "друге". — Давно тебя не слышал. Ну? Что ты теперь хочешь сказать? Чем будешь пугать? Геенной огненной?

— Одумайся, — произнес "друг". — Еще не поздно остановиться!

— Закрой рот, пугало огородное! — крикнул я. — Теперь настала моя очередь говорить! Хочу тебя обрадовать: я выкупил все права на диссертацию! И теперь она моя по всем законам! Понял, мухомор трухлявый? И теперь, если ты еще раз позволишь мне, тебе не поздоровится! — Я отключил телефон.

— С кем это ты так громко говорил? — невнятно произнес Чемоданов, зевнув. Я не ответил, и он слегка обиженно попросил: — Высади меня тут, я прогуляюсь немного.

Пришлось остановиться и попрощаться с Чемодановым. Проблема с пятнадцатью тысячами по-прежнему висела над моей головой, словно тяжелая сосулька.

Перед тем, как закрыть дверь машины, Чемоданов напомнил, что оставшиеся шестьдесят тысяч он будет ждать ровно неделю, ни дня больше.

"За неделю я что-нибудь придумаю", — успокоил себя я.

Но я зря рассчитывал на недельный тайм-аут. Едва пришел домой, телефон разразился пронзительным звонком. Междугородний! Я схватил трубку и услышал женский голос:

— Алло! Господин Савельев? Это вас беспокоит бюро научно-технических проблем из НАСА...

Я чуть дара речи от волнения не потерял. Переложил трубку к другому уху и даже дышать перестал.

— Да, да, слушаю вас!

— Как продвигается ваша работа?

— Через десять дней, возможно, я все закончу.

— О-о! — разочарованно протянула женщина. — Десять дней — очень много. Вы должны понимать, что на основе вашей работы мы разворачиваем целый проект. Постарайтесь завершить работу за три дня и немедленно вышлите выводы факсом.

— Три дня? — переспросил я, совершенно не соображая, как я за три дня смогу выдавить из Чемоданова выводы. Он только весь завтрашний день опохмеляться будет. Но разве объяснишь американцам, что такое русский запой? — Хорошо, я стараюсь.

— Очень буду вам признательна, — ответила женщина.

Я положил трубку и некоторое время безотрывно смотрел на телефон. Какой, однако, я доверчивый. А вдруг эта женщина играет со мной? Я снова схватил трубку и набрал номер телефонной станции.

— Девушка, мне только что звонили по межгороду. Я хочу узнать, из какого города звонок.

— Эта услуга платная, — предупредила девушка.

— Да, да, я согласен на любую сумму!

— Секундочку... Алло, вы слушаете? Вам звонили из Вашингтона.

— Девушка! — у меня даже голос задрожал. — А ошибки быть не может? Телефонные хулиганы еще не на такие шутки способны...

— Никакой ошибки, — уверенно ответила девушка. — Звонили из Соединенных Штатов Америки. Можете не сомневаться.

Я грохнул кулаком по столу и произнес:

— Продавать! Все к черту продавать!

Уже утром по квартире расхаживал риэлтор — очень любезный молодой человек с усиками. Первые пятнадцать минут он выяснял у меня, играю ли я в теннис, а когда узнал, что нет, поинтересовался, за какую футбольную команду болею. После чего неожиданно спросил:

— Так сколько вы за нее хотите?

— Тридцать тысяч долларов. Причем деньги мне нужны уже вечером, — выдал я заранее подготовленную фразу.

— Даже так? — уточнил он и зачем-то заглянул под ванну.

— Если вы не сможете это сделать, то я обращусь в другую контору.

Риэлтор подумал и решил, что сможет это сделать.

Весь день я пропадал на авторынке. Желающих купить мою машину было много, но все они не в меньшей мере хотели, чтобы я сбросил цену. Я стоял на своем насмерть. Перед самым закрытием мне все же удалось уломать одного кавказца. Он заплатил пятнадцать тысяч, и я отдал ему ключи.

Домой я возвращался на метро, неожиданно меняя вагоны и направление, чтобы уйти от возможного "хвоста". Как только поднялся на поверхность, мне позвонили из риэлторской конторы и сказали, чтобы я немедленно приезжал подписывать документы и получать деньги.

На новую квартиру я вернулся в восемь вечера на такси, держа под курткой солидный сверток с баксами. Никогда я еще не держал в руках одновременно такую сумму. Выгнав из дома уже пьяную бригаду, я допоздна слонялся по пустым комнатам и думал о том, что стою на пороге радикальных и великих перемен.

Когда я уже лег, накрывшись старым солдатским одеялом, вдруг необыкновенно ясно и четко понял, где возьму недостающие пятнадцать тысяч. Как-то Настя показала мне шкатулку, в которой ее отец хранил все свои сбережения на "черный" день. Зачем она это сделала, я до сих пор понять не мог, но шкатулка здорово врезалась мне в память. Кажется, там лежала довольно приличная сумма в долларах.

И как же я раньше не вспомнил о ней?

Глава шестнадцатая. Ударить или придушить?

— Я вчера звонила тебе весь вечер, — говорила Настя.

Я лежал на раскладушке, смотрел на потолок, где утреннее солнце рисовало замысловатые фигуры, и прижимал к уху трубку мобильного.

— Я ночевал в новой квартире, — сказал я. — Рабочие совсем распоясались, приходится их контролировать...

— А ты диссертацией больше не занимаешься?

— Что ты! — легко солгал я. — Боже упаси!

— И к этому ненормальному Чемоданову не ездешь?

— Нет, милая, нет. Я только о тебе думаю.

— Ты сильно изменился за последние дни, — заметила Настя. — А я видела очень симпатичное свадебное платье.

— Все будет, милая, — пообещал я. — И свадебное платье, и туфельки. А сейчас я очень хочу тебя видеть.

— Я могу приехать к тебе.

— Ко мне? Что ты! — наигранно возмущился я. — Разве я могу принять тебя в пустой комнате, где даже сесть негде?

— Тогда давай встретимся на твоей старой квартире, — предложила Настя.

— На старой? Да там можно только удавиться!

— А где же тогда? — растерялась Настя.

— Лучше я приеду к тебе, — предложил я. — Очень люблю смотреть на тебя, когда ты сидишь в своем кресле, завернувшись в плед, такая уютная, нежная, домашняя...

— Вот как запел! — рассмеялась Настя. — Конечно же, приезжай! Но потом отвезешь меня в Коломенское. Тысячу лет там не была!

— В Коломенское? — растерянно переспросил я и добавил: — Понимаешь, в чем проблема... Я машину поставил в сервис.

— Какая жалость, — произнесла Настя. — Придется ехать на такси.

— Может, в другой раз съездим? У меня сегодня совещание в фирме.

Настя вздохнула.

Через час я был у нее дома. С порога преподнес ей цветы, обнял и долго не отпускал. Она целовала меня и что-то шептала. Я не слушал, думая о том, что мне предстояло сделать. Шкатулка находилась в кладовке, где профессор хранил бесчисленное количество строительных и ремонтных инструментов. Он никогда ими не пользовался по той причине, что не умел ни гвоздя забить, ни розетку исправить.

Самый удобный момент проникнуть в кладовку незамеченным — когда Настя пойдет в душ. Мне достаточно будет одной минуты: встать на табуретку, дотянуться до верхней полки, снять шкатулку и вытряхнуть из нее баксы. Я был уверен, что неделю или две, пока я не получу восемьсот тысяч, ни профессор, ни Настя в шкатулку не заглянут. А потом я таким же способом положу баксы обратно. И больше моей ноги в этом доме не будет!

Я подхватил Настю на руки и отнес в ее комнату.

— Папаша случайно не заявится? — спросил я, торопливо скидывая с себя пиджак.

— Ты без пяти минут мой муж, — с улыбкой проговорила Настя. — А все еще чувствуешь себя тайным любовником.

“Я чувствую себя вором, — подумал я. — Не хватало, чтобы профессор зашел в квартиру в тот момент, когда я буду очищать шкатулку”.

— Алло! — позвала меня Настя. — Ты о чем задумался, дружок?

— Кажется, на кухне вода шумит, — сказал я, не позволяя Насте завалить меня на кровать.

— Разве? — удивилась она и прислушалась. — Ничего там не шумит... Что с тобой? Ты какой-то странный!

— Странный? — переспросил я, растягивая губы в мучительной улыбке. — А что во мне странного? Тебе показалось.

— Нет, не показалось, — возразила Настя. — Ты какой-то озабоченный. У тебя ничего не болит?

— У меня? — пожал я плечами. — Вроде ничего.

Она повернулась ко мне, с тревогой глядя на мое лицо.

— Сядь-ка в кресло. А я кофе с бутербродами приготовлю. По-моему, из-за этой диссертации у тебя началась физическая деградация.

— Да, давай кофе и бутерброды, — ответил я с облегчением.

Настя еще раз встревоженно взглянула на меня и вышла. Я прислушался. Из кухни доносился звон посуды. Не теряя времени, я пошел на цыпочках, придумывая какую-нибудь правдоподобную версию, если вдруг неожиданно попаду на глаза Насте, прошмыгнув к кладовке. Нащупал на стене выключатель, зажег свет. Вот табурет. Очень кстати. Я торопливо встал на него, дотянулся до верхней полки и нащупал шкатулку. Вот она, моя родимая! Ключик от волшебной двери! Прижав шкатулку к груди, я открыл ее и запустил внутрь пальцы.

Раздался щелчок, жуткая боль парализовала мою руку. Мне показалось, что мои несчастные пальцы одним махом откусил маленький крокодильчик, сидящий в шкатулке. Опустив глаза, я увидел, что ладонь крепко схвачена пружиной мышеловки. Обливаясь потом от боли, я слез с табурета, положил шкатулку на пол и стал осторожно оттягивать пружину. Пальцы посинели от удара, на фалангах остался бордовый рубец.

— Ау! Ты где? — услышал я голос Насти. Она начала меня искать!

Я сорвал мышеловку с руки и зашвырнул ее в угол. Идиотские шутки у профессора! Солидный человек, а впадает в детство. И вообще, такую семейку еще поискать надо. Что папа, что дочь...

Я выгреб из шкатулки пачку денег и затолкал ее в нагрудный карман пиджака. Положил шкатулку на прежнее место и приблизился к двери. Кажется, Настя решила, что я играю с ней в прятки. Ее веселый голос доносился то ли из зала, то ли из ее комнаты.

Выйдя в холл, я прикрыл за собой дверь и быстро вышел в прихожую. Когда Настя нашла меня и зажгла в прихожей свет, я уже зашнуровывал второй ботинок.

— Ты куда? — растерянно спросила она.

Я поднял лицо. Настя стояла передо мной с подносом в руках.

— Мне надо срочно в фирму, — сказал я, снимая с вешалки куртку.

Перед тем, как выйти из квартиры, я кинул на Настю прощальный взгляд. И зря. Она вдруг швырнула в меня поднос с чашкой и бутербродами.

— Ненормальная! — бормотал я, быстрыми шагами направляясь к лифту. — И что это на нее накатило? Подумаешь, от дурацких бутербродов отказался.

Глава семнадцатая. Золотые рога

Я зашел в первую попавшуюся нотариальную контору и, не обращая внимания на очередь, распахнул дверь кабинета.

За столом сидела очень серьезная дама.

— Молодой человек, — сказала она, не глянув на меня, но каким-то удивительным образом определив мой возраст. — У меня обед.

— Вам надо поехать со мной и заверить подписи, — сказал я, попутно доставая из кармана бумажник. — Сто долларов хватит?

— Это невозможно, — покачала головой нотариус.

— Двести!

— Сколько? — не расслышала женщина.

— Триста, — немедленно внес я коррективы.

— Какой договор вы собираетесь подписывать?

— О пожизненной передаче всех прав на диссертацию.

— Ждите меня на улице, — ответила она и первый раз одарила меня взглядом.

Дама вышла в роскошной норковой шубе, села в джип и изнутри открыла вторую дверь, для меня, а когда я оказался рядом, потребовала:

— Деньги!

Я отсчитал ей три сотни. Женщина небрежно закинула их в нишу под панелью и спросила:

— Куда ехать?

Вела машину она классно. Всю дорогу безостановочно курила и отвечала на телефонные звонки. Чем ближе мы подъезжали к дому Чемоданова, тем более выразительно проявлялось на ее лице выражение брезгливости.

— Бесподобно! — сказала она, когда я показал ей подъезд, у которого следовало остановиться. И повторила это же слово, когда мы поднимались по лестнице.

Я молил Бога, чтобы Чемоданов оказался дома.

Мне повезло. Он открыл сразу, что избавило меня от необходимости выламывать дверь.

— Серёнька! — протянул Чемоданов и, переведя взгляд на женщину, добавил: — С бабой!

— Это нотариус!

Женщина вопросительно взглянула на меня и вскинула вверх тонкие, как шнурки, брови.

— С ним вы собираетесь подписывать важный договор?

Я кивнул и вздохнул, мол, сам все понимаю. Нотариус смело зашла в квартиру. Я провел ее в комнату и показал на табурет.

— Паспорт неси! — сказал я Чемоданову.

— Сначала деньги покажи! — перестраховался Чемоданов.

Пока нотариус раскладывала на столе образцы договоров и коробочки с печатями, мы во второй комнате занялись пересчетом денег. Я отдал Чемоданову весь пакет и стал следить за тем, как он ползает на четвереньках по полу и раскладывает баксы стопками по шесть тысяч. На четвертой стопке это занятие ему надоело, и он сгреб деньги обратно в пакет.

— Верю. — Победно ухмыляясь, он протянул мне руку. Пришлось ее пожать.

Когда мы зашли в первую комнату, нотариус ждала нас и прижимала к лицу носовой платок. Видимо, сильно страдала от запахов.

— Читайте! — сказала она, кивнув на два экземпляра договора. Затем скрепила наши подписи своим заверением, печатями и голограммами, отдала нам с Чемо-

новым по одному экземпляру, а третий оставила себе. На всякий случай я попросил разъяснить мне мои права.

— Вы можете делать с этой диссертацией все, что хотите. Используйте ее по своему усмотрению.

— И в коммерческих целях? — уточнил я.

— В любых, — подтвердила нотариус и высморкалась. — А гражданин Чемоданов эти права теряет. За нарушение договора он несет уголовную ответственность.

От необычайного всплеска эмоций я вскочил с табуретки и громко чмокнул женщину в щеку.

— Спокойно, — ответила она и направилась к выходу.

Как только дверь за ней закрылась, я запрыгал по комнате. Чудовищный груз свалился с моих плеч.

— Все, Чемоданчик! — кричал я. — Запрягайся! Время пошло!

— Без базара, — ответил Чемоданов, жалко улыбаясь. — Через три дня как штык... День и ночь пахать буду. Можешь не сомневаться...

— И чтобы без халтуры! — предупредил я, поднеся кулак к его носу. — Все записано в договоре. Если сделаешь не то, что надо, потеряешь бабки и зубы!

— Да что ты, Серёнька! Все будет в лучшем виде!

Вдруг наше общение прервал стук в дверь. Мы оба замолчали и посмотрели друг на друга.

— Кто это? — тихо спросил я.

Чемоданов пожал плечами.

— Не знаю. Может, эта тетка забыла что-нибудь?

Я махнул на него рукой, чтобы закрыл рот, тихо подошел к двери и склонился перед замочной скважиной. И тут меня будто током ударило. На лестничной площадке стояла Настя!

Я отпрянул от двери. Какого лешего ее сюда принесло? Выследила?

— Меня нет и не было, — шепнул я Чемоданову и показал ему кулак. — Выпроводи ее, понял? И не вздумай вякнуть про договор!

Я зашел в туалет и неплотно прикрыл дверь, чтобы можно было подглядывать через щель.

— Иду, иду! — громко сказал Чемоданов и открыл дверь. — Ба! Какие люди! Милости просим!

Настя вошла в прихожую и посмотрела по сторонам.

— Сергея у тебя нет?

— Сергея? — повторил Чемоданов и стал чесать затылок. — Нет! Серёньки у меня нет.

— И не заезжал?

— А зачем ему ко мне заезжать? Какие у нас с ним дела? Договор, что ли, подписывать?

Я даже за голову схватился. У Чемоданова явно чесался язык.

— Плохо, — произнесла Настя и расстегнула дубленку. — Я так надеялась, что он поехал к тебе.

— Нет, не поехал. А что случилось? — проявил участие Чемоданов.

Настя недолго колебалась.

— Как тебе сказать, — доверительно произнесла она. — В общем, у меня пропали деньги...

У меня внутри все оборвалось. Все-таки заметила! Когда успела?

— Ай-я-яй! — посочувствовал Чемоданов. — Много?

— Пятнадцать тысяч долларов.

Чемоданов ахнул.

— Вот беда какая! Такие огромные деньги! А Серёнька тебе зачем?

Настя пожалала плечами и опустила глаза.

— Я подумала, может... может, он что-нибудь знает... Он был у меня недавно. Мы поругались... Ох, как у меня на душе нехорошо! Может, я его нечаянно обидела?

Чемоданов все чмокал губами и качал головой.

— Да ты проходи! — вдруг оживился он. — Снимай шубу!

К моему удивлению, Настя позволила Чемоданову снять с себя дубленку и прошла в комнату. Я перестал ее видеть и слышать.

Прошло пять минут, десять. Мне надоело сидеть в дурнопахнущем помещении, причем в полной темноте. Я тихо приоткрыл дверь, высунул голову наружу и прислушался. Полная тишина. Что они там делают? А вдруг у Насти были переписаны все номера купюр, и сейчас она проверяет пачку денег, которую я дал Чемоданову?

Тихо и медленно я приблизился к дверному проему, краем глаза заглянул за косяк, и... остолбенел.

Чемоданов и Настя стояли у окна, крепко сжимая друг друга в объятиях, и самозабвенно целовались. У меня остановилось дыхание и замерло сердце. Чудовищно! Неслыханная наглость! И эта стерва смела навязываться мне в невесты? Целоваться с таким моральным уродом, как Чемоданов!

Чтобы не упасть в обморок, я вернулся в туалет и просидел там до тех пор, пока Настя не вышла из квартиры.

Чемоданов распахнул дверь туалета.

— Свобода вас встретит радостно у входа! — продекламировал он.

— Закрой дверь, скотина, — почти беззлобно произнес я.

Оттолкнув Чемоданова, я вышел в коридор, схватил куртку и, едва не сорвав дверь с петель, вывалился на лестничную площадку.

Чемоданов что-то лепетал за моей спиной, но я его не слышал. Хотя, честно говоря, я был рад, что так все получилось. Если рога золотые, то почему бы их не носить?

Глава восемнадцатая. Ватерлоо

Когда я возвращался от Чемоданова и был уже на платформе Курского вокзала, позвонила Настя.

— Ты где? — спросила она тихим и печальным голосом.

— На работе! Где же мне еще быть?

— А я только домой пришла. В магазин ходила. У меня беда. Пропали деньги, которые папа себе на старость откладывал.

— А я при чем?

— Нет, ты ни при чем. Просто я подумала, может, ты случайно...

— Что случайно? Говори, не тяни! — грубо прервал ее я.

— Когда ты уходил, не обратил внимания, дверь в кладовку была открыта или нет?

— Не обратил. Только не надо юлить! Ты ведь думаешь, что это я украл деньги. Так ведь? Ну, признайся, что подумала на меня!

— Я не подумала на тебя!

— Не ври! Ты уверена, что я украл их, чтобы заплатить Чемоданову за его молчание! Так ведь? Признавайся!

Настя не ответила и положила трубку. "Надо постепенно отучать ее звонить мне, — подумал я, выключая мобильный. — Только деньги впустую трачу".

А следующее утро преподнесло мне неожиданный сюрприз. Меня разбудил телефонный звонок. Я думал, что это Настя, и уже подготовил несколько крепких выражений, но, к своему удивлению, услышал голос Чемоданова.

— Это я.

У меня сердце едва из груди не выпрыгнуло. Голос Чемоданова был вялым и безжизненным.

— Что-нибудь случилось? — крикнул я, вскакивая с раскладушки.

— Да вроде нет, — расплывчато ответил Чемоданов.

— Что значит "вроде"? Ты потерял какие-нибудь справочники? Не нашел работы Сницаря?

— Да все я нашел. Просто всю ночь не спал. Так увлекся, что остановиться не мог. В общем, работа готова. Могу подвезти.

— Эйнштейн ты мой! Голубчик! Роденький! С меня шампанское... А ты все хорошо сделал?

— Как надо, так и сделал, — заверил Чемоданов. — Моя тема, я в ней разбираюсь.

— До чего ж ты хороший парень, — признался я. — Не пил бы — цены бы тебе не было.

Мы договорились встретиться у метро "Выхино". "Что-то он подозрительно услужливый, — думал я, торопливо одеваясь. — Как бы не запросил еще денег. Надо будет ему объяснить, что я прочно сижу на мели".

Чтобы наглядно продемонстрировать свое тяжелое материальное положение, я надел старые джинсы, в которых руководил бригадой, и напялил брошенную кем-то из рабочих телогрейку.

Ничуть не комплексуя из-за своего необычного вида, вышел на улицу и направился к автобусной остановке.

А вот Чемоданов снова поразил меня своим умением перевоплощаться. Мы словно поменялись с ним ролями. Он был весьма прилично одет, пострижен, и от него разило дорогим одеколоном.

— А ты неплохо выглядишь, — заметил я.

— Пить завязал, — ответил Чемоданов и, придирчиво оглядев мой вид, спросил: — А ты что? Начал?

Я взял из его рук тонкую пластиковую папку, в которой лежали три странички, отпечатанные на принтере. Три странички, стоимостью восемьсот тысяч долларов.

— Гарантируешь, что здесь все правильно?

Чемоданов презрительно хмыкнул.

— Если твой заказчик останется не доволен, — самоуверенно заявил он, — то я верну тебе все деньги.

Это заявление мне понравилось.

Я протянул ему руку в полной уверенности, что мы больше никогда не встретимся.

Распрощавшись с Чемодановым, я напрямик поехал на Главпочтамт, откуда отправил выводы в НАСА срочным факсом, указав номер своего мобильного телефона. Затем зашел в церковь на Житной и поставил свечку Николаю Чудотворцу.

В тот момент, когда я выходил из церкви, произошел довольно странный случай. Я поскользнулся на мраморных ступенях и едва не упал. Не рискуя свернуть себе шею накануне новой жизни, я задержался на ступенях, высккивая более безопасный путь, и вдруг заметил черную "Волгу", стоящую как раз напротив меня. Боковое стекло было опущено, и незнакомый пожилой мужчина целился в меня через проем объективом фотоаппарата. Я сначала подумал, что он снимает церковь, но

едва я отошел в сторону, как объектив тотчас повернулся ко мне. Неожиданно "Волга" тронулась с места и быстро смешалась с потоком машин.

Я брел по шумным оживленным улицам и думал о том, кому могла понадобиться моя фотография на фоне церкви. Ни одна, даже очень сомнительная версия, не пришла мне в голову, что несколько испортило мне настроение.

На следующий день с утра я вплотную занялся подготовкой к отъезду. Первым делом связался с риэлторской конторой и попросил прислать специалиста для оценки продажной стоимости моей квартиры. Затем ходил в авиакабину, где выяснил, в какие европейские страны упрощена система въезда, не требующая утомительных походов по посольствам. Я остановил свой выбор на Кипре и переписал расписание самолетов.

Потом долго слонялся по пустым комнатам, думая, как убить время, и тут ожил телефон. От предчувствия особой значимости момента у меня бешено заколотилось сердце. На ватных ногах я приблизился к мобильнику, лежащему на подоконнике и взял его, мысленно молясь: "Пусть свершится чудо!".

— Господин Савельев? — услышал я знакомый и уже ставший родным женский голос с акцентом. — Мы получили вашу работу. Хочу вас поздравить! Решением аттестационной комиссии вы приняты на должность ведущего инженера в Бюро научно-технических проблем авиации и космонавтики.

Слова застряли у меня в горле. Я силился что-то сказать, но только кряхтел, слово висел вниз головой и чесал между лопаток. Куда я принят? На какую должность?

Все происходило словно во сне. Мой мозг не был способен оценить глубину и масштабность предложения, пришедшего из далекой страны.

— Аллоу! Господин Савельев! Вы слышите меня?

Я откашлялся и с трудом произнес:

— Да...

— Мы готовим вам вызов. Затраты на перелет будут компенсированы. НАСА обеспечит вас достойными условиями для проживания...

— Скажите, — вымолвил я. — А деньги?

— Да, конечно! Я не сказала вам самого главного! — рассмеялась женщина. — Ваше ежемесячное жалование будет составлять двадцать тысяч долларов в месяц. Кроме того, НАСА выплачивает премиальные по итогам работы...

— Вы меня не поняли, — мягко перебил я. — Меня интересуют восемьсот тысяч, о которых вы как-то упомянули в письме.

— Конечно, конечно! — громко и возбужденно заверила женщина. — Этот пункт нашего контракта остается в силе. Восемьсот тысяч долларов вы получите через две недели после вступления в должность. Таков закон...

Я опустил на пол. Руки дрожали. Горло сдавила судорога. Я чувствовал, что из моих глаз вот-вот польются слезы.

— А-а-а... А разве никак нельзя получить эти деньги, не вступая в должность?

— Это невозможно, — с американской доброжелательностью продолжала женщина. — А что, собственно, вас беспокоит? Разве в России вам предлагают более выгодные условия работы?

— Нет, — неуверенно пробормотал я, — но дело в том, что я не планировал переезжать в Америку, а был уверен, что вы просто купите мою работу, и деньги переведете на какой-нибудь банк.

— Как вам сказать, чтобы вы правильно поняли меня, — ответила женщина. — Ваш труд сам по себе не представляет особой ценности. Но он характеризует вас как исследователя и ученого, определяет ваши мыслительные потенции. Нам не нужна эта работа без вас. Мы хотим купить ваш ум.

Это было мое Ватерлоо. Я потерпел чудовищное поражение. На пути к цели, до которой, казалось, уже можно было дотянуться рукой, вдруг выросла непреодолимая преграда. И никакая, даже самая гениальная афера не могла эту преграду разрушить. Потому что расчетливым и дальновидным американцам были нужны не бумажки с формулами, не разработки в соответствии с методом Сницаря. Им были нужны мозги, которые работали бы на благо США. Но переставить себе мозги Чемоданова я не мог ни за какие деньги.

У меня хватило сил только на то, чтобы прошептать в трубку:

— Я подумаю...

Глава девятнадцатая. Предложение

Не знаю, сколько времени я пролежал в позе кабана с охотничьего натюрмор-та. Сознание возвращалось ко мне в виде черных скользких пятен. Это были обрывки совершенно невыносимой информации, и чтобы как-то стряхнуть их с себя, я поднялся и стал ходить по комнатам. "Ужас! Ужас!" — бормотал я и хватался за голову, не желая верить в случившееся.

Я чувствовал, что выход есть. Меня наполняла воля к борьбе за свои кровные восемьсот тысяч. "Коль им нужны мозги исследователя с большой мыслительной потенцией, то пусть эти мозги и едут в Америку. Надо отправить в Вашингтон Чемоданова. Объяснить американцам, что моя настоящая фамилия — Чемоданов, а Савельев — это псевдоним. Но к чему это приведет? К тому, что Чемодан вступит в должность и заграбастает мои восемьсот тысяч. Ему веры нет".

Я остановился посреди комнаты. Где-то забрезжил свет. А это прекрасная идея — Чемоданову должность в НАСА, а мне деньги. Да он умрет от счастья, когда я предложу ему такой расклад. У меня потеплели конечности, и жизнь стала медленно возвращаться.

Хорошо. Допустим, он вместо меня полетит в США. Но как заставить его перевести на мое имя деньги? Когда он окажется за океаном, то сразу забудет все свои обещания. Значит, я должен ехать вместе с Чемодановым. Надо немедленно позвонить в НАСА и сказать, что Чемоданов с псевдонимом Савельев согласен вылететь только в сопровождении личного переводчика Савельева с псевдонимом Чемоданов. Согласятся прислать вызов на двоих, никуда не денутся. А там я живым с Чемодана не слезу.

Я стал торопливо набирать номер бюро. Женщина с акцентом ответила почти сразу.

— Я согласен! — выпалил я. — Но только со мной поедет мой личный переводчик.

— Прошу прощения, господин Савельев, но это невозможно.

— Что? — не сдержавшись, крикнул я. — Опять невозможно? Почему невозможно? Разве я не имею права...

— Вы имеете право взять с собой только жену и детей, — не терпящим возражений голосом ответила женщина.

— Жену? — опешил я, мысленно меняя диспозицию. В этом варианте мне явно не предусматривалось место. — Я подумаю...

Я то ли истерично хохотал, то ли ревел от безысходности. По квартире металось жуткое звериное эхо.

В ванной я пустил струю холодной воды и сунул под нее голову. Когда от холода у меня стали сворачиваться в трубочку уши, ко мне пришло озарение.

Одеваясь на ходу, я поскакал на одной ноге в прихожую. Забыл мобильник, вернулся, снова запрыгал тушканчиком к выходу. Вспомнил про деньги, опять вернулся. "Лишь бы она была дома! — мысленно повторял я. — Лишь бы была дома!"

У станции метро я купил огромный букет роз. Показалось мало, и я прихватил еще корзинку с гвоздиками. В продуктовом взял бутылку шампанского, английскую зажигалку для курительных трубок и ромовую шоколадку в виде маленькой скрипки.

Настя долго не открывала. Я стал бить ногами в дверь. Из соседней квартиры выглянула старушка и пригрозила милицией. Чтобы было удобнее, я встал к двери спиной. Когда Настя открыла, я чуть не рухнул на порог.

Она была сонной и куталась в халат. Я свалил цветы на комод и заключил Настю в объятия. Так мы стояли и молчали. Я думал о том, в какой последовательности буду подводить Настю к своей идее, а Настя тихо сопела мне в шею.

— У меня ноги замерзли, — наконец сказала она.

Я боялся, что разговор может уйти в сторону и погрязнуть в бытовых мелочах, поэтому, не отпуская ее, прошептал:

— Отец дома?

— Нет, в Академии.

— Я купил ему английскую зажигалку.

— Столько цветов, — произнесла Настя, подошла к комоду, напоминающему небольшую клумбу, выбрала один цветок и поднесла его к лицу. — Ну? — требовательно произнесла она, помогая мне преодолеть нерешительность. — Почему молчишь? Собираешься сделать мне предложение?

— Да, — ответил я, подошел к Насте и взял ее за плечи.

— Делай же! Делай! — поторопила Настя.

— Я прошу тебя выйти замуж... за Чемоданова.

Настя окаменела. Потом резко повернулась ко мне и посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— За кого?

— За Чемоданова... Ну, за Витьку, моего одноклассника.

— Подожди... Ты хочешь, чтобы я вышла за Чемоданова?

— Да... Я тебе сейчас все объясню...

— Что-то никак не пойму, а какая твоя роль? Собираешься быть шафером?

— Нет! Хотя могу быть и шафером. Но не в этом суть. Нужен фиктивный брак. На время. Всего на полмесяца.

— Фиктивный брак?

— Да! А потом ты разводишься и выходишь за меня.

— Тоже фиктивно?

Я схватился за голову. Настя смотрела на меня, как на психически больного.

— Настя! Выслушай меня внимательно! Деньги, которые лежали в шкатулке, взял я. Для очень важного дела. Не мог сразу рассказать тебе об этом, потому что боялся спазить.

— Подожди! — Настя оттолкнула меня и пошла на кухню. — Я приму валокордин.

Я скинул ботинки и пошел за ней. Настя трясла пузырек над стаканом и считала капли.

— Мне тоже, — попросил я.

Мы выпили. Я принял все объяснять заново — спокойно и последовательно.

— Я провернул грандиозную сделку и заработал большие деньги. Очень большие деньги! Но их может получить только Чемоданов, причем только в Америке.

Если отпустить его туда одного, он не вернется, и денег нам не видать. А если ты поедешь с ним, ему придется раскошелиться.

Настя по-прежнему ничего не понимала.

— Зачем выходить за него замуж?

— А как иначе? Кто тебе даст визу?

Мне пришлось рассказывать все начистоту: как Календулов поместил диссертацию на сайте Академии, как я получил письмо из НАСА с требованием дописать выводы, как продал машину и квартиру, а потом взял займы из шкатулки, чтобы расчитаться с Чемодановым, как американцы назначили меня на должность главного инженера.

— Невероятно! — шепотом произнесла Настя. — Какие огромные деньги!

— Да! Да! Огромные! И они будут наши, если ты сумеешь вытрясти их из Чемоданова! — скороговоркой произнес я, втайне ликуя, что Настя вовсе не обиделась на меня за то, что я без спросу взял ее деньги.

— Но Чемоданов согласится?

— Почему бы нет? Благодаря мне он получит работу, о которой даже мечтать не мог! Я из этого грязного алкаша человека сделал! Он должен до конца дней своих ноги мне целовать!

— И я должна выходить замуж за этого человека! — вслух подумала Настя. — Ты не станешь ревновать?

— Конечно, стану! — солгал я. — Но что поделать? Придется немного потерпеть. Зато потом мы с тобой такую свадьбу закатим! В "Метрополе" два дня гулять будем!

— В голове все не укладывается, — произнесла Настя. — Фиктивный брак, Америка...

— Давай-давай! — поторопил я.

— Что "давай-давай"?

— Одевайся и поехали к Чемоданову. Представляешь, он пить завязал, живет в гостинице и подыскивает себе квартиру!

— А ты в Америку позвонил, чтобы приглашение выслали? — спросила Настя, едва поспевая за мной.

— Нет. Вот когда брак заключим...

Настя схватила меня за плечо.

— Ты доиграешься, что там займут вакансию, и плакали наши денежки! Звони немедленно!

Пришлось подчиниться. Чтобы не мешал шум машин, я позвонил отсюда же, из подъезда, стоя рядом с мусоропроводом.

Глава двадцатая. Репетиция свадьбы

— Это Савельев! — громко говорил я в трубку. — Я принимаю ваши условия.

— Прекрасно! — ответила женщина с акцентом. — Высылаю на ваше имя приглашение. Через один-два дня оно поступит в отдел виз американского посольства в Москве.

— Со мной полетит моя жена!

— О'кей! У вашей жены фамилия Савельева?

— Савельев — это мой творческий псевдоним, — ответил я. У меня едва язык поворачивался произносить ненавистную фамилию. — Настоящая моя фамилия Чемоданов.

— Че-мо-та-ноф? — переспросила женщина.

— Да! Зовут Виктор.

— Ваша жена носит вашу фамилию? — спросила американка.

— Да, Чемоданова Анастасия.

Мы поймали такси и поехали в гостиницу "Спортивная", где в последнее время обитал мой гениальный одноклассник. На этажи нас не пустили, и пришлось вызывать Чемоданова в фойе.

Чемоданов сошел к нам в дорогом спортивном костюме и роскошных кроссовках. Я на мгновение залюбовался его прической, сделанной, по-видимому, хорошим мастером. Живует, негодяй, на мои деньги. Все ему задарма достается.

— Привет! — сказал Чемоданов, небрежно пожимая мне руку и демонстративно целуя Настю в щечку. — Какими судьбами? Опять нужны доработки?

Я усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Время доработок прошло, Витя. Пришло время снимать сливки. Мы к тебе с грандиозным проектом.

— Валяй! — равнодушно бросил Чемоданов, опускаясь в кресло.

— Женись на мне! — вдруг воткнулась в мой тщательно продуманный сценарий Настя.

— Что? — недоверчиво произнес Чемоданов, глядя то на Настю, то на меня. — Это что — розыгрыш?

— Нет, не розыгрыш, — произнес я.

— Тебе предлагают должность главного инженера...

Я едва успел закрыть Насте рот ладонью.

— Я могу устроить тебя, — медленно произнес я, глядя прямо в глаза Чемоданову, — в крупнейшую авиационную компанию США с окладом двадцать тысяч долларов.

Настя ахнула.

— В год? — не поверила она.

— В месяц. Плюс бесплатное жилье и гражданство.

Чемоданов заерзал в кресле.

— Что-то слишком щедро, — с сомнением произнес он.

— Фантастика! — воскликнула Настя.

"Еще чего доброго, — подумал я, — эта сучка останется с Чемодановым в Америке. Мне главное вырвать деньги, а потом она пусть делает все, что хочет!"

— Твоя голова заслуживает того. Я всегда относился к тебе с уважением, и мне было жалко тебя. Вот я и попросил одного своего хорошего знакомого, чтобы он подыскал тебе приличную должность. Впечатляет?

— Невероятно, как в сказке, — признался Чемоданов. — И что ты хочешь за услугу?

— Ничего, — ответил я, откидываясь на спинку кресла. — Почти ничего. На твое жалованье, твой дом в Америке, твои кабинеты и лаборатории я не претендую. Но тебе будет выплачена некоторая сумма в качестве подъемных. Не слишком большая, если судить по тем деньгам, которые ты будешь зарабатывать. Но и не слишком маленькая, чтобы я мог ею пренебречь.

— Допустим, я соглашусь, — осторожно произнес Чемоданов. — А при чем здесь она? — И он покосился на Настю.

— Ты только не подумай, что я тебе не доверяю. Просто у тебя могут возникнуть большие проблемы с переводом денег сюда. А Настя возьмет их и привезет в Москву.

— А зачем мне жениться на ней?

— Видишь ли, по-другому она не может попасть в Америку. Ей обязательно надо считаться твоей женой, чтобы получить визу.

Чемоданов снова покосился на Настю. Теперь он смотрел на нее оценивающе.
— А сколько денег дадут? — спросил он.

Я не хотел говорить это при Насте, потому что был уверен, что она была продажна ничуть не меньше меня, и ради такой суммы готова будет работать уборщицей в доме Чемоданова. Но что делать? Рано или поздно она все равно узнает о сумме.

— Восемьсот тысяч, — с трудом произнес я.

Чемоданов присвистнул. Настя покрылась пунцовыми пятнами.

— Витя, — мягко сказал я и опустил ладонь на его колено. — Чтобы, не дай Бог, у тебя не появился соблазн оставить эти деньги у себя, я хочу тебе напомнить о нашем договоре. Если эти деньги не попадут мне в руки, я сразу обращаюсь в суд. Ты не имеешь права получать за свою диссертацию гонорары. Правда на моей стороне, и у тебя начнутся неприятности. Американский суд ты не подкупишь, а скандал только повредит твоей карьере.

— Пугаешь? — усмехнулся Чемоданов.

— Предупреждаю, — поправил я.

Он нахмурился и задумался.

— Не нравится мне это все, — наконец изрек он.

— Что тебе не нравится, Витя? — Я почувствовал, что начинаю заводиться. — Что тебе может не нравиться после Рабочей улицы в Промышленном поселке? Ты, вообще, хорошо представляешь, что я тебе предлагаю?

— Но ты ведь не бескорыстно стараешься?

— Да, не бескорыстно. Я тебе сказал, что это дело выгодно нам обоим.

— Мне не нравится, что ты надумал с фиктивным браком, — сказал Чемоданов, покачивая ногой. — Хочу жену, хочу развод. Что я, собака? Это мероприятие серьезно, к нему надо подходить взвешенно.

— Да брось ты! — поморщился я. — Я ж тебе не настоящий брак предлагаю, а фиктивный. Штамп в паспорте — только и всего. Через две недели разведешься и женишься на какой-нибудь богатой американке. Давай, собирайся! Поедем в загс.

Чемоданов вздохнул и опять оценивающе посмотрел на Настю.

— Толкаешь ты меня, Савельев, на преступление. Я должен подумать... Значит, так, — вынес он вердикт. — Я к этому делу отношусь серьезно. А потому все должно быть по-людски.

— Как понимать "по-людски"? — уточнил я.

— А так, чтобы перед людьми не стыдно было. Свадьба — так свадьба! Я требую, чтобы ты организовал венчание в церкви и столик в приличном ресторане. Разумеется, подвенечное платье для невесты и золотые кольца. О машинах с лентами и куклами я не говорю, это и коню должно быть понятно... Правда, Настя?

И он фамильярно потрепал ее по щечке. Настя глупо хихикнула.

— Ты что, Витя? — опешил я. — Какие ленты? Какие куклы? Нам требуется только отметка в паспорте! А свадьбу ты сыграешь с американской негритянкой.

— Как хочешь! — решительно проговорил Чемоданов и поднялся с кресла. — Без ритуала я не согласен.

— Да пойми же ты! — закричал я. — Настя — моя невеста! Как она второй раз за месяц в церковь венчаться пойдет?

Насчет второго венчания я, конечно, лукавил, но надо же было найти веский довод!

— Это твои проблемы, — сухо ответил Чемоданов.

— Скажи ему что-нибудь! — крикнул я подошедшей Насте. — Не молчи, как Барби!

— А почему бы в самом деле не сходить в церковь? — промурлыкала Настя и потупила глазки. — Мне так интересно...

— Умная ты моя, — процедил я. — Когда привезешь восемьсот тысяч, я устрою тебе экскурсию по всем церквям России.

— Так как? — ультимативно спросил Чемоданов и потянулся к кнопке лифта.

— Бес с вами, — сдался я. — Венчайтесь.

— Все за твой счет, — добавил Чемоданов. — Включая авиабилеты.

— Родной ты мой! — произнес я. — Не слишком ли много ты хочешь?

— А не слишком ли много ты заработал на моем горбу? — отпарировал Чемоданов.

Мне нечем было крыть.

— Переоденься, — усталым голосом произнес я. — Мы ждем тебя на улице.

— Невесте розы! — крикнул мне вдогонку Чемоданов.

Глава двадцать первая. Выпадение осадка

Я валялся на скрипучей тахте в "хрущевке", крепко провонявшей средством от клопов и тараканов, время от времени отхлебывая из горла водку. Новый хозяин моей прежней квартиры привез на собственной "газели" коробки с моим барахлом, свалил их в коридоре, и они громоздились там, как баррикада. У меня не было ни сил, ни желания раскладывать вещи и наводить порядок. Новое жилище вызывало отвращение. Мне казалось, что я поселился в поселке Промышленном, на улице Рабочей, в квартире Чемоданова. Момент перехода к качественно новой жизни, который я так старательно растягивал и смаковал, слишком затянулся и "завис" в полной неподвижности. Время остановилось. Я сделал все, что мог, и теперь оставалось только ждать.

Меня мучила жажда, и пришлось встать. Не зажигая света, я побрел по темной квартире, задевая углы и с ужасом глядя на тени людей,двигающиеся по стенам. Я еще никогда не жил на первом этаже и не успел привыкнуть к тому, что теперь из своего окна придется смотреть на мир, словно из собачьей будки.

Я сделал несколько глотков ржавой, с болотным привкусом воды из-под крана и подошел к коробкам. Где-то должны быть туалетные принадлежности, но в какой коробке именно, я не мог знать. Новый хозяин, должно быть, сваливал мои вещи не церемонясь, словно мусор. За месяц теперь не разберешься, где что лежит. Но разбирать весь этот хлам я не собирался. Потому что в этом клоповнике намеревался жить не больше двух-трех недель — до тех пор, пока Настя не вернется с деньгами в Москву. А потом я либо перееду в особняк, либо удавлюсь в смещенном санузле на веревке от унитазаного бачка.

Не успел я дойти до тахты и упасть на нее, чтобы впасть в забытье до рассвета, как в дверь позвонили. Звонок остался от прежних хозяев "хрущевки", он напоминал лай простуженной собаки. В этом доме меня никто не знал, никто из моих знакомых не знал этого адреса, и потому я был уверен, что кто-то просто ошибся квартирой. Я подошел к двери, зажег в прихожей свет и открыл дверь.

На пороге стоял пожилой мужчина с худым морщинистым лицом, с аккуратно уложенными седыми волосами и щеточкой белых усов. На нем было длиннополое пальто, плотно закрывающее шею.

— Гражданин Савельев? — тихо спросил он.

— Не люблю таких визитов, когда не знаешь того, кто называет твою фамилию.

— А что? — недовольным голосом поинтересовался я.

Мужчина вынул из кармана красную "корочку", раскрыл ее и поднес к моему лицу. Я успел увидеть фотографию седого незнакомца в форме и надпись "Министерство внутренних дел РФ".

— Я могу зайти? — спросил он.

У меня в голове уже включился автоматический поиск. Инстинкт самосохранения начал искать в памяти поступок, который я бы совершил в нарушение закона, на страже которого стояла бы милиция.

Незнакомец вошел в прихожую, расстегнул пальто, но снимать его не стал.

— Недавно переехали? — спросил он.

Я кивнул и подумал: "Наверное, что-то с документами на квартиру не в порядке. Убью риэлтора!"

— Моя фамилия Лавров, — представился незнакомец. — У меня к вам очень серьезный разговор. Где мы можем сесть?

Я провел его в комнату и предложил тахту. Сам сел на коробку с обувью.

Лавров некоторое время пристально смотрел мне в глаза. Мне стало не по себе.

— По обвинению в разглашении сведений, содержащих военную и государственную тайну, нами задержан гражданин Календулов, — сказал Лавров, не сводя с меня своего пронзительного взгляда. — Вы знакомы с ним?

У меня некстати заурчал живот и вспотели ладони. Я кивнул, а потом пожал плечами. Лаврова такой ответ не устроил.

— Так да или нет?

— Я виделся с ним всего два раза, — ответил я.

— Советую быть со мной откровенным, — предупредил Лавров и, словно желая акцентировать мое внимание на каком-то скрытом смысле этих слов, качнул головой. — В диссертации, которую он поместил на сайте Академии, содержались секретные сведения.

Вот тут мне стало по-настоящему нехорошо. Хмель, тоска и все прежние обиды растаяли в одно мгновение. Я понял, что случилось нечто очень скверное, какая-то крупная неприятность, не имеющая ничего общего с прежними моими неудачами.

— Какие сведения? — осипшим голосом переспросил я.

— Секретные, — повторил Лавров. — Касающиеся технологии новейших отечественных истребителей.

Я произвел какой-то малопонятный жест и даже попытался усмехнуться, но губы онемели, словно от новокаина.

— Календулов утверждает, — медленно продолжал Лавров, — что вы заставили его поместить диссертацию в Интернете. Это правда?

— Я? Я его заставил?

— Но ведь вы автор диссертации?

Я чуть не назвал фамилию Чемоданова, но вовремя прикусил язык. Если я его выдам, его арестуют этой же ночью, и ни в какую Америку он уже никогда не полетит.

— Так кто автор диссертации? — допытывался Лавров.

— Я ее... — пробормотал я, не зная, как убедительнее солгать. — Понимаете, я только выдавал себя за автора. Я вообще в физике дуб дубом. Мне просто кандидатскую защитить надо было...

— Я спрашиваю, где вы взяли эту диссертацию? — перебил Лавров.

— Я ее... нашел, — с трудом произнес я. От такой нелепой лжи у меня даже в глазах потемнело.

— Где? — скривив рот от недоверия, произнес Лавров.

— В поселке Промышленном, — выпалил я, и дальше вранье пошло, как по маслу. — Я искал там квартиру своего давнего друга — мы в армии вместе служили, — но поселок давно вымер, там никто уже не живет, почти все квартиры пустые. Я зашел в одну, а там буржуйка на кухне. Решил погреться, начал искать, чем бы почитать. И нашел под диваном целую стопку бумаг с машинописным текстом. Сжег пару страниц и зачитался. Вижу — диссертация. Думаю, а почему бы мне задарма кандидатом наук не стать. И отнес ее Календулову...

Пока я сочинял, Лавров встал и принялся ходить по квартире. Сначала он внимательно осмотрел потолок, будто искал на нем подслушивающую аппаратуру, потом занялся изучением подоконника и, наконец, стал рассматривать коробки.

— Это ваши вещи? — спросил он.

— Мои! — честно признался я.

Лавров поднял голову и взглянул на меня. От его взгляда у меня стали слезиться глаза. Готов был поспорить, что в это время он подумал: "Вот ты и попался, голубчик!"

— Прекрасно, — произнес Лавров. — Тогда, если вас не затруднит, распакуйте компьютер и установите его.

Слабыми руками я стал вытаскивать монитор. "Может, не найдет? — думал я без всякой надежды. — Или попытаться уничтожить файлы до того, как он их прочтет?"

Я опустил монитор на пол, запутался в кабеле и чуть не упал. Когда я начал извлекать из коробки системный блок, Лавров подошел ко мне и спросил:

— Вы ничего не хотите мне сказать?

Он давал мне шанс во всем чистосердечно признаться. Я сделал вид, что не понял его вопроса. "Это старый, заплесневелый чекист, — думал я. — Он разбирается в компьютерах, как я в физике. Успею запустить программу форматирования "винта" — и все файлы сотрутся подчистую... Пусть потом ковыряется до посинения".

— Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, — произнес я, нажимая кнопку загрузки компьютера. Монитор я решил включить в последний момент, чтобы потом сразу ввести команду на форматирование "винта".

Лавров, казалось, не обращал внимания на мою возню с кабелями. Он ходил по комнате и покачивал головой, словно мысленно спорил с самим собой. Я уже опустил пальцы на клавиатуру, но тут вдруг Лавров по-доброму произнес:

— Не усугубляйте свое положение. Отойдите от компьютера. Я же все равно понял, что вы собираетесь сделать.

Я не послушался. Потупив взгляд, медленно тянулся рукой к кнопке монитора. Пусть знает, но улика будет уничтожена! Даже если он сейчас кинется на меня, я все равно успею ввести команду.

Лавров усмехнулся.

— Какой же вы, однако, настойчивый! — сказал он. — Наверное, не стоило вас утруждать, потому как необходимое доказательство у меня уже есть. Да оставьте вы в покое ваш компьютер! Не буду я его трогать. Взгляните на меня!

"Это уловка!" — подумал я, но голову все-таки повернул.

Лавров вынул из кармана пальто мятый почтовый конверт, вытащил из него письмо, развернул и зачитал вслух:

— "А еще хочу похвастать перед тобой, милая Настя, что завершаю работу над диссертацией. Тема ее тебе мало что скажет: "Течение с образованием волн разрежения при обтекании угла сверхзвуковым потоком". Но для меня это значит очень многое..." Ну, и так далее. Датировано письмо двадцать седьмым августа прошлого года.

— Значит, Настя продала меня окончательно, — подумал я, тупо глядя на жилистую руку Лаврова, в которой он держал письмо. — Ее арестовали? Или она донесла на меня добровольно? А какое это имеет теперь значение!"

Я сел на пол и обхватил голову руками.

— Ну, ладно, ладно! Не умирай! — заботливым голосом произнес Лавров и потрепал меня по затылку. — Комиссия по определению степени секретности только приступила к работе. Собирайся, поедем.

— Куда? — безвольными губами шепнул я.

— Как куда? — радостно сказал Лавров. — В отделение.

Мы вышли в ночь. Лавров подошел к серой, забрызганной грязью машине, открыл ключом дверь и кивнул мне на переднее сиденье.

— Садись.

Мы поехали. Не знаю, куда он меня вез — улицы были темными.

— Не умирай, — повторил он. — В комиссии не боги сидят. Обыкновенные пенсионеры, которые когда-то давно имели отношение к науке. Поковыряются они в твоей диссертации, напишут расплывчатое резюме, где что-то среднее между "да" и "нет". Потом придут ко мне и спросят: "Петрович, так какой вывод писать?" А все зависит от того, найдет ли следствие в твоём поступке преступный умысел.

Я так резко вскинул голову, что ударился темечком о потолок кабины. Если я не ослышался, Лавров совершенно открытым текстом говорил мне: "Как ты со мной договоришься, так и будет". "Невероятно! — подумал я. — Все продается!"

— А что надо сделать, чтобы вы... чтобы сказали... — мучился я, не зная, как точнее сформулировать вопрос.

— Что секретных сведений в диссертации нет? — пришел на помощь Лавров, но тут же переключил внимание на управление машиной: — Вот же приткая какая! Так и норовит под колеса сигануть!

Он круто вырулил руль и включил магнитола. У меня появилась надежда, что мне много не дадут. Я так глубоко погрузился в раздумья о своей судьбе, что не заметил, как мы приехали.

Лавров провел меня мимо дежурного с автоматом, который приветственно вскинул руку, подошел к тяжелой двери, обитой металлом, и позвонил. Лязгнул замок. Мы зашли в холл, где за толстым стеклом сидел дежурный по отделению.

— Добрый вечер, Константин Петрович! — поздоровался он.

Темная лестница, ведущая на второй этаж. Снова коридор, в котором гулким эхом отзывались наши шаги. Множество пронумерованных дверей. Лавров открыл ключом одну из них и жестом пригласил зайти. Это был прокурорский кабинет со старой ведомственной мебелью. Лавров предложил мне сесть, а сам принялся заваривать чай. Молчание становилось невыносимым, но я понял, что все мысли Лаврова заняты размером взятки, которую он намеревался с меня востребовать. Я приготовился отдать за свободу все, что у меня еще осталось.

Наконец Лавров поставил передо мной чашку, налил в нее чай, сел напротив и закурил. Он курил и смотрел на меня, а я, обжигаясь, пил крепкий, как цифирь, чай, и думал о том, что если попаду на нары, Настя не станет меня ждать и вернется к Чемоданову.

— Ну что с тобой делать, Савельев? — спросил Лавров.

— Я могу заплатить, — с трудом произнес я, исподлобья глядя на Лаврова.

Он вдруг рассмеялся, затушил сигарету и отставил пепельницу в сторону.

— Ты по-прежнему думаешь, что все можно купить?

Меня поразил его вопрос, в котором таилась скрытая осведомленность.

— Не все, но... — пробормотал я, пытаюсь смягчить прямолинейность своего предложения.

— Далеко не все, — перебил Лавров и лицо его стало жестоким. — Меня, например, невозможно.

У меня все оборвалось внутри. "Вот это вляпался!"

Лавров достал из ящика стола лист бумаги с отпечатанным на нем мелким текстом и протянул мне.

— Это подписка о невыезде, — сказал он. — Иди домой, закройся и сиди тихо, как мышь. Когда будет надо, я тебя вызову.

Я готовился к следственному изолятору, обыску, допросу, протоколам, а тут вдруг — иди домой! Боясь, что Лавров вдруг передумает, я торопливо подписал бумагу и встал из-за стола.

— Иди, иди! — махнул он на меня рукой.

Глава двадцать вторая. Всюду жизнь

Я вернулся в свою вонючую "хрущевку", как во сне. Скинул с себя куртку, ботинки и забрался на тахту под одеяло. Буду спать до тех пор, пока не вызовут на допрос. Закрою глаза, и весь этот продажный мир исчезнет. Останутся только яркие и счастливые сны. И не нужны мне ни Настя, ни доллары, ни особняк. Счастые в том, чтобы ни от кого не зависеть и ничего не хотеть.

Не знаю, сколько я проспал. Но когда открыл глаза, за окнами по-прежнему было темно. Наверное, такое свойство у этой квартиры: сюда никогда не проникает солнце. Я лежал, глядя на потолок, и прислушивался к шороху в прихожей. Кто-то ковырялся в замке. "Опять милиция? — почти равнодушно подумал я. — А почему не звонят?"

Дверь тихо скрипнула. Щелкнул выключатель. По полу загромыхали тяжелые ботинки. "Да тут, наверное, целое отделение!"

— Я не понял, Витек, а что это за коробки? — раздался чей-то голос.

— А хрен ее знает, — отозвался второй. — Может, моя стерва уже вещи упаквала?

Я резко вскочил с тахты и, щурясь, посмотрел на освещенный лампочкой дверной проем. В прихожей стояли трое небритых мужчин в спортивных шапках, надвинутых на глаза. Они тоже с удивлением уставились на меня.

— Оба! — сказал один из них — коренастый, с массивным сизым носом и серым от щетины лицом. — А это еще что за дятел? Эй, мужик! Ты что тут делаешь?

— Живу, — ответил я.

Небритые физиономии вытянулись от удивления.

— Я не понял, Витек. Это что? Хахаль твоей бабы, что ли?

— Сейчас разберемся, — хмыкнул Витек и зашел в комнату.

Трое незнакомцев, пахнущие водкой и табаком, обступили меня.

— Ребята, если вы пришли грабить, то я могу предложить вам только компьютер.

— Наглеет, — заметил самый рослый с тугим пакетом в руке. — Отмочалим его и в окно выкинем?

— Погодь, — остановил его Витек. — Разобраться надо, как он сюда попал.

— Ты, падла! — вдруг громко и истерично выкрикнул худой. — Ты как сюда попал?

— Я купил эту квартиру, — тихо произнес я и попытался улыбнуться. — Сейчас покажу документы...

— Купил? — переспросил Витек и скривил лицо. — Как ты мог ее купить, еси квартира моя? Я здесь прописан, понял! Я только вчера из зоны вернулся. Хватай манатки и вали отсюда, пока мы тебе кишки не выпустили.

— Это какое-то недоразумение, — пробормотал я, надевая ботинки.

— Я тебе щас устрою недоразумение! — завопил худой.

— Это моя стерва хату продала, — прошептал Витек. — Замочу суку...

Я не знал, что мне теперь делать, как выгнать этих уголовников из своей квартиры. Спорить с ними не имело никакого смысла. Я накинул на плечи куртку и покорно вышел из квартиры.

— Еще раз тут появишься — тебе кранты, — предупредил Витек. — Эта хата была моей, моей и останется. Понял?

На улице было ветрено. Шел мокрый снег с дождем. Я забыл дома часы и потерял ориентировку во времени и пространстве. Где я? Сейчас утро или вечер? Какое число? Подняв воротник, я брел по незнакомым темным дворам, покрытым грязными сугробами, проваливаясь по щиколотку в жидкую грязь. Я не выбирал дороги, шел прямо, в надежде, что рано или поздно выйду к какой-нибудь станции метро.

Когда, наконец, вышел на широкую улицу, ярко освещенную фонарями, у меня зуб на зуб не попадал от холода. Мокрый, в грязных ботинках, я спустился в подземный переход и только там обнаружил, что оставил дома не только часы, но и бумажник с деньгами. Я обыскал все карманы, но не нашел даже нескольких рублей на метро, чтобы доехать до дома Насти.

— Скажите, который час? — обратился я к проходящему мимо мужчине.

— Без четверти восемь, — ответил он.

— Утра или вечера? — уточнил я.

Мужчина как-то странно взглянул на меня и, не ответив, ушел.

Чтобы согреться, я встал у вентиляционного люка, из которого шел теплый воздух. Рядом, на полу, спал волосато-бородатый бомж и несколько рыжих разнокалиберных собак, но это меня ничуть не смущало. Живительное тепло обволакивало меня со всех сторон, и я испытывал чувство близкое к счастью. Я вынул мобильный и проверил остаток денег на его счету. Осталось три доллара — на несколько минут разговора.

Я набрал номер Насти и долго слушал длинные гудки. "Или еще не пришла с занятий, — решил я, — или еще не проснулась".

В любом случае, мне надо было ехать к ней. Я подошел к дежурной, стоящей на страже турникета, и, обаятельно улыбнувшись, спросил:

— Вы не могли бы пропустить меня бесплатно? У меня украли кошелек...

— Иди отсюда! — вдруг с необычайной ненавистью крикнула дежурная и сунула в рот свисток. — Сейчас милицию позову!

После подписки о невыезде мне еще только милиции не хватало! Я поднялся наверх, перешел через дорогу и попытался зайти в метро через другой вестибюль. Вторая дежурная оказалась еще более решительной, чем первая. Едва я заикнулся про бесплатный проезд, как она схватила меня за грудки и с силой тряхнула.

Все ясно. Оставался единственный доступный для любого человека способ: набрать необходимую сумму методом попрошайничества.

Мне было ужасно трудно переступить через себя. Некоторое время я ходил у ларьков, приглядывался к покупателям и пытался определить, у кого из них самое доброе сердце.

— Вы не могли бы одолжить мне один рубль, — тихо проговорил я, приблизившись к даме в шубке, которая покупала цветы.

Дама сделала вид, что не слышит меня.

— Мне не хватает одного рубля на проезд, — обратился я к парню в пальто, с наслаждением пившим из бутылки пиво.

— Работать иди! — громко ответил парень, оторвав губы от горлышка.

— Со мной случилась беда, — объяснил я бабушке, покупавшей хлеб.

— Ни стыда, ни совести, — покачала головой бабушка, глядя на меня под слеповатыми глазами. — У меня пенсия триста рублей...

Разве думаешь про стыд, когда карманы пусты! "Надо позвонить папаше в Академию, — подумал я. — Он меня, как мужик мужика, поймет. Отвезет домой, накормит. А там мы вместе с ним покумекаем, что дальше делать. Все-таки, я не чужой ему человек, а почти зять".

Вахтерша, ответившая мне, поразила меня своим ответом:

— Аристарх Софронович уволился и у нас больше не работает.

Я хотел еще что-то спросить, но связь прервалась. Уволился! Что это может значить?

Я "прилип" к спине мужчины, проходящего через турникет, и прошел на станцию метро. Через час я был уже в подъезде Настиного дома. "Упаду ей в ноги. У нее доброе сердце, она поймет и простит".

Удар следовал за ударом. Я сначала подумал, что ошибся этажом. Деревянная дверь профессорской квартиры бесследно исчезла, а вместо нее стояла бронированная, оббитая черным ледерином.

Я позвонил. Дверь открылась, на меня выплыло облако известковой пыли, а вслед за ним — белое лицо незнакомого мужчины.

— Чего тебе? — спросил он.

— А... Это тридцать седьмая?

— Да!

— А где Настя?

— Нет тут никакой Насти. Ремонт! — ответил мужик и захлопнул дверь.

Я вышел на улицу, посмотрел по сторонам, чтобы лишний раз убедиться, что не перепутал дом или подъезд. И тут мне стало нехорошо. Я сел на лавку. Кружилась голова. Я сидел истуканом до тех пор, пока у меня не замерзли ноги. Тяжело и медленно светало. Я брел по улицам, куда глаза глядят, без мыслей и чувств, как зомби. Меня толкали прохожие, обливали талой водой машины. В душе я еще оставался миллионером, но у меня не было мелочи, чтобы купить хлеба.

Я ходил по Москве весь день. Отчаяние сменилось тупым равнодушием. Я с трудом верил в то, что жизнь моя внезапно пошла ко дну, и не было сил, чтобы удержаться на поверхности. Когда стемнело, я подошел к своей "хрущевке". Теперь она казалась мне царскими хоромами, потому что в ней было тепло, светло и сухо. Я обошел дом со стороны палисадника и, взобравшись на дерево, посмотрел в светящееся кухонное окно. За столом, заставленным водочными и пивными бутылками, сидело по крайней мере шесть или семь мужиков, по виду которых легко можно было определить основное место их обитания. Я слышал громкий разговор, крики, ругань. Меня там явно не ждали.

Пришлось идти к метро — там, во всяком случае, можно было согреть ноги.

Но с теплой вентиляционной решетки меня вскоре прогнал милиционер. Словно бездомная собака, я поплелся в поисках источника тепла. Где-то на пустыре, между гор мусора, полыхал костер. Я сел на кучу картонных коробок, сунул нос в воротник и пожелал себе заснуть и не проснуться. Но меня вернул к жизни какой-то черный от грязи и копоты мужик. Он стукнул меня в плечо и

протянул бутылку с вонючим пойлом. Я выпил. В животе загорелась лампочка, в мозгах просветлело. Я огляделся по сторонам и увидел, что вокруг костра сидят, по крайней мере, два десятка человек. По рукам ходили бутылки и буханка хлеба. Я отщипнул черствую корку, сунул ее в рот и стал медленно жевать.

Всюду жизнь.

И вдруг в этом странном мире, где, стреляя искрами, горели деревянные ящики, и люди окружили костер, словно тени, раздалась мелодичная трель. Тени вскинули головы. Я тоже посмотрел по сторонам, но вдруг вспомнил, что у меня в кармане по-прежнему лежит мобильный телефон — вещь совершенно несовместимая с обществом, которое приняло меня.

Я вытащил трубку, с ужасом глядя на маленький предмет в тонком кожаном чехле.

— Слушаю.

Все обитатели мусорной свалки не с меньшим страхом смотрели на меня.

— Что ж ты не держишь своего слова? — услышал я тихий голос "друга". — Обещал через пять дней встретиться в Шереметьево! Я даже на платное объявление не поспешил. Хожу по залам, жду тебя.

— Что? — хриплым голосом крикнул я. — Это ты? Ты?

Я задышался от гнева. Я не мог выразить всю свою ненависть к этому человеку, настолько она была велика. Это он во всем виноват! Из-за него жизнь моя дала трещину! Из-за него я сейчас мерзну на мусорной свалке! Негодяй! Я убью его!

— Мы же договорились, — весело говорил "друг", — что встретимся. Так подъезжай, поговорим!

— Если я подъеду, — произнес я, — то тебе будет плохо.

— Мы еще посмотрим, кому из нас будет плохо, — нагло заявил он.

— Ты где? — сквозь зубы процедил я.

— В здании аэропорта. На втором этаже. Там, где экспресс-кафе.

— Я приеду, — пробормотал я и отключил телефон.

Тени перестали жевать, пить и курить. Они молча смотрели на меня.

— Мое место не занимать! — сказал я, кивая на смятые коробки. — Я еще вернусь!

— Водки! Водки привези! — раздалось со всех сторон сиплые, простуженные голоса.

До аэропорта я добирался очень долго. Билетерши выкидывали меня из автобуса из-за отсутствия денег, но я дожидался следующего, проезжал на нем одну остановку, и меня снова выкидывали. "Друг" звонил через каждые полчаса, спрашивал, как идет мое продвижение. Я, сжав зубы, отвечал, что мы обязательно встретимся.

Наконец контролеры выкинули меня из автобуса в аэропорту Шереметьево. Я чувствовал, как меня начинает охватывать волнение, словно мне предстоял боксерский поединок на ринге. "Это же тщедушный, злобный старичок, — думал я. — Почему же меня всего трясет? Неужели я его боюсь?"

— Ты уже в аэропорту? — спросил "друг" по телефону. — Поднимайся по эскалатору на второй этаж. Не отключай трубку...

Я протискивался сквозь кордоны встречающих с цветами и поток пассажиров с чемоданами. Я должен был сейчас находиться среди этих людей в роли пассажира. В дорогом костюме и с дипломатом в руке. У меня в кармане должны были лежать билет "бизнес-класса" в какую-нибудь красивую европейскую страну и чистая, как совесть, таможенная декларация. От меня должно было

пахнуть дорогим французским одеколоном, а сто грамм "мартеля" приятно согрели бы душу и легко кружили голову. И впереди меня ждал бы недолгий перелет, банк с моим счетом, роскошная гостиница и услужливые портье. Это обязательно должно было наступить! Мне выпала счастливая карта, и я сделал все, чтобы завершить партию в свою пользу. Я, умный, удачливый, вроде бы, все рассчитал и продумал.

Но что случилось? Почему вместо пятизвездочного отеля в Париже, Копенгагене или в Лондоне меня ждет мусорная свалка на задворках Москвы?

Я встал на ленту эскалатора. По залам эхом разносились слова диктора, объявляющего посадку на очередной рейс. Моя душа корчилась от боли. Какая несправедливость! Почему кто-то улетает, а я нет? Почему этот мелкий лысый старик смеет издеваться надо мной? Кто ему дал на это право? Кто он такой?

— Ты уже дошел до "экспресс-кафе"? — спросил "друг". — Теперь иди дальше вдоль щита с расписанием, прямо на стойки таможенного контроля...

Мое сердце колотилось, как церковный колокол. Я чувствовал, что злость уступает место страху и неуверенности. Я шел все медленнее, исподлобья глядя по сторонам, стараясь заметить лысого академика раньше, чем он увидит меня. Кажется, я оставлял себе шанс резко развернуться и уйти, так и не встретившись с ним.

— Ага! — воскликнул "друг". — Я уже вижу тебя! Теперь возьми чуть левее — к столу, где пассажиры заполняют декларации...

Отступать было поздно. Надо было сжать зубы, стиснуть кулаки, решительно подойти к нему и с ходу ударить его в лицо. На крайний случай дать пощечину. Но я обязан был что-то сделать. Святое дело рассчитаться с человеком, танцующим на моем несчастье.

— Иди прямо...

Я медленно брел к столу, глядя себе под ноги. Главное, не сломаться, не струсить. Не сломаться, не струсить...

Я скинул голову и прямо перед собой увидел Аристарха Софроновича, Настю и Чемоданова.

Глава двадцать третья. Все сначала?

— Здравствуйте, молодой человек, — первым поздоровался профессор, пряча в карман пальто трубку мобильного. — Хорошо, что рейс на час отложили, иначе мы бы уже не встретились.

Я остановился перед троицей, как вкопанный. Удар был настолько сильный, что я сразу понял: я уже и сломался, и струсил, и нет сил защититься от новых ударов.

— Привет, — сказала Настя, легко и просто улыбаясь. — Познакомься, это мой муж Виктор. — Она кивнула на Чемоданова.

Они вызвали меня, чтобы всласть поиздеваться надо мной! Собрались лететь в Америку! Чтобы присвоить себе мои деньги. Пусть летят! Земля дрогнет от моего гнева. Я добыюсь справедливости. Договор лежит у моего сердца.

— Мы ждали тебя, чтобы ты принял участие в торжественном акте нашего бракосочетания, — промяукала Настя и прикрыла плутоватые глаза. — Но ты куда-то исчез.

Я посмотрел на профессора, на его благородное, умудренное жизнью лицо.

— Ладно, — произнес я, — Настя молодая и глупая. Но вы, Аристарх Софронич... Неужели вам не страшно за то, что вы сделали со мной? Совестью прищипывались. А сами? Лгали мне столько времени.

— Вы заметили, как вы изменились? — спросил профессор, натягивая на руки тонкие кожаные перчатки. — Мне приятно отметить, что в вашем словарном запасе появилось слово "совесть". Вы уже не столь самоуверенны? Не считаете, что крепко стоите на ногах, что держите Бога за бороду?

— Значит, вас задела моя самоуверенность? — спросил я. — Вы хотели мне доказать, что если у меня нет ученой степени, то я ничтожество?

— Нет! — возразил профессор и махнул рукой в перчатке. — Что вы! Зачем? Жизнь рано или поздно все расставит по своим местам. Я всего лишь хотел проверить, насколько искренни и честны ваши намерения относительно Насти. Вы как-то сказали мне, что любите ее. Я позволил себе усомниться в ваших словах и предложил дочери провести маленький тест.

— Что? — не понял я. — Тест?

— Да, — кивнул профессор. — Тест. Элементарная и надежная система проверки внутреннего мира человека, которая с успехом практикуется во всем мире. Я решил проверить, кого вы больше любите — Настю или себя, богатого и преуспевающего; на чем вы остановитесь, если у вас будет выбор, — на Насте или на деньгах.

Я посмотрел на Настю, потом перевел взгляд на самодовольную физиономию Чемоданова.

— А-а-а! — дошло до меня. — Сговор! Вы все сговорились! Вы все давно знакомы.

— Да, — кивнула Настя. — Мы знакомы с Витей уже несколько лет. Все эти годы он трепетно добивался моей руки. — И она заботливо поправила галстук на шее Чемоданова. — Как-то мы проходили мимо твоей фирмы и увидели тебя. Витя сказал: "Это мой одноклассник Савельев". Я смотрела, как ты садился в свою машину. Ты меня очень впечатлил. Я увлеклась тобой. А Витя тихо ревновал.

— Значит, ты делала вид, что вы не знакомы? Спокойно смотрела на то, как я продаю машину, квартиру, чтобы заплатить ему деньги? — все более громко говорил я. — Кого вы проверили? Да вы же сами себя проверили и сделали свой выбор в пользу денег! Если бы не я, диссертация до сих пор бы лежала у Чемоданова под диваном! Я вывел ее в свет, продал американцам. А вы просто предали меня, воспользовались ситуацией и погнались за деньгами!

Профессор, Настя и Чемоданов молча переглянулись.

— Не горячитесь, молодой человек, — сухо произнес профессор. — Все не совсем так, как вы себе представляете.

— Не так? — вспыхнул я. — А куда вы намылились, если не за моими деньгами.

— Нет, не за вашими, — ответил профессор с достоинством. — Мне дают кафедру в частном университете Вашингтона. Контракт на пять лет, если вам угодно знать.

— Надо же, какое совпадение! — иронично крикнул я и хлопнул в ладоши. — Америка просто рассыпает престижными вакансиями! Стоило мне пробить должность в НАСА, как в том же городе профессору предлагают кафедру... Вы все лжете! — громче добавил я. — Лжете! Вы мошенники, вы летите, чтобы прибрать к рукам все то, что я заработал!

— Успокойтесь! — попросил профессор.

На нас поглядывали пассажиры. Но я разошелся уже не на шутку.

— Не выйдет! — кричал я, потрясая кулаком. — Ничего у вас не выйдет! Думаете, что смешали меня с грязью, удовлетворились своей победой, и вам все сойдет с рук? Дудки!

Я на всякий случай отошел на шаг, расстегнул куртку и вынул из нагрудного кармана договор.

— Вот! — крикнул я, размахивая договором, как флагом. — Вот! По этому договору Чемоданов не имеет права использовать диссертацию в коммерческих целях. Ни одного предложения, ни одного слова из диссертации он не имеет права продать. Я затаскаю вас по судам! Вы будете сидеть в американской тюрьме! Я добьюсь справедливости!

Профессор, Настя и Чемоданов терпеливо ждали, когда я выдохнусь. Наконец я замолчал, спрятав договор под платок и вытер со лба пот.

— Молодой человек! Никто не пытается оспаривать ваши права на диссертацию. Но на всякий случай хочу поставить вас в известность, что труд, который вы называете диссертацией, таковой вовсе не является. И Витя Чемоданов не имеет к ней никакого отношения.

— Как не является? — произнес я, переводя взгляд с профессора на Чемоданова. — Как не является? Что вы меня разыгрываете!

— Мы действительно вас разыграли, — подтвердил профессор, снял очки и принялся протирать стекла платком. — Я же вам сказал: мы вас тестировали. Грубо говоря, проверяли степень вашей алчности. Толстая рукопись, которую вы приняли за диссертацию, была обыкновенной лекцией, банальной перепечаткой из учебника по аэродинамике.

— Но как же? — опешил я, не желая верить словам профессора. — А как же звонок из Франции? Письмо из США? Не надо меня держать за дурака!

— Звонок из Франции был произведен из моей квартиры, — пояснил профессор. — Я был уверен, что первый сигнал вы не станете тщательно проверять. А вот что касается письма из США — то здесь все честно.

— Ну, вот, — с облегчением произнес я. — А вы говорите...

— Честно то, — перебил меня профессор, — что оно действительно пришло из США. Но не из НАСА!

— Да я же сам туда звонил! — слабым голосом произнес я.

— Вы звонили в скромную вашингтонскую квартиру, где проживают родители Вити Чемоданова, — ответил профессор. — И его мама, Галина Павловна, успешно разыграла вас. Вам очень хотелось верить в огромные деньги из НАСА, и вы поверили.

— Нет, — прошептал я. У меня потемнело в глазах. — Нет, это ложь. Вы... вы нарочно так говорите, чтобы заграбастать мои деньги!

— Никаких восьмисот тысяч и должности главного инженера не существует, — подтвердил Чемоданов. — Это все блеф.

— А куда же ты намылился лететь, если не в НАСА!

— К маме и папе, — спокойно ответил Чемоданов. — Знакомить их с моей женой. — И он с любовью обнял Настю за плечо.

Мне казалось, что я сейчас упаду в обморок. Я все еще отрицательно крутил головой, безумными глазами глядя на троих мошенников.

— Я вас искренне любил, молодой человек, — сказал профессор, поднимая с пола чемодан. — Я много раз звонил вам, представляясь вашим другом, уповал на вашу совесть и порядочность. В общем, давал вам шанс избавиться от греха, сказать Насте о деньгах, разделить с ней свою радость. Но вы скрыли от нее свои дела с Америкой. Значит, ваши намерения были не чисты. Признайтесь, что я говорю правду.

Я схватился за голову и тихо завыл.

— Кругом ложь, — бормотал я. — Кругом ложь...

Вдруг я вспомнил про Календулова.

— Стоп! — сказал я. — Но мой научный руководитель мне лично сказал, что диссертация замечательная! Он что — идиот, не способный отличить лекцию от диссертации?

— Он не идиот, — возразил профессор. — Он начальник склада технических средств обучения. Он сделал и сказал вам то, о чем я его попросил.

— А Лавров из милиции? Секретные сведения?

— А вот Лавров из милиции настоящий, — кивнул профессор. — Правда, он давно уволен из органов и работает в наградном отделе. Он мой давний друг и тоже сыграл небольшую роль в нашем милом спектакле.

— Пора на регистрацию, — перебил его Чемоданов.

— Вы преступники! — хрипел я. — По вам тюрьма плачет!

— Почему преступники? — удивилась Настя. — Никто тебя не заставлял покупать у Чемоданова старую лекцию. Мы же не виноваты, что ты такой глупый, что не смог отличить лекцию от диссертации.

— Я глупый? — пробормотал я. — Разве я глупый?

— Очень, — с сочувствием ответил профессор и первым устремился к стойке таможенного контроля.

Я ухватился за край стола, иначе упал бы. Настя на мгновение задержалась возле меня.

— Прощай, — сказала она и поцеловала меня в щеку. — Я не буду думать о тебе плохо. С тобой в моей жизни связано самое светлое.

— Издеваешься?

Настя отрицательно покачала головой.

— Я говорю правду. Ведь благодаря тебе мы с Чемодановым смогли обрести друг друга и организовать такую замечательную свадьбу.

Не помню, как я вышел из аэропорта. Не помню холодной промозглой ночи, ветра и мокрого снега в лицо. Я пришел в себя и стал соображать лишь тогда, когда меня кто-то схватил за руку.

Я обернулся и увидел Зою. Она плакала.

— Мне тебя жалко, — произнесла она и повязала мне на шею свой шарф, пахнувший чем-то солнечным и радостным.

— Откуда ты здесь? — равнодушно спросил я.

— Я следила за ними...

— Они мошенники.

— Я знаю.

Она обняла меня и повела на остановку автобуса.

— Директор простил тебя, — всхлипывая, говорила она, — и восстановил на работе. Обещал помочь с квартирой. С завтрашнего дня выходи... Серёженька, миленький, давай начнем все сначала? У нас с тобой все будет хорошо. Вот увидишь. Сначала поживем у меня — хоть в тесноте, зато в согласии. А потом купим отдельную квартиру, мебель, родим ребеночка...

Она еще что-то нежно ворковала мне на ухо, а я все быстрее и быстрее шел вперед, чувствуя, что на меня обрушилось новое, волшебное чувство. Мне казалось, что я стал легким, как снежинка, и взлетаю над землей, и ветер играет мною, а я лечу, кувыркаюсь, и все тяжелое, черное, что вынуждало меня ползать, осталось где-то внизу, среди грязных талых сугробов.

Глава первая. Сюрприз с десертом

Валерия проверила, на месте ли ключи от машины, мобильный телефон и всякие женские мелочи. Собранная сумка уже стояла под вешалкой в прихожей: сегодня ночным поездом предстояло ехать в командировку в Санкт-Петербург. До этого нужно было переделать массу дел, так что лучше пусть все будет готово уже сейчас. Машину она оставит на платной стоянке недалеко от вокзала. А может быть, еще успеет заехать домой, тогда на вокзал ее отвезет муж, и не будет вообще никаких проблем.

При мысли о муже Валерия слегка улыбнулась: сегодня ночью он был особенно нежен, но не слишком настойчив, понимал, что ей нужно выспаться перед трудным днем. Ей вообще повезло с мужем: преуспевающий менеджер в шоу-бизнесе, тридцать пять лет — возраст расцвета, а уже заместитель директора агентства “Звезды”, хорош собой, спортивен, остроумен и, похоже, сохраняет ей верность. После пяти лет законного брака!

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Семейное шоу

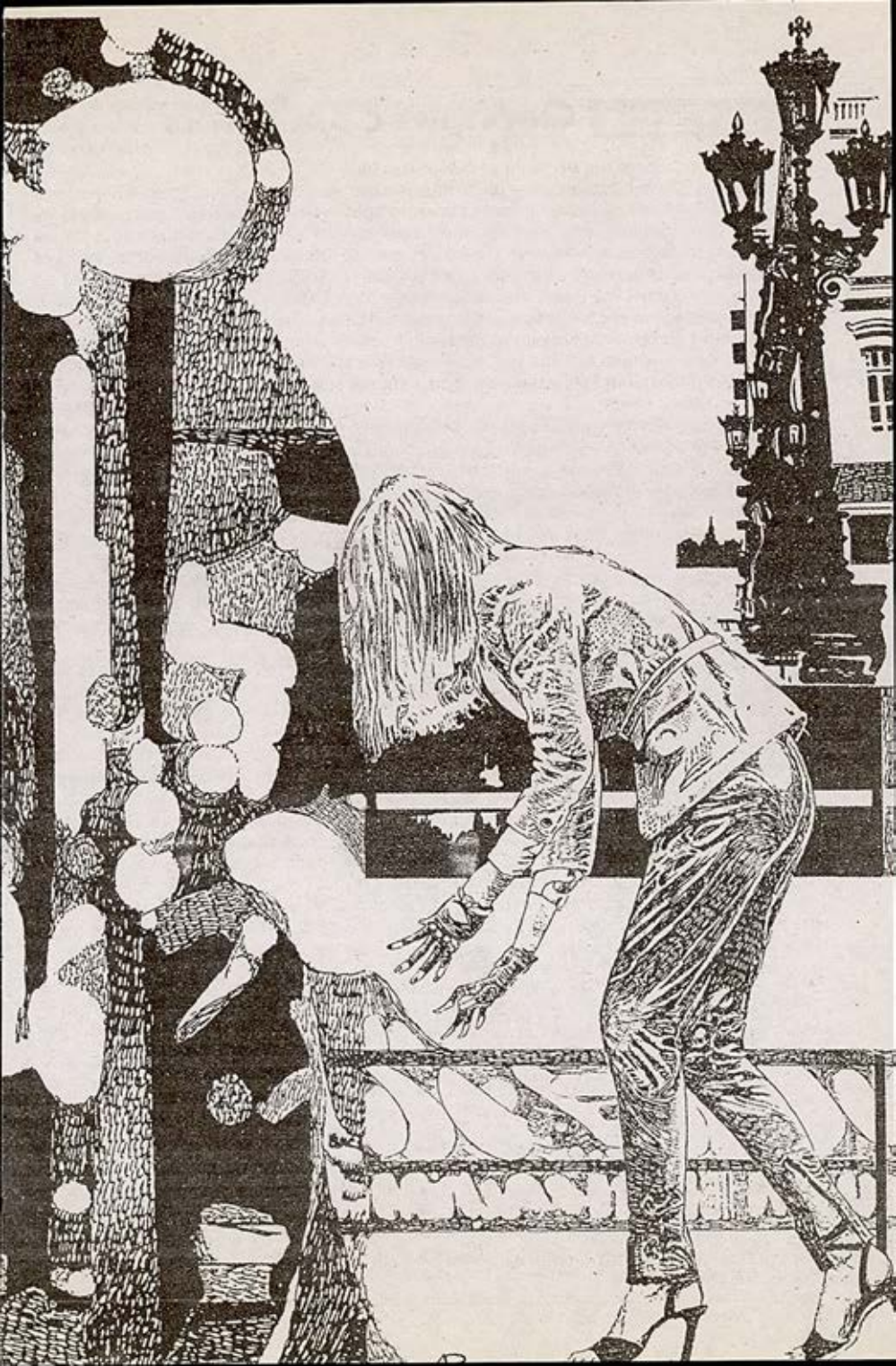
Она взяла большую сумку, перекинула через плечо модный дамский ридикюльчик и вышла из квартиры. Аккуратно заперла дверь на оба замка и спустилась вниз, где у подъезда стояла ее машина — маленькая и не слишком престижная “киа” цвета кофе с молоком с перламутровым отливом, — подарок от родителей к восемнадцатилетию вместо традиционного колечка.

Точнее, ключи, которые передала ей мать: машина принадлежала отцу, скромному работяге-инженеру, копившему деньги на “стального коня” чуть ли не десять лет и, наконец, купившему вожаденное авто. Но в полной мере насладиться им он не успел, поскольку за два года до совершеннолетия дочери ушел из семьи к молодой и не слишком красивой женщине практически с одним чемоданом, устав от бесконечных попреков жены в “неумении жить”.

Нынешний муж Аделаиды Николаевны, грузинский бизнесмен “питерского разлива”, жить умел и ездил исключительно на дорогих иномарках, попутно выполняя все прихоти своей очень красивой и светской жены. Аделаиде Николаевне давно перевалило за сорок, но внешне она выглядела лишь на несколько лет старше дочери, чем безмерно гордилась.

Валерия отперла машину, предварительно отключив сигнализацию, и села за руль. День начинался прекрасно, небо было совершенно безоблачным, в салоне становилось даже чуть-чуть жарковато. Значит, можно надеяться, что и в Питере ее не зальют дожди и не заморозит холодный ветер: синоптики дружно клялись, что неделя в обеих столицах будет погожей. Тем лучше!

Мысленно Валерия пробежала список дел на сегодня: через час у нее встреча с главным редактором модного женского журнала, специализирующегося на прическах и косметике, которая хотела, чтобы Валерия вела у нее регулярную рубрику "Стиль деловой женщины".

Потом — встреча с подругой Ниной, тоже журналисткой, но специализирующейся на так называемой "светской хронике" в еженедельных журналах с программами телепередач. Работа — не бей лежачего, зато приглашений на всякие светские мероприятия всегда полно. Незамужняя, свободная и очень-очень раскованная, что забавляло Валерию и позволяло ей еще больше ценить преимущества своей уже устроенной жизни. Если бы только Боб не был иногда таким занудой! Раз и навсегда выбранные позы, до механизма отработанные движения, все знакомо, все предсказуемо, как и те анекдоты, которые он рассказывает в обществе. Но должны же быть у человека недостатки!

Так. Дальше — самое важное: встреча с собственным главным редактором Олегом Ивановичем, Олегом, с которым нужно обговорить детали интервью во время командировки и наметить планы на будущее. К тому же вчера по телефону он сказал ей, что хочет посоветоваться насчет постоянной новой рубрики в их журнале "Леди", который и без того занимал одну из первых строчек в рейтинге изданий для женщин, но ведь предела совершенству нет. Значит, будет говорить не меньше часа: очень любит Олег Иванович поговорить, особенно с ней, с Валерией. Так что денег предостаточно напряженный.

Валерия выехала на Ленинский проспект и вскоре по недавно проложенной трассе покатилась в сторону Хорошевского шоссе, где располагался "парикмахерский" журнал. Встреча назначена на одиннадцать, ленч с Ниной — на два часа дня, Олег ждет ее в половине четвертого, звезда — после шести. Если нигде не произойдет осечки, то, пожалуй, она все-таки успеет вернуться домой до того, как нужно будет ехать на вокзал. "Красная стрела" отходит в полночь, очень удобно, особенно для тех, кто может спать в поездах. Валерия могла, даже любила: перестук колес действовал на нее успокоительно.

В "парикмахерском" журнале ее встретили любезно, но как-то бестолково. Оказалось, что именно сегодня у них жутко неудачный день, куда-то пропал текст с переводом подписей к фотографиям причесок, да еще "завис" компьютер, так что получить от переводчицы повторный вариант по электронной почте физически невозможно. Придется послать курьера куда-то к черту на рога, а потом в авральном порядке все это монтировать. Плюс накладка с главным интервью номера: его герой, известный всей Москве стилист, вдруг отозвал материал, не потрудившись даже объяснить причины.

Так что главная редакторша металась по помещению, как ошпаренная, шипела на подчиненных и периодически извинялась перед Валерией, рассеянно листавшей журналы в приемной перед чашкой остывшего и не слишком вкусного кофе. Ровно через час она решила, что с нее хватит, эта волянка может длиться до бесконечности, а она в этом журнале не работает и наверняка работать не будет: такая бестолковщина — не ее стиль. Поэтому на сей раз извинилась она и, сославшись на важную встречу, с облегчением покинула очумевший муравейник, где к тому же курить в помещении строго воспрещалось, а выходить на лестничную площадку элементарно не хотелось.

В результате Валерия, сев в свою машину, обнаружила, что до ленча у нее — два часа, а езды до площади Маяковского, где во французской кондитерской была назначена встреча, — от силы пятнадцать минут. И тут, по внезапному движению души, Валерия решила заехать в офис к мужу и пообщаться с ним перед командировкой. На случай, если что-то не сложится, и он не сможет ее проводить. Благо, офис находился по дороге — на Беговой улице.

Валерия улыбнулась, как всегда при мысли о своем красавце-муже, и тронулась в путь, предвзвешенно убедившись, что выглядит, как всегда, безупречно.

Секретарша в приемной отсутствовала, наверняка Боб отправил ее за сигаретами, вечно забывает их купить, а курит много. Не постучавшись, Валерия тихонько приоткрыла дверь в кабинет мужа и... остолбенела. На диване напротив двери совершенно раздетый Боб сосредоточенно обрабатывал ритмично постанывающую блондинку, которая закинула свои ноги с рубиново-золотыми ногтями ему на плечи: поза, которую Боб вроде бы не знал, во всяком случае, в супружеском сексе не использовал.

Их глаза встретились, и больше всего Валерию поразило то, что Боб даже не прекратил свои возвратно-поступательные движения, словно не понял, что в дверях стоит его законная жена. Валерия так же тихо закрыла дверь, повернулась и пошла к выходу, никого по дороге не встретив. Все двери были плотно закрыты, в коридоре — ни души. Она спустилась вниз, села в машину, отъехала примерно на километр и, затормозив, свернула к обочине, потому что поняла, что видит перед собой не дорогу, а то, что явилось ее взору в кабинете супруга.

Да, сюрприз удался на славу! Хоть бы дверь запер, олух поганый. И теперь Валерия сообразила, с кем развлекался ее "верный" супруг на офисном диване. С Катькой, с актрисулькой одного из малоизвестных театров, ставящих в основном очень рискованные и, как правило, пошлые пьесы, гордо именуя их авангардистскими. Конечно, только Катька способна пользоваться таким лаком — "вырви-глаз". И патлы ее блондинистые с дивана свешивались, она же их всегда распущенными носит, гордится, что натуральный цвет при такой длине. Ах, стерва!

А ведь Боб всегда ее еле терпел, и то потому, что их фирма занималась Катькиными контрактами. Всегда говорил, что она — дура набитая, что у нее ум — в сиськах, жаль только, что полушария врозь. Если встречались случайно или в гостях, то ограничивался парой вежливо-бессмысленных фраз, дежурным комплиментом и все. Оказывается, говорить ему с ней действительно не обязательно, вполне можно найти другую форму общения. Интересно, это у них впервые или, так сказать, уже ритуальное занятие?

Валерия почувствовала, что руки у нее дрожат, а на глаза наворачиваются слезы. Со школьных лет она не помнила, чтобы так себя вела. И почему она должна переживать из-за того, что произошло? Не она же изменила — ей изменили. И, наверняка, не в первый раз. Просто она так верила Бобу, что никогда не обращала внимания на мелочи, на какие-то неурочные звонки и периодические опоздания домой. Впрочем, если бы и обратила, у мужа всегда нашлись бы разумные объяснения: он, как выяснилось, изменщик, но не дурак. Ей ведь говорили, что нет на свете верных мужей, все они хотя бы раз, да вкусят запретный плод. Пожалуйста!

Во французскую кондитерскую Валерия приехала с пятиминутным опозданием, зато немного успокоившаяся и заметно похорошевшая после импровизированного похода в салон красотицы. Ее приятельница, Нина, уже сидела за столиком и тянула из соломинки что-то прохладительное. Насколько Валерия знала Нинины вкусы, это наверняка был какой-нибудь слабенький алкогольный коктейль. Ближе к вечеру напитки будут все крепче, а Нина — все веселее и общительнее. Когда она успевала писать свои заметки, одному Богу известно, но они регулярно появлялись в окупиваемых ею изданиях, и на материальные трудности девушка не жаловалась.

— Привет! — помахала Нина рукой Валерии. — Ты припозднилась, или я пришла раньше?

— Какая разница? — ответила Валерия, усаживаясь напротив нее. — Свои люди, сочтемся. А почему ты не села за столик на двоих? Ждешь кого-то еще?

Для Нины это было в порядке вещей: совмещать несколько встреч в одну. Сегодня это оказалось бы крайне некстати: Валерия хотела просто поболтать с подругой и расслабиться.

— Катерина звонила, обещала подъехать и привезти мне какой-то новомодный крем. Говорит, что за три дня омолаживает на десять лет.

Валерия решила, что ослышалась.

— Катерина? Катька? Сюда?

— Да, а что тут такого? У нее сегодня съемки, она позирует для какого-то журнала. Звонила, просила чуть-чуть подождать, будет с минуты на минуту.

Так. Теперь это называется съемками для журнала. Интересный термин, никогда не приходилось слышать в такой версии. Позировать-то она позирует, только не для журнала... Нет, не придет Катька, не посмеет после сегодняшнего. Боб уж точно сказал ей, что их "засекли". Не станет девушка нарваться на скандал в общественном месте, вообще постарается какое-то время не попадаться Валерии на глаза. Она хоть и идиотка, но свою выгоду всегда просекает достаточно четко.

— Я, пожалуй, не буду ждать, сделаю заказ, и тебе советую, — сказала Валерия. — Ты же знаешь, что для Катки нет разницы между двумя минутами и двумя часами.

— И то верно, — легко согласилась Нина, поправляя привычно-небрежным жестом свою прическу в стиле Мирей Матье, под которую вообще "работала". — Я умираю с голоду, встала сегодня ни свет ни заря, а там даже чайной заварки не оказалось.

"Там" — это, надо полагать, квартира, в которой Нина ночевала. Точнее, провела ночь.

— Мне кофе покрепче, — попросила Валерия подошедшую официантку, — и рогаликов пару, только мягких.

— А мне... — начала Нина и осеклась. — Вот и Катерина!

Валерия обернулась и не поверила своим глазам: к их столику действительно подходила Катка в алом мини-платье и золотых босоножках на высоченных каблукках. Сверху платье было вырезано так, что было непонятно, как не вывалятся наружу главные Каткины сокровища. Немногие мужчины в кафе дружно поперхнулись.

Катерина плюхнулась на стул и как ни в чем не бывало спросила:

— Только начали заказывать? Молодцы! Мне кофе со взбитыми сливками и пару пирожных по-венски.

— Мне тоже кофе со сливками и круассан с малиной, — проговорила Нина, не отрывая глаз от блистательной приятельницы.

Катерина действительно была похожа на ненормально увеличенную куклу Барби, причем выражение лица тоже было каким-то кукольным.

— Устала на съемках, — пожаловалась она, закидывая ногу на ногу и картинно закуривая. — Такую позу принять, другую... Но искусство требует жертв.

— Это уж точно, — насмешливо заметила Валерия. — Иногда человеческих...

Катка похлопала глазами и промолчала. И тут Валерию осенило: Борис ничего не сказал этой кукле. Ни словечка. Закончил дело и выпроводил из офиса. Он же не мог предположить, что Валерия явится к нему в офис в разгар рабочего дня: такое случилось впервые. Теперь, наверное, сидит и думает, что бы сказать поубедительнее.

— В чем дело, девочки? — забеспокоилась Нина.

— А что такое? — изумилась Катка. — Сейчас нам заказ принесут, посидим, вкусенького поедим, потрелемся за жизнь. Кстати, Лера, как поживает Боб?

На несколько секунд Валерия потеряла дар речи, потом опомнилась.

— Что за грошовую комедию ты тут ломаешь, Катрин? — ледяным тоном осведомилась она. — Если это — предел твоих актерских способностей, то понятно, почему тебя приглашают только в "авангардные" постановки, где главное — повыше ноги задрать.

— Ты ничего не понимаешь в актерском искусстве, — высокомерно отозвалась Катка.

— Девочки, девочки, — уже не на шутку встревожилась Нина. — Что происходит?

— Ничего особенного, — самым светским тоном произнесла Валерия. — Просто Катерина встречается с моим мужем.

Катерина даже не шелохнулась, только еще более интенсивно захлопала ресницами. Действительно ничего не поняла, идиотка. И действительно Борис ей ничего не сказал. Но сидеть с этой тварью за одним столом она не будет, нет уж, спасибо!

— Я ухожу. — Валерия поднялась. — Приятного аппетита. Еще раз встретись с Бобом, передай ему от меня привет.

"Ну и денек! — думала она, садясь в машину. — Как с утра не заладилось, так и покатилося. И что теперь делать?"

Пару раз звонил мобильник, она глядела на монитор, видела, что звонит неверный супруг и не отвечала. Третий раз высветился номер Нины и Валерия нажала кнопку связи.

— Ты что психанула? — как всегда в лоб спросила Нина. — Катка, бедная, чуть не описалась со страха. Подумаешь, встретишься она с твоим мужем, попили кофейку...

— Это она тебе сказала? — кротко осведомилась Валерия.

— А кто же еще? Конечно, она. Между прочим, совершенно не обязательно заниматься сексом после того, как выпьешь чашечку кофе.

— Да что ты говоришь?! — начала терять терпение Валерия. — Ты что, не поняла: я их видела. Вместе видела их в офисе Боба!

— Ну, понятно, видела. Ну так...

— Дура! — резко сказала Валерия. — Они трахались на диване, абсолютно голые. Если, по-твоему, это не секс, то что это?

— Да ты что?! — ахнула Нина. — Значит, эта стерва белобрыся мне в глаза все наврала? Актриса недоделанная! Мамой клялась, что они просто пили кофе и говорили о ее контракте, а тебя она вообще не видела.

— Какой мамой она клялась, понятно, — устало сказала Валерия, уже пожалев о своем порыве. — Но меня она действительно не видела, потому что диван стоит изголовьем к двери. Зато я ее ножки напедикюрные видела в очень интересном ракурсе. И Боба между ними во всей красе.

— Ну-у-у... — протянула Нина и надолго замолчала. — Ладно, вечером подскочу, поговорим.

— Вечером я уезжаю в Питер.

— Надолго?

— Как дела пойдут.

— Больше я с Катькой на одном поле ромашки собирать не сяду, — выдала напоследок Нина. — Мало вокруг мужиков, что ли? Обязательно нужно женатого, да еще такого, чью жену знаешь? Впрочем, дура — она дура и есть. Набитая. Точнее, небитая. Найдется дама не такая интеллигентная, как ты, попортит ей личико...

Валерия с трудом прервала этот поток красноречия и дала отбой. Нина решительно не отличала обычный телефон от мобильного, все равно счета не она оплачивать будет, а кто-нибудь из ее воздыхателей. Интересно, куда она собралась "подскочить" сегодня вечером? И еще более интересно, куда ей, Валерии, возвращаться из Питера? К супружескому очагу? А ведь больше, вроде, и некуда...

Она про себя хмыкнула и подумала, все не так уж и страшно. Просто нужно какое-то время с Бобом не общаться. Пусть понервничает, позвонит, побегаает... А потом она подумает, как и когда его простить. Сейчас же нужно подправить лицо после всего пережитого: носик попудрить, губки подкрасить — и ехать в свой журнал.

В том, что Бориса она простит, Валерия уже не сомневалась. Потому и сидела, вспоминала все хорошее, что все еще его любит. А раз любит, значит...

Но побегать Бобику придется. Как бобику. И на задних лапках постоять, и хвостиком повилиять. То есть прощения попросить по всем правилам.

Вот так.

Глава вторая. Совесть — понятие темное

Борис прекрасно понимал, что вымолить прощение у Валерии будет нелегкой задачей. Тут не проходили классические фразы: "Я тебе все объясню, дорогая" или "Дорогая, это совсем не то, о чем ты подумала". Жена собственными глазами видела его в ситуации, исключающей всякие толкования, за исключением одного-единственного: муж изменил. Причем он сам должен был признать, изменил нагло, забыв обо всех правилах предосторожности и тем самым переступив границы дозволенного. То есть того, что он сам себе позволял. Хоть бы дверь запер!

Разумеется, это не было его первым грехом за пять лет супружеской жизни. Он даже не пытался подсчитать, сколько раз за пять лет нарушил супружескую верность, и при всем желании не мог бы вспомнить всех, с кем это происходило. Парадокс состоял в том, что, пока у него в паспорте не появился штамп о законном браке, он мог считаться образцово-показательным партнером: ни шага налево. Ему совершенно не хотелось никаких других женщин, ему была нужна только Лера.

Жениться на ней он твердо решил после того, как она встретила его предложение руки и сердца прохладным недоумением. Он никогда еще никому не делал такого предложения, поэтому был уверен, что любая женщина моментально завизжит от радости и помчится заказывать свадебное платье. Но эта зеленоглазая красавица не была как все. Она пожала безупречными смуглыми плечами и спросила:

— Зачем тебе это понадобилось? По-моему, нам и так хорошо.

— Но тогда мы могли бы всегда быть вместе, — брякнул он первое, что ему пришло в голову.

— То есть? — вопросительно подняла она брови. — Ты сменил бы место работы, или я перешла бы в твою фирму?

— Нет, конечно, у каждого своя работа. Но мы бы жили вместе и...

— Где? — поинтересовалась Валерия. — В квартире твоих родителей? Или здесь?

Так что все осталось так, как было, хотя Борис твердо решил: он должен иметь собственную жилплощадь. То есть должен заработать деньги хотя бы на приличную двухкомнатную квартиру. А для этого нужно всего-навсего из рядовых сотрудников агентства выбиться в ведущие, а еще лучше — в заместители. Тогда деньги не будут проблемой, и все разрешится само собой.

Два года Борис вкалывал, как проклятый, выполнял все поручения не просто отлично, а с блеском и изюминкой, благо юридическое образование позволяло ему легко и изящно обходить такие барьеры, которые для большинства остальных его коллег — самоучек-недоучек — были просто непреодолимыми. Немудрено, что начальство обратило на него внимание, и что карьера пошла быстро и успешно. Через два года Борис уже был менеджером, а еще через полгода его вызвал к себе сам начальник и хозяин агентства Юлиан Леонидович (негласно — Юлик). И сделал ему крайне заманчивое предложение:

— А ты не хотел бы стать моим компаньоном? Будешь тогда первым заместителем, с тобой я за фирму спокоен.

— Сколько? — без лишних слов спросил Боб.

Компаньон — это значило, что нужно внести деньги. И теперь все зависело от того, какую сумму назовет Юлик, и сможет ли он, Борис, такие деньги достать. Пока он накопил ровно на однокомнатную квартиру, правда, в очень хорошем доме.

Юлиан Леонидович назвал сумму и какое-то время в кабинете царило молчание. Сумма не была чрезмерной: две трети ее у Боба уже имелось. Если Юлик согласится принять пай частями или вообще удовлетворится тем, что ему могут предложить сейчас... Только тогда квартира, а следовательно, и женитьба на Валерии, отодвигались на неопределенное время.

— Деньги у меня есть, — сказал, наконец, Борис, решив, что лучшая политика — это предельная откровенность. — Не все, конечно, но большая часть. Остальное я могу попытаться занять... если вы не согласитесь подождать какое-то время. Есть только одна заковка.

И четко, по-военному, изложил положение дел. Теперь уже задумался шеф, правда, ненадолго.

— Лучшего заместителя мне все равно не найти, — сказал он. — У тебя голова на плечах сидит хорошо, мозги в ней работают, а не просто находят. С недостающей суммой я подожду, оформим соглашение честь по чести, не мне тебя учить. А с квартирой что-нибудь придумаем.

Соглашение оформили через три недели, причем к этому времени Борис достал и недостающую сумму. Достал очень просто: взял займы у родного отца на неопределенный срок и без процентов. Генерал думал недолго: держать деньги в любом банке — хоть сберегательном, хоть частном — было занятием довольно рискованным, как показала новейшая история страны, а уж с валютой и вовсе появлялись проблемы за проблемой. Почему бы ни попробовать стать современным и не вложить деньги в дело, точнее, в дело сына?

Пережив короткую истерику жены, которая вообще никому и никогда рубля не доверяла, генерал вручил Борису искомую сумму в твердо конвертируемой валюте и сказал нечто неожиданное:

— Копили тебе на квартиру. Теперь сам зарабатываешь. Потеряешь — не мои проблемы, умножишь — твое счастье. А нам с матерью от тебя нужны только уважение и внимание.

Ошеломленный Борис даже не сразу нашел нужные слова благодарности. Их сказала ему... родная мама, когда после очередной поездки за город обнаружила, что в квартире побывали посторонние люди и кое-что похитили. Но на эти мелочи было наплевать: в обнаруженном жуликами и вскрытом тайнике денег не было. Иначе...

— Сынок, — со слезами на глазах сказала генеральша, — спасибо, что затеял это дело с собственной фирмой. Иначе пропали бы все сбережения за тридцать лет. А побрякушки и ложки — дело наживное.

Она была права, как всегда: сын в течение последующих лет подарил ей и побрякушки, и старинное столовое серебро, и массу других полезных и приятных подарков, поскольку, став компаньоном и заместителем директора "Звезды" мог себе позволить очень многое.

С квартирой вопрос тоже решился просто. Даже на удивление просто. Один из друзей Юлиана Леонидовича желал переселиться в другую страну, а квартиру, естественно, продать. Так как человек этот был достаточно наслышан о махинациях на рынке недвижимости, он предпочел действовать старым, проверенным методом "через знакомых". Так что в один прекрасный день Юлиан Леонидович пригласил Бориса на ужин после работы и изложил ему суть проблемы:

— Мой друг хочет продать квартиру. Двухкомнатную. Не бог весть что, но район респектабельный и дом прекрасный — академический. Сейчас там как раз жильцы начали активно меняться, то есть соседи у тебя будут соответствующие и подъезд — с круглосуточной охраной. Деньги он просит смешные — пятьдесят "кусков", правда, потребуется ремонт, но, думаю, ты осилишь. Поезжай с Валерией, посмотри товар. Я тут выступаю гарантом, так что сам понимаешь, проблемы исключаются...

Через два дня, созвонившись с хозяином, Борис с Валерией поехали смотреть квартиру, расположенную в двух шагах от Ленинского проспекта в доме на тихой боковой улице.

Сама квартира, конечно, требовала основательного ремонта, не исключено — с перепланировкой. Но упускать такую возможность было глупо, тем более что и Валерии квартира понравилась своей нестандартностью: из двух огромных комнат, большой кухни и санузла можно было сделать "нечто". Плюс, конечно, высокие потолки и прекрасный вид из окна.

— Соглашайся, — сказала она.

— А ты выйдешь за меня замуж, если я куплю эту квартиру? — осторожно поинтересовался Борис.

Валерия какое-то время помолчала, потом тряхнула головой, словно отогнала ненужные мысли, и ответила:

— Твоя взяла. Сделаем ремонт — сыграем свадьбу. Я в доле.

Через полгода в переделанную до неузнаваемости квартиру Борис на руках внес Валерию в свадебном платье. Фаты, к великому его огорчению, не было: надевать "этот абажур" невеста отказалась наотрез, да еще и подпустила несколько ехидных шпилек насчет "провинциального шика". Шпильки предназначались свекрови, до ушей которой они, слава Богу, не дошли. Но живые цветы в пышных темно-каштановых волосах были красивее любой фаты...

Родители Валерии на свадьбу подарили ей новую машину, причем выбирала ее она сама. Как всегда оригинальна: захотела скромную "киа", хотя отчим мог бы ей купить хоть "пежо", хоть "ягуар". Борису преподнесли золотой портсигар и золотую зажигалку, тоже приятно. Его же родители преподнесли, как и положено по их понятиям, "семейный" подарок: фамильный чайно-кофейный сервиз майсенского фарфора и дюжину серебряных ложек. Генеральская основательность и тяжеловесность: понадобилось солидно поломать голову над тем, где в современной стильной квартире разместить этот антиквариат так, чтобы украсил помещение, а не резал глаз. Лере это удалось: уж что-то, а хороший вкус у нее проявляется всегда и во всем, хоть в одежде, хоть в дизайне помещения.

Через три дня после возвращения из свадебного путешествия в Италию Борис впервые изменил Валерии с сексапильной блондинкой, которую увидел на улице. Девушка ловила попутную машину, а поймала мимолетное приключение. Валерия ничего не узнала и даже не заподозрила. Угрызений совести Борис не испытывал, скорее, его мучил недоуменный вопрос: зачем он вообще это сделал? Блондинок, в отличие от большинства мужчин, он не любил, предпочитал шатенок или брюнеток, пышный бюст, как правило, оставлял его равнодушным. И вообще он любил только свою жену. Так что на него, спрашивается, нашло? Временное затмение, но иначе. Реакция на предсвадебные хлопоты и коренные изменения в жизни.

Но затмение оказалось не временным, а повторялось с пугающим постоянством. Впрочем, виноват в этом был не один Борис, а и те женщины, которые кружили вокруг него, как мотыльки вокруг зажженной лампы. Актрисы и певицы, танцовщицы и начинающие юные дарования свято верили, что путь к славе лежит через постель влиятельного в шоу-бизнесе человека. Даже то, что такая жертва чаще всего оказывалась напрасной, никого не останавливало: это входило в правила игры, которая в общем-то устраивала обе стороны.

Через какое-то время Борис даже перестал испытывать угрызения совести: физическая измена — это ерунда, а на самом деле он Валерию ни на кого не променяет.

Он дважды набирал номер ее мобильного и дважды она не соизволила ему ответить. Он совсем уж собрался послать ей сообщение с просьбой о помиловании, как его срочно вызвал к себе шеф. Вот уж действительно, помани черта — он и явится. Надо было ему вспоминать об Юлиане? Других дел нет?

— Можешь послезавтра поехать на пару дней в командировку? — встретил его шеф вопросом прямо от дверей. — Я бы и сам поехал, дело важное, но у меня, как на грех, через два дня встреча... — И многозначительно указал пальцем на потолок.

— Не вопрос, Юлиан Леонидович, — отозвался Борис, усаживаясь в удобное кожаное кресло напротив шефа и закуривая. — Куда и зачем?

— На первый вопрос отвечаю легко и сразу: в Питер. На второй вопрос ответить сложнее, но я попробую. Есть там певец, который, вроде бы, хочет перебраться в столицу, но опасается, что тут у него не будет привычных условий. Там-то все схвачено. Так вот, нужно убедить его — а ты это можешь, я знаю, — что в Москве он вообще будет жить как у Христа за пазухой, что мы способны помочь ему даже с быстрым решением квартирного вопроса, а уж с выгодным во всех отношениях графиком гастролей и выступлений — тем более. Залы он обычно собирает полные, популярен уже лет десять... Догадываешься, кто?

Борис догадывался. Певец действительно был штучкой, с которой без особой надобности не хотелось связываться, но если он собирается обосноваться в Москве... такого клиента упускать нельзя, прибыли агентству он может принести фантастические. Если, конечно, за дело взяться с умом, а уж его Борису не занимать.

— Ехать послезавтра? — уточнил Борис. — Надолго?

— Лучше бы завтра вечером, чтобы с утра быть на месте. Гостиницу тебе забронировать. Как обычно, "Октябрьскую"?

— Хотелось бы.

— Нет проблем. Не понимаю только твоей привязанности к этому совковому реликту.

"И очень хорошо, что не понимаешь, — подумал Борис, возвращаясь к себе в кабинет, по уши накачанный инструкциями, — иначе не оберешься нудных нотаций. Там уже все давно свои, и портье, и коридорные, и горничные, там не будет проблем с секретностью, если ему приспичит... Кто-то ему говорил, что раньше в этом здании был бордель. Может, врут, а может и правда: дух там какой-то особенный, в других гостиницах такого нет".

Господи, о чем он думает? Ведь в Питер сегодня вечером едет Валерия. Вот идеальный случай помириться: белые ночи, романтика ее родного города. В крайнем случае, можно попроситься в гости к Аде и попросить поддержки: у Ады он числится в любимчиках, потому что говорит с ней исключительно о ней самой: какая она красивая, роскошная, молодая и желанная. А поскольку тещеньку только эта тема — она сама — и интересует, то немудрено, что она считает Боба идеальным зятем и вообще — эталоном мужчины.

Жаль, что он не узнал, в какой гостинице остановится Валерия. Но это нетрудно узнать: пара звонков — и он полностью будет в курсе передвижений дорогой женушки. Установит отель, узнает номер апартаментов, появится на пороге с букетом и каким-нибудь презентом... Потом, когда она чуть-чуть смягчится, поведет ее в ресторан, уболтает до потери сознания, уложит в койку и все пойдет по-прежнему. Если повезет, в Москву они вернутся вместе, он достанет двухместное купе в фирменном "Николаевском" поезде и это будет вроде второго свадебного путешествия.

Не сможет она его не простить. Ведь даже поговорка есть: "В первый раз прощается". А больше он налево ходить не будет, станет опять таким же примерным возлюбленным, как и до свадьбы. Будет выполнять все ее желания, будет...

Секретарша Верочка, похожая на кошку с глазами беспомощного олененка, как всегда, посмотрела на него обожающими глазами, но сегодня он оставил этот молчаливый призыв без ответа. Хорошенького понемножку. Нужно вообще уволить эту красотку и взять на ее место почтенную женщину зрелых лет. Чтобы уж вообще никаких соблазнов не возникало. И вообще, на работе больше никогда и ни с кем. Потерять из-за какой-нибудь шлюхи такое сокровище, как Валерия — ну он не дурак! Если, конечно, через какое-то время потянет на клубничку, то... Нет, прежде всего нужно помириться с Валерией. Если придется — сделать ей ребенка. Ну а дальше — жизнь покажет, как жить.

— Борис Сергеевич, — услышал он сзади голос секретарши, — вам тут звонили...

— Кто? — круто повернулся он на каблуках.

А вдруг Валерия? Подумала-подумала и решила дать ему взбучку и простить. С ее стороны это было бы в высшей степени разумно.

Секретарша начала перечислять звонки: начинающий певец, который уже неделю пытается пробиться к нему на прием, но бедняге фатально не везет, главным образом потому, что голоса как такового нет, а есть только богатый любовник, агент по недвижимости, который должен был подобрать помещение для филиала офиса — тесновато становится, процветает бизнес, и еще, и еще...

Вдруг слух резануло смутно знакомое сочетание имени и фамилии: "Екатерина Лозовая". Неужели Катя настолько ополоумела?..

— Что сказала? — спросил он у Верочки.

— Сказала, что по личному делу, вы в курсе. Просила перезвонить.

Вот он сейчас ей перезвонит! Он ей так врежет, что на всю жизнь отобьет охоту звонить ему на работу "по личным делам". Какого черта, в самом деле?! Ей что, плохо было сегодня утром? Или мало?

— Вера, минут через десять соедините меня с агентом по недвижимости, потом с певцом, потом попробуйте дозвониться на работу моей супруге и узнать, какая гостиница ей забронирована в Питере. Утром не спросил, а сейчас мобильник не отвечает. Наверное, батарейки сели.

Вера понимающе кивнула. Это она обожала — помогать шефу в семейных делах. Ей казалось, что тем самым становится как бы ближе к нему. И потом — чем она хуже этой задаваки, его женьюшки? Может, в один прекрасный день он перестанет смотреть на свою секретаршу, как на бесплатный десерт, а сделает... ну хотя бы официальной любовницей. Для начала. А потом...

Пока Вера предавалась этим сладким грезам, Борис с собственного прямого аппарата набрал номер Катерины. Та ответила сразу, будто караулила у трубки:

— Алле-ю?

Это манерное "алле-ю" взбесило его окончательно. Пошлая, грудастая дура — ну как он вообще мог с ней связаться?!

— Зачем ты звонишь мне на работу? — прорычал он. — Совсем спятила?

— А затем, что утром, когда ушла от тебя, нос к носу столкнулась с твоей супружницей.

У Бориса упало сердце. Неужели они еще и побеседовали в офисе?

— Где? Здесь, у меня?

— Слава Богу, нет. Но мы договорились с Нинкой позавтракать вместе, а у нее, оказывается, была запланирована встреча с Леркой. Нинка, зараза, ничего мне не сказала. Ну я и перелась в эту кондитерскую, а там — она...

— И что?

— Я сказала, что у меня съемки были с утра, но она почему-то уверена, что я была с тобой. Нинке я потом, когда твоя ушла, поклялась, что мы просто вместе пили кофе и, возможно, в этот момент Лерка нас и увидела.

— Нина поверила? — спросил Борис, боясь перевести дух.

— С чего же ей не поверить, я здоровьем матери поклялась.

— Ты же говорила, что сирота, — уже насмешливо сказал Борис.

— Потому и поклялась, — хихикнула в ответ Катя. — Так что дома сегодня не дрейфь, я тебя не выдаю.

Спасибо большое! Дура, ох и дура!

— На мое счастье, Валерия сегодня вечером уезжает в командировку. Так что разборка откладывается... пока.

— Ну и ладушки, — откровенно обрадовалась Катька. — А то у меня за тебя все нервы перетряслись. Когда уж увидимся?

— Со временем. Но сюда больше не звони, тем более с секретаршей не трепись, поняла?

— Поняла, чего ж тут непонятного. Ну, пока!

— Пока, — вслух сказал он, вешая трубку, а про себя добавил несколько выражений гораздо более забористых.

То ли это помогло, то ли вообще острота ощущений несколько снизилась, но все последующие переговоры по телефону он провел спокойно и с толком. Даже сумел разъяснить начинающему певцу, что разумнее всего его покровителю-меценату поговорить непосредственно с директором агентства, потому что такие важные вопросы решает только он лично. И в общем не наврал, потому что было понятно: "меценат" внесет энную сумму денег за то, чтобы его протеже помелькал на телеэкране и помяукал по радио. Прибыли в ходе этого процесса он не принесет никому, так что пусть его спонсор договаривается непосредственно с Юликом. И все будут счастливы.

А вот с журналом, где трудилась Валерия, связаться удалось без проблем, но получить нужную информацию оказалось практически невозможно. Человека, занимавшегося проблемами устройства журналистов в гостиницах других городов, на месте не оказалось, а кроме него, никто ничего не знал.

— Возможно, Олег Иванович в курсе, — высказала, наконец, дельную мысль одна из коллег Валерии.

— О, это идея! — оживился Борис. — Прямой его телефон есть?

У барышни прямого номера начальника не оказалось, пришлось звонить через коммутатор и, естественно, секретаршу. Та хоть и не сразу, но с начальником соединила, правда, голос у нее был какой-то странный. Как бы скованный. Неужели Валерия рассказала об утреннем инциденте в редакции? Да нет, чушь какая! Это совершенно не в ее стиле — путать личные дела со служебными. Более того, она это почитает за очень и очень дурной тон.

— Олег свет Иванович, — нарочито дурашливо начал Борис, — приветствует тебя супруг твоей любимой сотрудницы. Догадайся с трех раз, кто.

— В жизни бы не догадался, — ехидно ответил Олег Иванович, — да ты секретарше представился. Какие проблемы, Боб?

Они столько раз вместе выпивали на всевозможных презентациях, что давным-давно выпили и на брудершафт. При этом Олег Иванович отнюдь не скрывал своего заветного желания — увести Валерию, чем немало веселил Бориса. Так что разговаривали они почти всегда вот так — полшутя, полсерьезно, особенно если при этом не было посторонних людей.

— Проблема одна: забыл спросить у Леры, в какой гостинице она остановится в Питере. А у нее что-то с мобилкой, никак не дозвонюсь. Ты не в курсе, случайно?

— В смысле, что у нее с мобилкой?

— Нет, в смысле, в какой гостинице остановится.

— Извини, старик, не моя епархия. Этим у нас спецчеловек занимается. Хочешь, скажу секретарше, чтобы тебя соединила?

— Не трудись, уже пробовал. Сказали, что сегодня его уж не будет. Тогда извини.

— И тебе не болей, — бодро отозвался Олег Иванович.

Борис разочарованно положил трубку на рычаг, но через полминуты лицо его просветлело. Он взял мобильный телефон, набрал номер из памяти и, когда ему ответили, выдал ту же версию, что и оба раза перед этим. На сей раз ему, кажется, повезло.

— Либо ... либо... говоришь? Спасибо, с меня причитается. Могу и натурой, не проблема. Ну, пока, спасибо!

Оставшиеся дела заняли гораздо больше времени, чем Борис предполагал, потом он решил поужинать по дороге домой, а не возиться со сковородками-тарелками, потом заехал в супермаркет, купил бутылку вермута, сок, соленых орешков и решил, что вечер про-

ведет, как примерный семейный человек: в своем любимом кресле перед телевизором. Благо, время было еще относительно детское: одиннадцать вечера.

Звонок в дверь заставил его подскочить. Неужели Лера решила все-таки проститься перед командировкой и заехала домой? Но перед дверью стояла... Катерина собственной персоной в черном вечернем платье, которое говорило куда больше, чем скрывало. Борис так и остался стоять в дверном проеме с вытаращенными глазами.

— Сюрприз! — захохотала Катька, проскальзывая мимо него в комнату. — Вот, решила скрасить твое одиночество.

И тут зазвонил телефон. Борис бросился к нему, забыв про всякую осторожность, которой всегда так гордился.

— Ты дома? — раздался в трубке холодно-отстраненный голос Валерии.

— Лерочка, милая, я тебя весь день пытался поймать по телефону, — зачастил было Борис, но тут сзади него что-то загремело и Катька, споткнувшись о кресло, во весь голос выругалась.

В трубке тут же раздалось равнодушно гудки отбоя. Борис чуть не заплакал от досады. Ну неужели эта дура опять ему все испортила? Он выволок Катьку на лестницу и молча захлопнул за ней дверь. Пришла бы другая — еще куда ни шло. Но эту он сегодня уже отработал. И к черту!

Глава третья. "Я вернулась в свой город, знакомый до слез..."

Олег Иванович положил трубку на рычаг и весело подмигнул сидевшей напротив него Валерии:

— Ты выиграла пари, твой благоверный действительно позвонил. Так что за мной шоколадка. Я молчал, как рыба, ты же слышала.

— Ну и молодец, — довольно равнодушно отозвалась Валерия. — Тем более ты все равно не знаешь, где я остановлюсь. Я сама это всегда решаю, причем иногда в последний момент. Особенно если еду в Питер.

— Ну да, ну да, родной город, знакомый до слез и все такое. А если будет необходимость с тобой связаться?

— Есть такая штука, называется мобильный телефон. Слышал?

— Он же у тебя, вроде, не в порядке?

— С чего это ты взял? — чуть деланно изумилась Валерия. — Прекрасно работает, просто... избирательно.

— Поссорился с Борисом, — уверенно предположил Олег Иванович. — Не делай невинных глаз, я три раза разводился, все нюансы знаю наизусть. Хочешь, чтобы он за тобой побегал, глуже вину почувствовал. Так?

— Примерно так, — неохотно согласилась Валерия. — Командировка моя поэтому как нельзя более кстати. Так что давай ближе к делу.

— К делу или к телу? — решил состричь Олег Иванович, но встретил такой ледяной взгляд, что буквально покрылся гусиной кожей. — Все, прости, виноват, безобразно вспылил, учту, исправлюсь. Ты делаешь интервью с этой мадам, вдовой видного политика, которая сама хочет стать заметной личностью. Правильно?

— Правильно. Вопросы я уже набросала. О политике говорить, естественно, не буду, это скучно, об этом только что на заборах не пишут. Попробую раскрутить ее на беседу "как женщина женщине".

— Умничка! — восторженно воскликнул Олег Иванович. — И насчет личных планов на будущее — обязательно. Нашим читательницам плевать, какой проект на телевидении она собирается раскручивать, им интересно, как она нынешнее свое одиночество переносит, чем его скрашивает. Или кем.

— Мне бы не хотелось делать материал на грани сплетни, — поморщилась Валерия. — Я посмотрела кое-какие материалы, навела справки — дама вроде бы неглупая, целеустремленная, немного тщеславная, но кто же из нас без изъяна? И семья у нее интересная.

Конечно, все сведения тщательно проверены, а то, что она сама расскажет, я ей в лучшем виде на рассмотрение представлю.

— В общем, как всегда, — с довольным видом подвел итог Олег Иванович. — А теперь что касается нового проекта. Я бы хотел, чтобы ты взялась за серию портретов женщин-политиков, но без политики. Как тебе идея?

— Надо подумать... — неопределенно отозвалась Валерия.

— Сколько тебе времени нужно на визирование?

Валерия пожалала плечами.

— Это непредсказуемо. От четверти часа до... отхода поезда. Наш герой-любownik очень уж любит поговорить, особенно о себе и о своих победах на фронтах любви.

— Он к тебе не клеился? — ревниво спросил Олег Иванович.

Валерия усмехнулась и подумала, что Боб никогда не давал бы ей подобного вопроса. Похоже, он ее и не ревнует вовсе, доверяет полностью, да и поводов она не давала. А этот... Эх, Боб, придется с тобой мириться. Простить твой мимолетный кобеляж и продолжать жить дальше. Все-таки самый умный и красивый мужчина в ее ближайшем окружении — это собственный супруг. Такими не бросаются.

— Впрочем, за тобой любой мужчина, по-моему, тут же начинает ухаживать, если он не слепой, — поторопился исправить свой промах Олег Иванович. — Вот повезло Борьке! И не ругайтесь вы с ним, как друг советую, хотя лично мне это невыгодно. Ну, ляпнул что-нибудь, ну, глупость сделал, так прости его. Поверь, мужики очень ценят, когда их не пилят до бесконечности, а немножко помучат — и простят. Особенно если это в первый раз.

— Я подумаю, — совершенно серьезно сказала Валерия. — Возможно, ты прав. Но видеть его пока не хочу. В Питере остыну, он глубже осознает, что был не прав, тогда...

— Ну и умника, — со вздохом подвел итог Олег Иванович. — Если все-таки надумаешь поменять мужа, помни, что у меня преимущественное право: два года безответной любви. И в любом списке я должен быть под номером первым.

— Раз должен — значит, будешь, — уже машинально ответила Валерия, собирая свои вещи в сумочку. — Ну, счастливо. Вернусь через три дня, докладывать о ходе событий буду регулярно.

— Решишь задержаться на пару деньков — только позвони, — небрежно сказал Олег Иванович. — Тебе все можно.

— Благодарю за доверие, — усмехнулась Валерия, встала и вышла из кабинета.

Настроение у нее, как ни странно, было почти приличным. Все-таки Олег ведет себя как настоящий друг: в душу не лезет, вопросами не донимает, свободу действий (и жизни) предоставляет почти полную. Злоупотреблять этим, конечно, не следует, но мало ли какие ситуации в жизни бывают. Такими отношениями опять же не бросаются.

К месту назначения Валерия добралась лишь около семи: ехать нужно было почти на край Москвы — в Крылатское. И примерно час потратила на пустейшую светскую беседу "за кофейком", а потом почти насильно заставила слишком уж гостеприимного хозяина заняться визированием интервью.

Тут же оказалось, что красавец и бывший неотразимый сердцеед еще и патологический зануда: читал и правил он около двух часов, делая при этом далеко не самые умные и толковые замечания. Валерии стало понятно, почему все его многочисленные браки оказывались столь непродолжительными: такую мелочность и придирчивость могла вынести только святая.

В результате времени оставалось ровно столько, чтобы добраться до вокзала, поставить машину на платную стоянку и сесть в поезд. По дороге Валерия решила, что все-таки позвонит Бобу прямо сейчас: после одиннадцати вечера на работе ему делать нечего, должен вернуться домой. Она только поговорит с ним, поговорит очень прохладно, но он умный мужик, поймет, что ему дают шанс на примирение. Но дают этот шанс только в том случае, если он окажется возле домашнего телефона.

Трубку Боб снял со второго звонка, и сердце Валерии радостно дрогнуло. Но голос она постаралась сохранить как можно более равнодушно:

— Ты дома? — спросила она вместо приветствия.

И тут же услышала, как буквально в двух шагах от телефонной трубки что-то загремело, и женский голос выругался: женщина то ли ушиблась, то ли испугалась. Ах, мерзавец, дома-то дома, но с бабой! Валерия нажала трубку отбоя, чудом избежала столкновения с выскочившей откуда-то наперерез "Газелью", тоже выругалась и постаралась взять себя в руки. Ну, теперь Боб за ней действительно побегает, второго прокола за один день она ему не простит.

В поезде, попросив проводника постелить ей немедленно, принести минеральной воды и больше не беспокоить, Валерия отключила телефон, приняла — редчайший для нее случай! — таблетку снотворного и через полчаса уже мирно спала под стук колес. Правда, если бы кто-то внимательно взгляделся в ее лицо, то заметил бы на нем следы недавних слез. Но вглядываться было некому.

Питер встретил Валерию нехарактерной для него погодой: ярким солнцем и теплым ветром. Поэтому она не стала брать такси, а просто доехала на троллейбусе до Васильевского острова и там, пройдя пешком минут пятнадцать, оказалась перед недавно отреставрированным четырехэтажным домом с двумя подъездами. В одном из них располагалась маленькая гостиница, про которую почти никто не знал, но которая не уступала комфортом новым отелям-люкс, появившимся в городе на Неве, хотя цена за номер была раза в четыре ниже, чем там.

В уютном одноместном номере Валерия подтвердила заказ на завтрак в номере, распаковала вещи и приняла душ. Когда принесли завтрак, попросила свежие газеты и включила телевизор, чтобы сразу попасть в курс дел, происходивших в городе. Ничего особенно важного не узнала, выкурила еще одну сигарету и, посмотрев на часы, позвонила пресс-секретарю дамы, с которой у нее была назначена встреча на три часа дня. Пресс-секретарь была сама любезность, но сообщила, что у ее патронессы только что наметились важнейшая встреча в Смольном в два часа, так что не затруднит ли уважаемую журналистку перезвонить как раз около трех часов: возможно, Милена Семеновна освободится, а других важных дел у нее на сегодня не намечено.

Помедлив некоторое время, Валерия с огромной неохотой взялась за телефон и набрала номер собственной матушки. Аде, конечно, трижды наплевать, чем занимается Валерия, но если не позвонить в первые же часы после приезда в родной город, есть реальный шанс нарваться на тематический скандал "Забывтая старуха-мать". Особенно если отчима нет в Питере, хотя это-то как раз было бы неплохо. Так что в любом случае нужно звонить.

— Ада? — спросила Валерия, когда мать сняла трубку после третьего или четвертого звонка. — Это я. Я в Питере. Ты уже встала, дорогая?

— Ну что ты, милая, — раздался в ответ капризно-манерный голос Ады, — я же почти не сплю. В моем возрасте бессонница так распространена... Ты надолго к нам?

— На три дня. В командировку.

— Как чудесно, милая! Может быть, придешь завтра к нам на ужин? Сегодня, к сожалению, мы с Дато приглашены на прием...

Сожалеет она, как же! После посещения салонов красоты Ада больше всего любит ходить на всевозможные приемы и презентации. Каждый раз — в новом туалете и с умопомрачительными драгоценностями. А отчим это только поощряет: такая жена — ходячая реклама его бизнеса. Он владелец нескольких самых престижных салонов красоты в Питере, кроме того, как подозревала Валерия, через подставных лиц имел долю и в сверхприбыльном пивном бизнесе. Последнее, конечно, не слишком респектабельно, зато сверхвыгодно.

— С удовольствием, Ада. Часиков в семь?

— Да, милая, как обычно. Жаль, что ты без Бореньки.

— Мне тоже, — сквозь зубы проговорила Валерия. — Ты здорова? Тебя не утомит мой приезд?

— Ах, милая, я такая старая бабка, просто удивительно, как еще не развалилась совсем. Но ради тебя я готова на что угодно.

— Тогда до завтра, Адочка. Если что — звони мне на мобильный телефон, номер ты знаешь.

— Спасибо, милая, ты же знаешь, что я ненавижу телефоны. Но мне приятно, что ты это предлагаешь. До завтра. Я передам твой привет Дато.

До звонка пресс-секретарю оставалось еще два часа и проводить их в гостиничном номере, особенно в такую погоду, было просто глупо. Поэтому Валерия переоделась в необычайно шедший ей оливково-зеленый костюм с жакетом в талию и длинной расклешенной юбкой, надела туфли на высоких каблуках, которые были хороши тем, что в них можно было провести практически целый день, не испытывая ни малейшего дискомфорта и чуть-чуть подкасилась. В конце концов, она действительно заслужила небольшой отдых, особенно в родном городе, городе детства.

Валерия вышла на набережную, перешла через Дворцовый мост и углубилась в милые ее сердцу петербургские улицы — прямые, без московских закоулков-зигзагов, застроенные домами прошлого и позапрошлого веков. Город-музей, город-сказка под открытым небом, между прочим, здорово похорошевший со времени ее последнего приезда сюда. Это понятно — готовятся к юбилею, наводят лоск. Но посмотреть приятно, хотя автомобилистам, наверняка, приходится несладко: половина улиц перекопана или перегорожена. Что ж, может, хоть сейчас появятся нормальные дорожные покрытия, а не те ямы и выбоины, которыми всегда изобилывали городские улицы даже в центре.

На Лиговском проспекте Валерия углядела летнее кафе: тоже новое явление для Петербурга с его причудливыми погодными изменениями. Но сегодня это было самое то, и Валерия присела за уютный столик на двоих под тентом, рассчитывая на чашку более или менее приличного кофе и какой-нибудь рогалик. Тем более что уже через полчаса настанет время звонить пресс-секретарю и неизвестно, когда можно будет устроить себе хотя бы короткий перерыв.

Кофе оказался выше всяких похвал, именно такой, какой любила Валерия и тщетно добивалась в московских кафе, а вместо рогалика официантка принесла два маленьких, еще теплых круассана с сыром. Мелочи всегда удивительным образом поднимали Валерии настроение, вот и теперь она почувствовала какую-то свободу и легкость мысли, причем думать о Москве и всем, что там произошло, совершенно не хотелось. Она решила, что, если интервью все-таки состоится, то вечером она позвонит школьной подруге Милке или свяжется с еще одной одноклассницей — Софьей, а то и с обеими сразу, пригласит их в какое-нибудь тихое, респектабельное заведение и они всласть насплетничают о прошлом и настоящем.

Через пятнадцать минут выяснилось, что Милена Прекрасная все еще пребывает в Смольном и когда оттуда выберется — сама не знает. Поэтому она просит извинения, а также перенести встречу на завтра, ровно в полдень. Честью клянется, что на сей раз никаких накладок не будет.

— Вы знаете, что "Леди" — один из самых респектабельных и престижных журналов в России? — прервала Валерия пресс-секретаршу. — Или ваша патронесса думает, что имеет дело с газетой "Новости Козьякино"? Тогда это — ваш промах. Вы плохо выполняете свои обязанности.

— Но Смольный... — растерялась пресс-секретарша.

— Смольный, согласна, причина уважительная. Но если интервью сорвется и завтра, будьте уверены, я обеспечу публикацию такого материала о Милене Семеновне, что ее туда даже на благотворительный утреник никогда больше не пригласят.

Что же теперь делать? Валерия полистала записную книжку и набрала номер Милки. Долгие гудки, никакого ответа. Мобильником подруга обзавестись не удосужилась. Или не считает нужным. Кстати, может она сейчас элементарно на работе? Валерия набрала номер довольно популярной питерской газеты и попросила к телефону Людмилу Оленеву. После недолгого ожидания она узнала, что данная особа в этой газете уже около года не работает, а где трудится теперь — неизвестно. В последней фразе Валерии почудились некоторые нотки ехидства, но она не обратила на это особого внимания. Просто теперь нужно разыскивать Милку через Софью, вот и все.

Наученная первым опытом, Валерия позвонила Софье Кудрявцевой сразу в редакцию женского журнала, где она вела рубрику "Ваш дом — ваша крепость" и выяснила, что подруга находится в декретном отпуске. Не задумываясь над тем, что бы это значило, Ва-

лерия поблагодарила и набрала домашний номер Софки. Та, судя по всему, жила по-прежнему в коммунальной квартире недалеко от станции метро "Чернышевская", точнее, в доме рядом со станцией метро, и к телефону ее позвонила одна из соседок.

— Лерка! — обрадовалась Софка. — Какими судьбами? Сто лет не виделись. Надолго в Питер?

— На три дня в командировку, — сообщила Валерия. — Хотелось бы сбежать на нейтральной территории, посплетничать. Как ты сегодня вечером?

— Да как всегда! — с неожиданным раздражением отозвалась Софка. — Накормлю свой выводок, затолкаю в постель и сама спать завалюсь. Был бы телевизор...

— То есть? — не поняла Валерия.

— То и есть, что живу, как в каменном веке, только хуже. С тремя-то детьми...

— Слушай, Софка, я ничего не понимаю, — решительно сказала Валерия. — Я тут недалеко, могу подскочить, адрес помню. Что по дороге купить?

— Еды, — мрачно ответила подруга. — И без выкрутасов. Можно просто хлеба.

Через сорок минут, нагруженная пакетами с "едой без выкрутасов" Валерия звонила в давно знакомую ободранную дверь на четвертом этаже. Звонок все так же висел на одном проводке, а обивка, кажется, держалась только потому, что была невероятно грязной и просто прилипла к двери. Валерию стало тихонечко мутить: она уже начала забывать, что такое питерские коммуналки, а та, где жила Софка, считалась чуть ли не самой страшной (в смысле запущенности) во всем городе, причем считалась еще тогда, когда они в школу ходили.

Дверь открыла сама Софка, на руках у которой верещал младенец месяцев шести, а за юбку держался ребенок неопределенного пола лет двух. Третий, надо полагать, остался в комнате. Так оно и было: пройдя нескончаемый коридор с неизменными корытами и старыми велосипедами, подруги оказались перед дверью, из-за которой выглядывала замурзанная мордашка девчушки лет пяти.

— Мужа уволили, их контору вообще разогнали, — сообщила Софка, торопливо и жадно разбирая пакеты с продуктами. — Сначала в ларьке торговал, я-то второй раз случайно залетела, а аборт было делать поздно. Потом его и оттуда поперли, пить начал. После этого он вообще не просыхал — вот тут-то это сокровище и образовалось.

Она встряхнула задремавшего было на ее руках ребенка, который тут же заорал.

— А теперь что? — спросила оторопевшая Валерия.

— А теперь я даже не знаю, где он. Как пишут в газетах, "ушел из дома и не вернулся". Еще зимой, я только-только из роддома пришла. То ли замерз где-то по пьянке, то ли убили, то ли просто бомжует.

— Как же вы живете?

— А на детское пособие. Маловато, конечно, но что делать? Милке-то хорошо...

— Кстати, что с ней? — обрадовалась Валерия возможности сменить тему. — Я звонила, нигде не застала: дома нет, на работе сказали — уволилась.

— Она год назад уволилась. Появился богатый поклонник, обещал жениться, подарки дарил, а потом... проиграл ее в карты. И пошла Милочка по рукам, а пару месяцев тому назад угодила под шальную пулю при каких-то разборках своих кавалеров с милицией. Я и говорю: ей хорошо, она отмучилась. А я от этих куда денусь?

Было видно, что Софка хоть и рада приходу школьной подруги, но отчаянно стыдится убогости своего жилья, своего положения и вообще больше всего хочет, чтобы Валерия оставила их наедине с содержимым пакетов. Даже для виду не спросила, как она, как в Москве, как муж. Впрочем, благополучие и ухоженность Валерии еще резче бросались в глаза на фоне Софкиного жителя-бытья.

Валерия сбежала от нее через полчаса, всучив стодолларовую купюру. Понимала, что вроде бы откупается, но... У нее своих забот было полно, заниматься чужими проблемами было просто некогда.

Она вышла на улицу и задумчиво направилась куда глаза глядят. Посидели со старыми подругами, пошушукались. Да что за день такой в конце концов? Или это со вчерашнего хвост тянется? Она для порядка еще раз позвонила насчет завтрашнего интервью, получила от пресс-секретарши еще порцию клятвенных заверений, что завтра, ровно в полдень,

ее ждут, и не в офисе, а непосредственно в квартире Милены Семеновны, куда она после смерти мужа вообще никого не приглашает, и так далее и тому подобное. Значит, что-то до этой политизированной куклы дошло. И на том спасибо. Но времени-то — шесть часов вечера, что прикажете делать одной, пусть даже в городе, где родилась и ходила в школу? В Петергоф или в Павловск ехать поздно, бесцельно шататься по городу не хочется, в театр попробовать попасть — так туда билет нужен, который просто так не добывается.

На полупустой в этот час Итальянской улице ей попала на глаза вывеска ресторана "Мама Рома". С Римом у Валерии были связаны исключительно приятные воспоминания, там они с Бобом провели часть медового месяца. Да и поесть не мешало бы, пока народ не повалил во все кабаки подряд. Так что Валерия решительно поднялась по двум ступенькам к свежееотлакированной двери с двумя искусственными пальмами в кадках по бокам и вошла в вестибюль. Буквально через несколько минут она поняла, что сделала правильный выбор.

Это действительно был маленький кусочек Италии: и обслуживание, и блюда, и улыбочивые официанты, которые хотя и говорили по-русски, но больше ничем не отличались от своих заморских коллег.

Когда ей принесли большую чашку кофе и креманку с тремя разноцветными шариками мороженого, она чуть не замурыкала от удовольствия. Но сначала решила продлить его — выкурить сигарету. И тут перед ее лицом возникла выхолонная мужская рука с дорогой импортной зажигалкой — явно не рука официанта. Валерия прикурила, подняла глаза, чтобы поблагодарить и... обомлела.

Перед ней стоял известнейший певец, чьи концерты всегда собирали полные стадионы и залы, человек-легенда, о личной жизни которого никто ничего толком не знал, но изображения которого с гитарой периодически расклеивались на всех тумбах обеих столиц, чей голос ежедневно звучал по радио, а изображение хоть раз в неделю появлялось в одной из телевизионных программ.

— Вы позволите? — спросил он, указывая глазами на свободный стул за ее столиком.

Валерия, как во сне, кивнула.

— Если я мешаю, только скажите — я исчезну, — предупредил ее неожиданный визави. — А если вам не докучает мое общество, то позвольте представиться...

— Не надо, — обрета дар речи, сказала Валерия. — Неужели вы думаете, Михаил, что вас можно не узнать? Меня зовут Валерия.

— Можно узнать, что такая красивая женщина делает одна в нашем захолустье?

— Между прочим, я в этом городе родилась, — улыбнулась Валерия, — и прожила полжизни. Сейчас, правда, в командировке. Я журналистка.

— С ума сойти! — воскликнул Михаил. — Вот уж никогда бы не подумал! Решил, что вы фотомодель или актриса.

"Вот бы с кем сделать интервью, а не с моей красоткой-вдовушкой, — профессионально подумала Валерия. — Только ведь откажется, он принципиально интервью не дает, всем известно. Попробовать, конечно, можно".

— А вы не будете возражать, если мы отметим наше знакомство бокалом хорошего вина? — спросил Михаил.

— При одном условии: если вы согласитесь дать мне интервью.

Михаил на секунду задумался, потом тряхнул головой:

— Идет. Слово джентльмена. Завтра у меня сумасшедший день, а вот послезавтра...

Приходите на мой концерт, после него вас приведут ко мне в гримерку и вы получите ваше интервью.

— И все это — за удовольствие выпить бокал вина? — усмехнулась Валерия.

— Нет. За удовольствие провести с вами сегодняшний вечер. Так, как вы сочтете нужным.

"Что ж, Боб, я расплачусь с тобой твоей же монетой. И потом прощу с легким сердцем", — подумала Валерия, а вслух сказала:

— Считайте, что мы договорились.

Михаил взял ее руку и изысканно-медленно поднес к губам.

■
Окончание следует.

МОЛЮДОЙ бульвар

127-179 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Обычно, после любого тяжелого испытания, человеку хочется расслабиться, окинуть взглядом пройденный путь и удовлетворенно вздохнуть. Ну вот, с военкоматом мы отучились, бумажки собрали, медкоммиссию благополучно прошли. В этом пункте дороги будущих "срочников" и будущих контрактников расходятся, потому что последние без всяких проволочек, своим ходом являются в часть, принимают должность и начинают тихо и мирно трудиться на благо Отечества. Им-то что, они люди свободные...

О "срочниках" такого не скажешь. Им предстоит еще много интересного, необычного и даже неожиданного, завтрашний день покрыт для них мраком, и далеко не всегда этот день обещает быть тихим и мирным. Поэтому для финального расслабления и прощания с близкими обычно организуются проводы. Каждый из нас хоть раз провожал кого-нибудь в армию и знает, что это такое. Для тех, кто не знает, поясню: проводы — грандиозная пьянка, на которую приглашают девчонок, друзей, знакомых друзей и друзей знакомых хорошо провести время, а еще притупить у

ему придется проторчать в неудобном кресле наедине со своими черными мыслями, главное — время пошло.

На призывном пункте, который находится непосредственно в военкомате, всех вновь прибывших сажают в автобус и везут в воинский распределитель. Тут существуют свои традиции. Например, провожающие раскачивают автобус с призывниками или родственники заносят своего сына или брата в автобус вперед головой за руки и за ноги. Не обходится, конечно, и без материнских слез, ведь неизвестность всегда пугает. Но на деле все не так уж страшно.

Чисто внешне распределитель напоминает зал ожидания с рядами кресел, где будущие защитники Родины коротают время до приезда "покупателей". "Покупатели" — это представители воинских частей, которые приехали за новыми солдатами. А работник военкомата, который привозит тебя в распределитель, называется "продавцом".

Ждать приходится от двух-трех часов до нескольких суток. Ночуют там же, на креслах. Всем ожидающим выдается сухой паек. Время коротают, кто как может. Одни спят, другие играют в карты или на гитаре, третьи по-

ярмарка

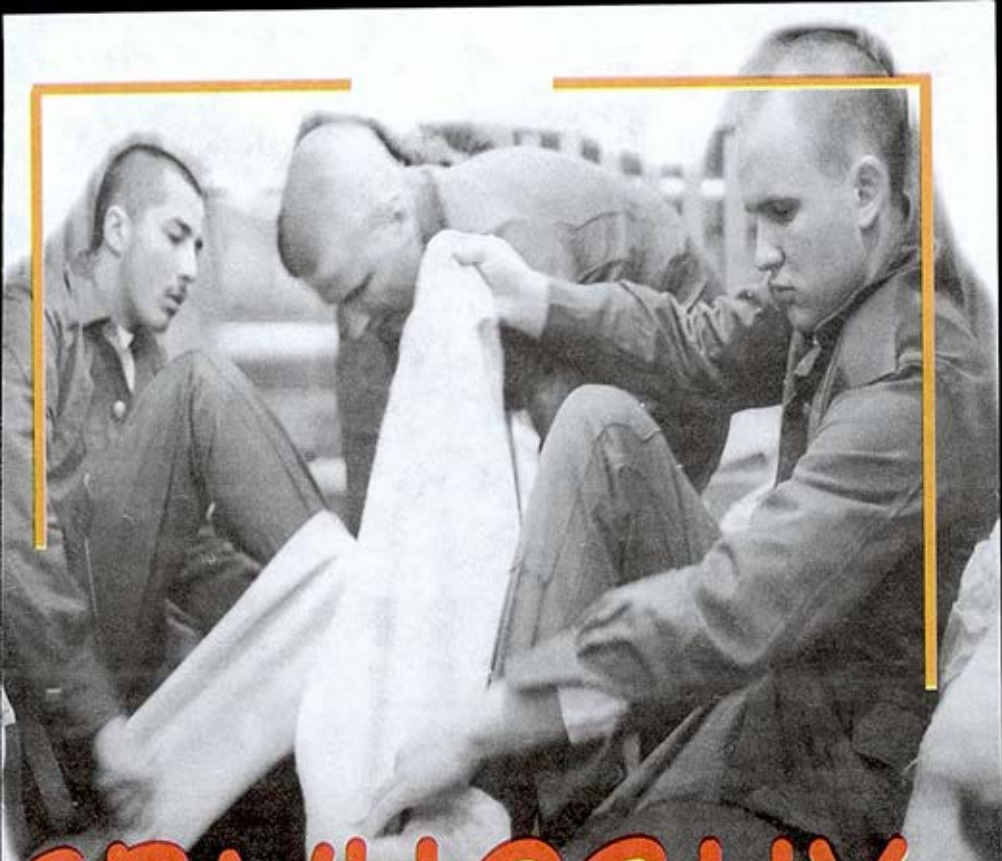
Екатерина ПОСТНИКОВА

призывника ощущение ужаса перед будущим.

Как правило, это удастся, и первые часы на призывном пункте и в распределителе проходят для новоиспеченного воина, как в тумане.

В общем-то, двухгодичный срок службы начинает отсчитываться с того момента, когда новобранец является на призывной пункт с вещами и получает в документах печать о прибытии. Дальше — уже неважно, сколько

степенно трезвеют после проводов (осознают, куда попали и судорожно думают, что же теперь делать), еще кто-то потихоньку "догоняется" тем, что сумел протащить с собой. Всех новобранцев, конечно, обыскивают (такие же срочники из служащих в военкомате) на предмет спиртного и колюще-режущих предметов, но русская нация — не зря самая изобретательная в мире. Есть, например, такой способ: еще дома попросить маму заказать в трехлитровую банку компот пополам

двуногих

со спиртом. Кто станет вскрывать домашние консервы?.. Поэтому пьяных в распределителе всегда много.

Нельзя сказать, что всем тут одинаково страшно. Скорее, наоборот.

Был один парень, приезжавший в распределитель третий раз. В первый он приехал, получил назначение в часть, но билетов на поезд не оказалось, и его на время отпустили домой. Можно представить изумление его близких в тот момент, когда он появился на

пороге. Сначала подумали, что парень просто сбежал, потом обрадовались, а через два или три дня вновь организовали пышные проводы. Но билетов все еще не было, и несчастный, потоптавшись, опять уехал домой. И, сидя в третий раз в распределителе, думал уже только об одном: "Когда же меня заберут?!"

Но вот, наконец, появляются "покупатели". Здесь бывает по-разному. Иногда просто называют фамилию и приказывают "на выход", не объясняя, куда тебя забирают и где

ты будешь служить. Иногда вызывают лично и спрашивают твое мнение. Но, в общем-то, все заранее predetermined, и возможность твоего выбора крайне ограничена.

"Элитными" считаются пограничные войска, ВДВ, спецназ, разведка, морская пехота. Всякие танкисты и ракетчики — это, скорее, "так себе". Связь почему-то не пользуется большим спросом, в минеры-саперы люди идти элементарно боятся, а различные вспомогательные войска вроде трубопроводных, понтонных или строительных уничтожительно называются "горно-водолазными" или "колено-копытными".

Тут важно следующее: "покупателя" надо заинтересовать. Чем больше у тебя всяческих талантов, тем выше твои шансы попасть в приличное место. Поэтому напрягайте память, вспоминайте, чем увлекались в детстве, сдувайте пыль с почетных грамот, полученных на школьных олимпиадах по литературе и рисованию, в общем, держайте. Согласитесь, го-

раздо приятнее быть художником, чем рыть канавы или сжигать опавшие листья.

Впрочем, тут есть свои нюансы. Например, единственный сын моей любимой учительницы, маляр-штукатур по образованию, сдуру показал в военкомате свой диплом, за что и поплатился: все два года армейской службы он непрерывно ремонтировал дачи командного состава в компании с такими же "везучиками". Их так и называли — "солдаты у дачи". Как он потом рассказывал, запах краски и растворителя номер 646 больше года преследовал его в кошмарных снах.

Может, некоторым такая служба и покажется сущей "халявой". И они будут где-то правы. Неизвестно, что лучше: строго-установленная часть, где шаг влево-вправо считается за побег, а прыжок вверх — за попытку улететь, или добровольно-рабский труд на благо отменно взятого генерала...

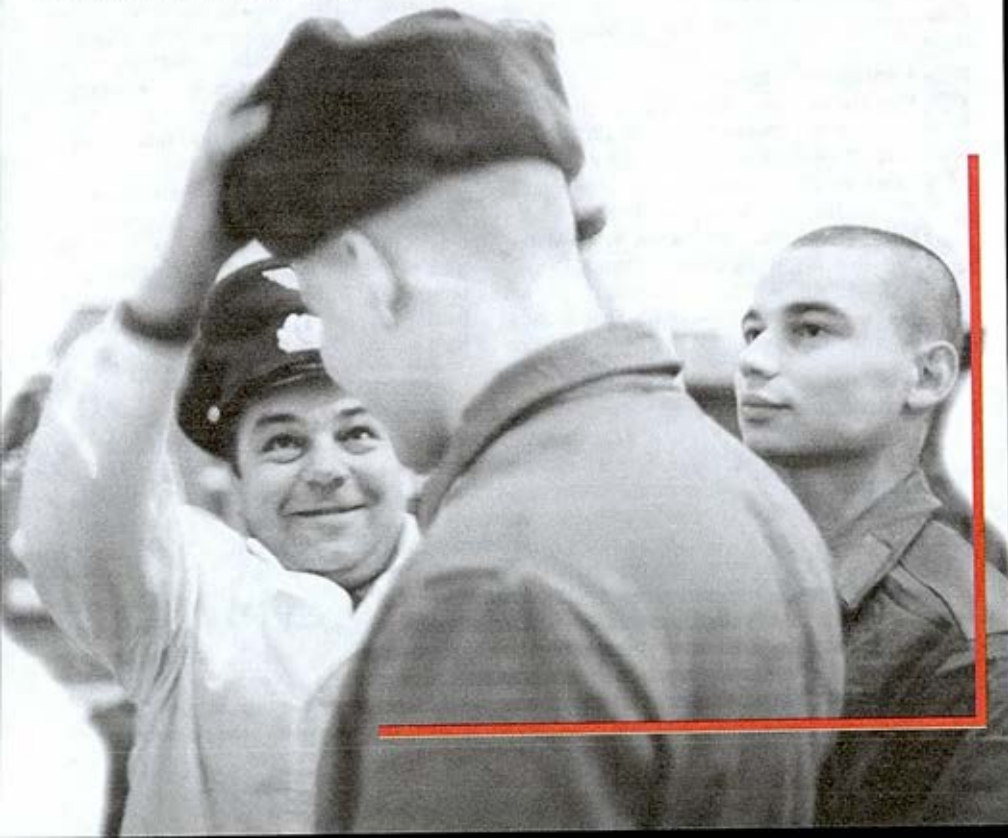
Вообще, трудно заранее предугадать, куда занесет тебя нелегкая.

Поэтому — история первая. **“Top Sekret”**.

Один мой друг, зовут его Андрей, попал в армию еще в период “перестройки”, а точнее в 1990 году. И занесла его та самая “нелегкая” в так называемый почтовый ящик, который представлял собой два здания почты в центре Москвы и крохотную территорию с елочками, обнесенную бетонным забором с зубастой “колючкой” в три ряда. Снаружи — самый настоящий сверхсекретный объект, даже таблички никакой не висит, просто глухая проходная да чугунные ворота с пиками поверху. Увидев все эти прелести, Андрей поначалу приуныл. И напрасно.

Как он позже рассказывал мне с ностальгической ноткой в голосе, более веселого и прикольного места, чем “контора”, в его жизни еще не было. Все сотрудники ходили там в гражданском, непрерывно пили чай, так же непрерывно разыгрывали друг друга, вешали смешные объявления, баловались с ЭВМ (то есть, по-теперешнему, компьюте-

ром), задавая ему невыполнимые задачи, и все в таком роде. “Срочники”, их было человек двадцать, жили в казарме, больше всего похожей на обычное общежитие с комнатками на восемь мест, там же питались, смотрели телевизор, мылись в маленьком душе, резались в “дурака” и бездельничали. Обязанностей у них было немного: прибраться в кабинетах, что-то отнести, что-то принести, сделать чертеж, помыть окна, заварить начальнику чай, повесить полку. Зачем в “конторе” вообще нужны солдаты, Андрей искренне не понимал, но служба ему нравилась. А почему нет? Никаких тебе нарядов, построений, физподготовки, ОГП, беготни в противогазах и прочей армейской экзотики. Даже форму они носили — кто во что горазд, без ремней, шапок, некоторые — с кедами и красными или черными футболками. Что такое сапоги, Андрей узнал лишь через восемь месяцев, на единственном за всю службу строевом смотре. В тот же день он с изумлением выяснил,

что начальник его, безбидный милейший человек, оказывается, целый полковник...

— Знаешь, — сказал мой друг в заключение своего рассказа, — у меня со словом "армия" больше всего ассоциируется голос дежурного по казарме, который в восемь утра бубнит прямо над ухом: "Мужики, хорош дрыхнуть, жратву привезли. Мужики, ну, ставайте, а..." В ответ в дежурного летит увесистый тапок.

В общем, порядки в "конторе" были самые демократичные. Два года пронесли со свистом. Это службой-то не назывешь, так, бесплатная работа на благо государства.

А вот другая история.

Назовем ее "Впечатлительный Доктор".

Сережа Коровин по кличке Доктор полгода проучился в медицинском училище, вылетел оттуда за прогулы и в восемнадцать лет, как положено, получил повестку в военкомат. На вопрос "Что ты умеешь делать?" он после долгих раздумий ответил: "Ну-у... вообще-то я на медбрата учился". Эту информацию где-то записали и на время забыли. всплыла она лишь тогда, когда в распре-

делителе появился скромный капитан из военного госпиталя. "На медбрата?" — оживился он и попросил позвать Сергея. А Сергей, я забыла упомянуть, зашкаливал ростом за два метра, пять лет занимался баскетболом, штангой и восточными единоборствами и на этом основании метил, само собой, в спецназ. Единственное, с чем у него имелись проблемы, это интеллект. Ну, не дал Бог, что ж тут поделаешь.

Капитан долго рассматривал богатыря-призывника, шушукался о чем-то с "продавцами", щурил глаза и загадочно улыбался. Наконец, вопрос был решен: "Поедешь со мной. Место хорошее, спокойное". Так Доктор попал в госпитальную хозобслужбу. Но лишь формально. На деле же его поставили — догадываетесь, куда? Правильно, в морг. Санитаром.

Госпиталь вообще мало чем отличается от обычной воинской части, о структуре и особенностях которой мы расскажем в следующем раз. Такие же утренние разводы (так на армейском языке называется построение), распорядок дня, такие же звания, разве что с добавлением слов "...медицинской службы",

в общем, армия как армия. Даже дедовщина там была: например, старослужащие развлекались тем, что заставляли "молодых" надуть резиновую клизму-грушу или катать их по территории на тележках для грязного белья, изображая голосом сирену "Скорой помощи". Не обошли традиции и морг: там каждого вновь прибывшего "проверяли на впечатлительность". Вот как это происходило.

Однажды глубокой ночью Доктор проснулся от неприятного холодного прикосновения к своей щеке и машинально схватил странный предмет, успев подумать, что это, наверное, один из "дедушек" подержал руку в ледяной воде, а потом дотронулся до его лица. Но все оказалось не так просто. То, что поймал сонный Сергей, действительно было кистью человеческой руки, да только без "дедушки" и вообще без хозяина — просто кистью. Вопль, который последовал за этим, перебудил всех солдат, двух дежурных медсестер и целое отделение этажом выше.

Постепенно Сергей привык работать в морге, хотя первое время страдал бессонницей или смотрел многосерийные кошмары. Ему стало даже нравиться: пациенты не руга-

ются, не капризничают, ничего не просят, и уронить такого с каталки при спуске по пандусу не страшно, жаловаться-то он не пойдет. Одно плохо — поговорить не с кем. Но и к этому он притерпелся.

Проблемы начались под самый "дедбель", когда от девушки Сергея неожиданно пришло письмо с сообщением, что через месяц она выходит замуж. Особой любви у них не наблюдалось, так, юношеская влюбленность. Но Доктор вдруг впал в заторможенное состояние, несколько дней ходил молча, опустив глаза и поминутно вздыхая, а потом повесился. К счастью, его успели откачать, и превратился солдат хозобслуги в пациента психиатрического отделения того же госпиталя. По словам врачей, во всем была виновата не девушка, а работа в морге, которая гораздо сильнее травмировала психику Сергея, чем мог предположить даже он сам.

Так что, товарищи, у любой медали есть две стороны.

Но случается и совершенно иначе. Не ищет человек "тихого местечка", хочет нормально служить, но словно закон подлости мешает.

Итак, история третья — “Жизнь на проводе”.

Алексей, недавно уволенный в запас младший сержант срочной службы, “свой” род войск выбрал еще до призыва. Судьба занесла его туда же, куда и меня — в пограничные войска (только не спрашивайте меня, где в Московской области пролегает граница — не знаю). Хотя, если строго придерживаться истины, “судьбой” это назвать трудно. Для того, чтобы не “пролететь”, Леше пришлось подключить все связи: он попросил своего знакомого, бывшего “пограничника”, переговорить с командованием тихой подмосковной части, расположенной километрах в пятнадцати от МКАД. Командование согласилось принять нового солдата. Поэтому Леша спокойно сидел в распределителе, дожидаясь, когда его заберут.

Приехал “покупатель”, и почти сразу же начались странности. Алексея вместе с остальными посадили в автобус и повезли, как он сам думал, сразу в часть. Ехать-то всего ничего. Но, будучи москвичом и отлично зная город, он вскоре заметил, что водитель без видимой цели катает призывников по центру Москвы, ничуть не приближаясь к Кольцевой дороге. Наконец, автобус подрулил к вокзалу, и Алексей, не выдержав, спросил “покупателя”: “Куда нас везут-то?” Тот с улыбкой отозвался: “Да ты не волнуйся, там горы, тепло...” Все стало окончательно ясно, когда купили билеты. В них значилось — Владикавказ.

К счастью, у любого призывника есть святое право на один звонок домой. Поэтому Алексей немедленно кинулся к таксофону, набрал домашний номер и, услышав голос матери, попросил позвать отца. Мать, естественно, почувствовала неладное и заставила сына сообщить роковую новость сначала ей. Потом все равно подошел отец, отстранив плачущую жену от аппарата, и взял дело в свои руки.

До поезда оставалось полтора часа. Много ли успеешь за это время? Леша задремал в кресле и проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Над ним стояли родители и старший брат с женой, причем брат уже ругался по мобильному телефону с частью, которая упустила своего будущего воина. На том конце про-

вода горячо обещали все уладить. В это время отец приказав сыну идти к брату и ни на шаг от него не отходить, подсел к сопровождающему призывников майору и спросил, в чем дело. “Да вы не волнуйтесь, — с благодушным спокойствием заметил майор. — Там хорошо, тепло, горы. Стреляют... иногда. Убивают на род, но... мало”.

Для справки: в тех местах (там, где тепло и горы) служил Евгений Родионов, простой подмосковный парнишка, которому чеченцы живьем отпилили ножовкой голову за отказ снять нательный крестик.

Слава Богу, для Алексея все закончилось хорошо. Через полчаса явился запыхавшийся представитель части и с извинениями забрал его туда, куда и было обещано.

Подобные сюрпризы случаются довольно часто. Хорошо еще, что на вокзале, куда призывников доставляют из распределителя, им дают возможность проститься с родными или позвонить. Но и то — не всегда. Был случай, парня забрали прямо из общежития, и родители его узнали обо всем лишь через две недели, когда он уже из части, с разрешения сержанта, дозвонился домой.

А еще, рассказывали, в одну часть везли 25 человек, и один из них на вокзале сбежал. Он хотел служить в ВДВ, его и забирали в ВДВ, но пограничники в последний момент перехватили личные дела новобранцев. Парень расстроился, позвонил отцу-офицеру, а отец ему говорит: мол, ничего теперь сделать нельзя, они имеют право первыми забирать людей. Тогда он отдал свой сотовый телефон друзьям и сбежал. Причем его разочарование и обида были такими сильными, что этого несостоявшегося десантника ищут уже более полугода, но пока безуспешно.

Полностью застраховаться от неожиданностей нельзя. Остается лишь надеяться на удачу.

Ведь все рано или поздно кончается, кончится и неопределенность, и перед вами распахнутся, наконец, ворота части, которая станет вашим “домом” на целых два года. С этого момента — забудьте все, что вы знали раньше, потому что в первый же день вас ждет главный сюрприз армейской службы.

Но об этом — в следующем номере. ■

Молодые,

да ранние...

проблема как таковая

**Анна
ШЕРКУНОВА**

Многие заблуждаются, думая, что проблема ранней беременности появилась только сейчас по причине якобы большой распушенности нашей сегодняшней молодежи. Это далеко не так. Еще в русских деревнях подпольными методами избавлялись от нежелательных беременностей. Отличие только в одном — раньше это счита-

лось огромным позором, да и не только аборт, но и сам факт отсутствия девственности у будущей невесты. Сейчас же все гораздо проще, наверное, поэтому процент ранних сексуальных связей резко возрос. К сожалению, многие родители стараются как можно дольше избегать пикантной темы, полагая, что их взрослеющий ребенок со

временем поймет все сам. Но не стоит забывать, что лучше родной мамы никто не может объяснить юной девочке, какие методы предохранения стоит использовать и как лучше себя вести с молодыми людьми.

Итак, давайте рассмотрим некоторые причины ранних беременностей.

Неосведомленность

Порой девушка считает себя полностью взрослой, готовой решить самостоятельно любые проблемы, но, как правило, это далеко не так. В результате — еще одно столкновение с суровыми реалиями взрослой жизни.

Случайность (самый распространенный вид)

Наивно полагая, что "древние" методы контрацепции помогут, девушка заведомо обрекает себя на беременность. Все должны помнить, мы живем в XXI веке! Вы же не добываете огонь с помощью камня и палки? Так зачем же полагаться на счастливый случай?

Изнасилование (более редкий вид)

Хотелось бы заметить, что большинство изнасилований происходит не со стороны маньяков, а вполне знакомых людей. В данном случае нельзя посоветовать что-то конкретное, так как часто сама девушка бывает не виновата в сложившейся ситуации (если не было провокаций с ее стороны). Лучший совет — срочно обратиться к специалистам во избежание дальнейших, еще больших проблем.

Распушенность

Ночные клубы с бесплатным входом, море алкоголя и наркотиков, разгульный образ жизни — это и есть причина беспорядочных половых связей. Если даже такая "приличная" девушка решит рожать, ребенок вряд ли будет здоров, и уж в этом некого винить, кроме самой себя...

Запланированная беременность (еще более редкий вид)

Конечно же, хотелось бы верить в сказки о счастливых ранних браках, но это, к со-

жалению, редкое исключение. В 14-17 обычно женятся не по желанию, а по обстоятельству. Чаще всего ранний брак случается как следствие беременности и, к сожалению, распадается в такие же кратчайшие сроки, как и происходит...

Ранние браки

Не так давно Совет федерации отклонил законопроект о браках с четырнадцати лет. Однако подросткам все же разрешается жениться, но при определенных условиях.

Главным образом, из-за незапланированной беременности или же по причине уже родившегося ребенка. Но сенаторы, несмотря ни на что, засомневались в правильности такого решения, поэтому оно было обжаловано. В провинции уже зарегистрированы случаи, когда местная власть давала разрешения на брак, и неблагополучная семья родителей-алкоголиков запросто отдавала ребенка за приличную плату всякого рода извращенцам.

У меня есть знакомая, которая в свои семнадцать лет полгода живет с молодым человеком. Она уже перенесла аборт, и не потому, что не хотела ребенка, просто врачи заключили — пока ей рожать по состоянию здоровья нельзя. Лена (назовем ее так) сильно переживала. Несмотря на юный возраст, она мечтала о ребенке, о семейной жизни с любимым человеком. Я спросила Лену:

— Когда ты поняла, что можешь связать свое будущее с этим человеком?

— Не знаю. Все произошло самой собой. Сначала мой молодой человек не обращал на меня никакого внимания. Я переживала жутко! Даже думала, что мне не суждено никогда быть рядом с ним. Но все изменилось в лучшую сторону. Его предложение переждать к нему я восприняла с радостью.

— Твоя беременность была запланирована?

— Нет, мы ничего не планировали. Когда я узнала о беременности — первая мысль была не избавляться от ребенка, а выходить замуж. Но увы... Так всегда и бы-

вает. Когда очень чего-то хочется, никогда не получается...

— Как родители отнеслись к твоему переезду?

— Мама меня поняла, а папа нет. Но я часто бываю дома, навещаю их. В конце концов мне через год восемнадцать!

— И что же будет дальше?

— Ой! Не думала! Надеюсь только на лучшее. Во всяком случае, выйти замуж я готова, а там все будет зависеть от любимого человека!

Пока у Лены все в порядке. Будем надеяться, надолго, а не только на первое время, ведь домашние хлопоты могут довольно быстро заглушить первую и такую романтическую любовь...

Другие правила

Но не стоит забывать, что во многих странах, например, того же близкого к нам Кавказа или более далеких Сирии, Арабских Эмиратах, брак с четырнадцати (а порой даже с двенадцати лет) совершенно обычная норма, и девушки обзаводятся потомством уже лет в шестнадцать. Трудно судить — правильно это или нет. Вот что говорит детский психолог Т.В. Ряболина: "Столь раннее вступление во взрослую семейную жизнь в дальнейшем пагубно сказывается на психологическом состоянии женщины, ведь по всем физиологическим параметрам в этом возрасте девушка еще развивается и, только перейдя границу восемнадцатилетнего возраста, сформировывается окончательно и по всем природным показателям способна рожать и воспитывать ребенка. Что же касается молодого человека, — здесь все обстоит еще хуже. Если мальчик не достиг совершеннолетия, он вообще с трудом понимает, что же такое семейная жизнь и домашний очаг, общеизвестно, мужчина развивается медленнее, чем женщина. Посему, спустя какое-то время, он отстраняется от своего дома. Я знаю, что разводы в данных странах весьма запрещены законами и даже иногда жестоко караются, но факт остается фактом. Кстати, стоит напомнить, что в большинстве случаев ранние союзы заключаются не по со-

гласию молодых людей, а по расчету их родителей. Однако эти порядки поддерживаются с давних времен, по ним девушки воспитываются уже с детства. И нам никто не дает права это осуждать..."

Все действительно так. Правда, стоит заметить, что уже давно многие восточные семьи, проживающие в Европе или даже в своих странах, постепенно отходят от старинных устоев. Так, например, моя знакомая Зарема (она из Ингушетии) говорит: "Я заранее сказала отцу, что выйду замуж только по любви и рожать буду после того, как выучусь. Он ответил, все это мое дело и мое решение. Конечно, я знаю, что "подходящую партию" родственники для меня все равно будут искать, но уверена, если не понравится их выбор, я ни за что не соглашусь жить с нелюбимым человеком! Вообще, ошибочно считают, что мусульманская женщина нашего времени не имеет права на свое мнение и решение".

Ранний брак и ранняя беременность, безусловно, взаимосвязанные понятия. Если углубляться в данную тему, то увидим, что в большинстве случаев, если брак заключается только вследствие зачатия ребенка, редко кому удается поддерживать долгую семейную жизнь. Но все же не стоит забывать — рождение новой жизни несоизмеримо лучше, чем очередная смерть...

Психологические особенности

Ранняя беременность, с психологической точки зрения, негативно влияет на девочку-подростков. Как уверяют врачи: "она замедляет развитие эмоционально-волевой сферы, ценностно-смысловых ориентаций, формирования полового и материнского поведения". Кстати, это вовсе не имеет значение, из какой семьи девочка — благополучной или неблагополучной. В последнее время и довольно обеспеченные семьи сталкиваются с данной проблемой.

Стоит упомянуть об отношении окружающих к незаконнорожденным детям. В обществе и по сей день существует предвзятое мнение о молодой маме, таким образом, за-

ведомо обрекающее молодых девушек на аборт. Психологи утверждают, что больше половины подростков решаются на избавление от нежелательной беременности из-за боязни резко отрицательного отношения со стороны окружающих. Ведь мы же сами порой косо смотрим в сторону пятнадцатилетних девочек, качающих коляску. Поэтому, попав в беду, у них вырабатывается определенный комплекс, они боятся с кем-то посоветоваться и принять правильное решение. Но девочка, оказавшись в столь сложной и, казалось бы, безвыходной ситуации, не должна забывать о главном советчике и помощнике, который вряд ли отвернется в любых, даже самых тяжелых обстоятельствах — это, конечно же, мама.

Если все произошло

Родители

Очень часто мы боимся после совершенных проступков, что родители нас, как минимум, не поймут и станут ругать, а как максимум, запрут на замок в доме с конфискацией мобильного телефона и всех нужных атрибутов молодежной жизни. Но возникшую проблему одной не решить. Сделать правильный выбор смогут помочь только люди, искренне сопереживающие тебе и готовые на все ради твоего благополучия. Поэтому всегда, а в особенности в таком случае, нужно обращаться к маме. Она прожила гораздо больше тебя и, соответственно, знает о жизни тоже больше. А девочкам нужно помнить, что ребенок — не новые ролики или велосипед, которые можно выкинуть и купить новые, а огромная ответственность и затрата больших психологических и физических сил. Избавление же от него и того хуже...

Подружки

Обсудить последнюю новость с подружкой — какой "Леха из параллельного "козел", что ушел к Машке", гораздо проще, нежели говорить о столь значимом ТОЛЬКО для тебя вопросе. Это не намек в сторону несостоятельности женской дружбы. Просто

то, что сейчас происходит с тобой, не может оценить никто, даже самая верная и надежная подружка. К подружке, конечно, стоит обратиться, но лишь за моральной поддержкой. Вдаваться в подробности, как все произошло, да почему, да отчего — только усугубление и без того плохой ситуации. Подруга, какая бы ни была преданная, обязательно поделится слогсшибательной новостью еще с кем-то. А лишние уши навряд ли пригодятся в такую минуту...

Молодой человек

По плачевной статистике молодые люди (чаще всего это, конечно же, тоже несовершеннолетние) предлагают избавляться от ребенка или вообще не признают своего отцовства. Объясняется это просто. Юноши боятся взваливать на себя огромную ответственность. Но попытаться поговорить с любимым, конечно же, необходимо. Уже по первой реакции станет понятно, в каком русле пойдет разговор. Не стоит кричать и закатывать истерики, это может еще больше оттолкнуть его. Но, к сожалению, надо признать, что в произошедшем винить некого, кроме себя самой...

Кризисные центры, телефоны доверия

Сейчас по всей России существует масса разнообразных кризисных центров и телефонов доверия. Когда сложно общаться на такого рода темы с глазу на глаз, лучше всего обратиться к телефону доверия. Вас внимательно выслушают и обязательно дадут правильный совет, как решить проблему. Кризисные центры гарантируют полную анонимность. Так что всегда можно найти бесплатную консультацию у психолога или врача-гинеколога. Так же в Москве существуют "дома-приюты" для беременных несовершеннолетних. Правда, пока таких заведений мало, и попасть туда крайне сложно.

Вот некоторые телефоны, которые, возможно, смогут помочь: изнасилование: 901 02 01; кризисные ситуации: 205 05 50; женские проблемы: 282 84 50.

"Избавление"

Говоря о ранней беременности, волей-неволей мы приблизились к самой неприятной теме, о которой и говорить-то не хочется, но, к сожалению, придется.

Ситуация в нашей стране крайне печальна. Ежегодно в России рожают около 70 000 несовершеннолетних, из них в Москве примерно 6 000. А аборт делается около 2,5 млн. Самопроизвольных выкидышей 1000. Частота возникновения бесплодия после абортов — 7 процентов. Ну у кого есть гарантия, что ты не в их числе?..

История Маши, 16 лет: "Я была совершенно обычной девчонкой. Так же как все, ходила в клубы, на дискотеки. Гуляла с парнями. Короче, занималась всем тем же, чем занимается молодежь в моем возрасте. Однажды я на очередной новогодней вечеринке повстречала Олега. Мир без него для меня перестал существовать... Если не видела его хотя бы день, сходила с ума, не могла ни о чем думать, даже учиться не могла! Он считался самым популярным мальчиком в нашем районе. Все мечтали с ним быть. Мне многие говорили, что он ловелас, и ему вообще по барабану, с кем встречаться, главное, чтоб хорошенькая... Я, дура, не верила. Мне его бывшая девушка Настя все на мозги капала: "Не стоит с ним гулять, ты не понимаешь, какой он человек". Я же считала — это обыкновенная женская зависть. В общем, за полгода нашей "любви" я потеряла всех своих старых знакомых, окончательно запустила учебу и настолько поссорилась с родителями, что готова была уйти из дома. Конечно, я спала с Олегом... Боялась потерять его. Представляете, я пребывала в полной уверенности, что выйду за него замуж! Узнала о своей беременности, находясь практически на втором месяце! Просто из-за постоянных головкружений решила купить тест. Буквально на крыльях летела к Олегу сообщить такую радостную новость! Я действительно чувствовала себя счастливой. Но Олег даже не дослушал мою пламенную речь о "нашей свадьбе, о том, что мальчика надо назвать в честь его дедушки и т.д." Он резко и так

колко засмеялся, что я непроизвольно замолчала. "Ты совсем чокнутая или притворяешься?" — единственное, что я помню из его слов. Деньги на аборт мне дала Настя, самое страшное заключалось в том, что она когда-то тоже пережила это с Олегом. Наркоз мне сделали плохой. Во время операции я сквозь сон слышала задорные голоса пожилых медсестер: "А может, ей вообще все зашить, так, на будущее!" До сих пор все помню, как будто вновь нахожусь там. Пока вроде бы все в порядке. Живу, а точнее, пытаюсь жить. Врач сказал, что я — в группе риска, зачать нормального, здорового ребенка будет очень проблематично..."

Последствия аборта:

- 1) Нарушение целостности стенки матки (перфорация) и ее разрыв. Это может привести к повреждению крупных сосудов, кишечника, мочевого пузыря и воспалению всего живота (перитонит).
  - 2) Кровотечения, повреждения шейки матки, нарушение свертываемости крови, эмболия.
  - 3) Неполное извлечение плодного яйца. В результате чего плод развивается снова и его приходится опять удалять.
  - 4) Обострение хронических заболеваний (сальпингофорит, эндометрит и т.д.).
  - 5) Занесение инфекций.
  - 6) Воспаление яичников и придатков.
  - 7) Маточная недостаточность.
- Результат: полное бесплодие.

В настоящее время одним из путей уменьшения количества абортов среди несовершеннолетних является профилактика непланированной беременности. Это проведение лекций, консультаций, показ тематических видеофильмов для старшеклассниц.

Основная проблема подростков — они не знают, какие противозачаточные средства нужно использовать. А все из-за боязни откровенного разговора с родителями или нежелания консультации со специалистами. НО! Задайте себе простой вопрос. Если

Анастасия ПИСКУНОВА

вы считаете себя достаточно взрослыми для сексуальных отношений, то почему же так легкомысленно относиться к здоровью друг друга?

Сегодня в связи с огромным количеством информации, обрушивающейся на подростковые неокрепшие умы, мы сталкиваемся с многообразием проблем, которых, возможно, могли бы избежать. К сожалению, с приходом вседозволенности наша молодежь потеряла самое главное — барьеры и запреты, доселе не нарушаемые и непоколебимые. По всем физиологическим параметрам половая зрелость приходится на возраст около четырнадцати-шестнадцати лет у девушек и шестнадцати-восемнадцати у юношей. Но это не означает, что уже в столь нежный период можно начинать вести серьезные взрослые отношения. Даже если уверены в этом, то будьте оба готовы к любым взрослым неприятностям, связанным с вашими желаниями. К тому же, помимо нежелательной беременности, не стоит забывать и про букет заболеваний, которыми может спокойно "наградить" ваш партнер!

Мы допускаем множество ошибок в свои молодые годы. Это было всегда, наверняка, будет и впредь. Потому что человек создан для своего дальнейшего развития и постижения мира, своей и чужой сущности. Но счастье материнства дается нам от Бога. Из-за своих глупостей мы заведомо обрекаем себя на лишение этого удивительного, и, пожалуй, самого светлого момента в жизни — способности родить. Каждый дурак может взять в руки ружье и убить. А вот подарить жизнь, увы, сейчас уже не каждый... Заботиться о себе с самых юных лет — это не обречь на страшные мучения в будущем. Нужно всегда помнить о том, что за наши проступки мы отвечаем сами, и допущенные когда-то ошибки в дальнейшем обязательно дадут о себе знать! ■

Для большинства народов пиво — часть традиции. В Европе его история началась в Чехии, там впервые сварили ячменный напиток в 1087 году. И с этого времени все нации пьют пиво: немцы, англичане, чехи, русские... Пьют его, как правило, в питейных заведениях. Это может быть крохотный подвальчик, шикарный ресторан, сельский трактир, придорожное кафе, немецкая пивная, английский паб, пивной ресторан или бар. Сейчас во многих странах проводятся пивные фестивали, немцы стали первыми в мире, кто придумал устраивать в честь пива праздники. Самый старый и самый большой — "Октоберфест" — осенний ежегодный пивной фестиваль. В среднем на одного взрослого жителя Германии приходится около 240 литров пива в год. А в последнее время на ежегодном фестивале пива выпивается около 60000 гектолитров 7 миллионами участников. Также съедается 700000 кур и 500000 жареных колбасок.

Многие люди в разных странах после работы выпивают по кружке пива. Они сами отвечают за свое здоровье, и это их сознательный выбор. С одной стороны, пиво — продолжение народной традиции, с другой, — легкий допинг. Смешно говорить о том, что

пить пиво вообще нельзя. Другое дело, кому пить и в каком количестве.

Пивной беспредел

Проблема алкоголизма в России одна из самых больных. Нация спивается. И, что самое прискорбное, спиваться начинают с подросткового возраста. Детский алкоголизм — вообще трагедия, он в два раза опаснее женского алкоголизма. Проблема вовсе не в напитке, а в злоупотреблении. Мало кто в России обладает чувством меры.

Сколько я себя помню, на улице творится неизвестно что. Куда бы ни пошла, застаешь одну и ту же картину. В песочнице, где возятся малыши, подростки и люди солидного возраста пьют пиво. Идет ребенок в школу, и опять пьется то самое пиво, а после уроков — тем более, самое милое дело. Возвращаешься вечером домой — в вагоне опять пьют. А если до поездки в метро еще

кто-то не успел выпить, то градус набирается по дороге. Около метро, в переходах... Ужас! А ведь это чьи-то родители, чьи-то дети. Через несколько лет у них будет своя семья. И какой она будет, никому не известно.

Отчего подростки пьют пиво?

Скорее всего, из-за подростковой неуверенности в себе, желания казаться лучше, чем они есть на самом деле. Они хотят быть похожими на взрослых успешных людей. Пиво, по мнению многих подростков, способ стать взрослее, влиться в определенную

Пиво вредит?

группу сверстников, завоевать авторитет и расположение противоположного пола.

В школе, где проходит большая часть жизни подростка, все испытания, неумение или нежелание справляться с проблемами и сложными отношениями с учителями вызывают желание уйти от проблемы. Это как допинг, к которому возникает привыкание, появляется потребность организма в нем.

Но при этом никто не задумывается, что в тех странах, где потребление пива стало традиционным на протяжении многих столетий, человеческий организм генетически адаптировался к нему, тогда как в России новое, особенно молодое поколение не подготовлено к чрезмерному употреблению пива, которое начинает постепенно разрушать человека как личность, и, в первую очередь, — разрушать его печень.

Заманчивая реклама. Кто устоит?

Дети смотрят телевизионную рекламу, в которой взрослые, веселые, успешные люди пьют пиво.

Пьянство в России приобрело гигантский масштаб и без всякой рекламы, а с рекламой — катастрофические размеры. В данном случае прием алкоголя у подростка ассоциируется с успешностью, удачей и жизнерадостностью. А рекламодателям это выгодно. Даже слоган одной из самых известных марок пива, "Клинское" — "Продвинутое пиво". Раньше никто ещё не решался так открыто спавивать молодежь. В слогане заключена молодёжная лексика. Реклама заманчива, возникает желание стать похожими на героев рекламы: счастливых, не загруженных ребят-сверстников. До этого "Клинское" обладало имиджем народной марки, теперь же оно стало "продвинутым", молодёжным.

Я всегда с собой беру...

В школах и университетах возрастает тревога по поводу злоупотребления алкоголем среди учеников и студентов. Разгулы и пьянство, а также большая роль алкоголя в таких

преступлениях, как изнасилования и жестокое обращение в семье. Поэтому выгодные контракты между производителями пива и спортивными университетскими администрациями привлекают пристальное внимание. Несмотря на то, что большинство школ не продают алкоголь в спортивных залах и даже запрещают фанатам приносить его на стадион, те же самые фанаты видят много рекламы пива внутри стадионов. От такой рекламы компания получает большую прибыль. По мнению специалистов фирмы, болельщики особенно склонны покупать пиво, поэтому пивные компании используют спонсорство для "налаживания контакта" с любителями пива, улучшая в их глазах свой образ и повышая узнаваемость своей торговой марки. Сейчас проблема не в определенной марке, а в тенденции — пивники как спонсоры спортивных мероприятий совершают социально вредное дело, это очевидно.

Хотелось как лучше

Также влияет тяжелая обстановка в семье. Неумение и нежелание решать житейские проблемы приводят к чрезмерному употреблению алкоголя. Кажется, выпил бутылку пива — и никаких проблем. И тогда начинается постепенный переход из группы пьющих в группу хронических алкоголиков.

Кто-то пьёт для интереса, для поддержания компании, тогда прием алкоголя становится источником комфортного душевного состояния. Но постепенно начинает формироваться психологическая зависимость. Смысл приема алкоголя становится только, чтобы поднять настроение. Начинают пить не для того, чтобы почувствовать себя хорошо, а для того, чтобы не почувствовать себя плохо.

Вот, что по поводу проблемы подросткового алкоголизма говорит врач-нарколог Наркологической клинической больницы №17, Прокофьева Елена Васильевна:

— Алкоголизм в целом — это хроническое заболевание, вызванное систематическим употреблением спиртных напитков. Вначале алкогольное отравление ведет к функциональным изменениям обмена веществ.

После того, как возникает психологическая зависимость, пьянство превращается в болезнь.

По данным статистики, взрослые трудоспособные россияне выпивают до 25 литров чистого алкоголя в год, а про то, сколько употребляют подростки, и говорить страшно. На улице, в вагоне метро, по дороге в школу, в кинотеатре и кафе подростки пьют пиво. Им кажется, что это почти безвредный слабоалкогольный напиток, но они глубоко заблуждаются...

Наиболее высокая заболеваемость хроническим алкоголизмом в 18-22 года. А в возрасте 40-45 лет отмечается наибольшая смертность людей от употребления алкоголя.

Каждый второй алкоголик начал выпивать с 14 лет.

Злоупотребление подростка пивом может вызвать:

1. Поражения головного мозга, центральной нервной системы, печени, желудка, почек и других органов.

2. Угнетение ферментативной активности организма.

3. Алкоголь является одним из основных факторов возникновения гипертонической болезни, инфарктов, инсультов и онкологических заболеваний.

4. Половую слабость и импотенцию.

5. Психозы, деградацию личности.

Алкогольная зависимость начинается с психической зависимости, которая поначалу проявляется в том, что алкоголик ищет повод для выпивки. Начинается быстрое опьянение, часто наблюдается похмельный синдром и длительные запои.

Алкоголь и другие активные вещества обладают свойством не оставаться на од-

ном и том же уровне, а вызывать в организме потребность постоянного повышения дозы приема алкоголя, благодаря которому возникает комфортное душевное состояние. Появляются разнообразные сбои в организме, формируется болезнь, а подростковый алкоголизм более злокачественный. Он гораздо быстрее прогрессирует из запойной формы в постоянную. Нарушается личность человека, возникает психопатоподобное состояние. У молодого, еще не сформировавшегося мозга начинается снижение интеллекта и памяти.

Алкоголь пагубно влияет на клетки мозга и нервной системы. Скоро будет тяжело адаптироваться в современном социуме, а в будущем пьянство может привести к потере работы и снижению интеллекта.

Для организма пиво гораздо опаснее водки и других более качественных алкогольных напитков. Пиво выводится из организма в 4 раза дольше вина. Подростки, балуясь пивом, думают, что они пьют слабоалкогольный напиток, почти лимонад, а на самом деле этот напиток гораздо пагубнее и гораздо дольше действует негативно на организм. Но ни один подросток, к сожалению, даже не задумывается над этим. Если задумается, то придется принимать решение, а решение принимать — нужна ответственность. Трудно все это...

Потребность в повышении градуса приводит к потреблению более крепких сортов пива, совмещению его с марихуаной, что ещё пагубнее действует на организм. Крепкие спиртные напитки никогда не совмещаются с наркотическими веществами, потому что могут вызвать летальный исход.

Большинство подростков действует по принципу: "Выпил — и проблема решена". Но это способ только расслабиться на время, а не решить проблему, это, скорее, уход от нее, просто отключиться на какой-то момент.

...И тем не менее, пиво варили еще в Древнем Египте, пять тысяч лет назад человек научился превращать ячмень в золотистый, бодрящий напиток. И ничего страшного не происходило. Скорее всего, пили в меру. ■

путевые заметки

Бертрана
Въедливого,

нижнего,
и экстремал

Жизнь и судьба путешественника зависят от многих факторов, но в первую очередь от промысла Божьего. Я сидел в вагоне электрички "Ростов — Азов" и не просто сидел, а двигался уже чуть более часа в сторону Азова, когда выяснилось (неожиданно заработал до этого не работавший селектор громкой связи, объявляющий остановки), что я еду в столицу Войска Донского — Новочеркасск. Меня это не удивило. Для путешественника-пригородника" это обычное происшествие. Садись в поезд на Тамбов, спеши на день рождения к тетке, а оказываешься на похоронах дядьки в пригороде Лос-Ан-

джелеса. Ну что ж, Новочеркасск так Новочеркасск.

Электрпоезд "Ростов — Новочеркасск"

— Ваш билет.

Я протягиваю контролеру, в напоминающей генеральскую, железнодорожной форме, билет.

— Ты куда едешь? — заинтересованно спросил у меня контролер, рассматривая билет.

— В Азов. — Решил я, вопреки фактам, следовать первично выбранному маршруту.

— Ну, тогда привет Азову, — злорадно посмотрел на меня контролер и, чтобы преждевременно не разрушить мою иллюзию, с удовольствием прокомментировал билет. Ну да как говорится: "Не было бы счастья, да несчастье под боком оказалось".

После контролера до самой станции Пятихатки под Новочеркасском ничего значительного не произошло. Не произошло ничего и на самой станции Пятихатки, если не считать того, что разрушивший мои планы насчет Азова селектор поведал голосом машиниста, что "Да пошел он... (звуковой сигнал — Б.В.) твой Чурилов. Я его в гробу ви...". Щелчок, тишина, снова щелчок и селектор rispetабельно сообщил: "Новочеркасск, конечная".

Новочеркасск — столица Войска Донского

Я, конечно, не Радищев, написавший "Путешествие из Петербурга в Москву", а Бертран Вьедливый, но, тем не менее, город Новочеркасск описать (ударение на втором слоге — Б.В.) смогу. Во-первых, зи-

ма, дует ветер и вообще фигово. Во-вторых, вокруг полно всего такого, чего полно по всем вокзалам России — ларьков с пивом, напитками и всякой сопутствующей их распитию фигней. В-третьих, ни одного сотника, ни одного есаула я не увидел, казачьи разъезды не проскакивали мимо меня и вокзала. Никто не огрел меня нагайкой и не рубанул шашкой. В-четвертых, меня захлестнула здравая, но явно запоздавшая мысль: "На фига ты приперся в город, где ты и на фиг никому не нужен?" За сорок минут, что я шлялся вокруг вокзала, ожидая электричку на Азов через Ростов, мне удалось выяснить, что в Новочеркасске есть знаменитый и красивый Православный Храм и знаменитая, исполняющая судебные и расстрельные (когда они были) приговоры, тюрьма. Через сорок минут, когда выяснилось, что электричку на Азов (через Ростов) отменили и следующая будет через два часа, и что девушки при такой погоде и таком настроении кажутся "и накрашенные страшные, и ненакрашенные страшные", я передумал ехать в Азов и поехал в город Ейск Краснодарского края. Тем более, что проводница Таня и ее старшая коллега Полина Ивановна из остановившегося на пять минут в Новочеркасске поезда "Москва—Кисловодск" так и сказали мне:

— Едь бесплатно, но только до самого Ейска в тамбуре. Вот тебе веник и лопатка. Подметешь в тамбуре и через полчаса угольку в печку подбросишь.

На пути к Ейску

Тамбур поезда дальнего следования совсем не то место, в котором можно познать одиночество и безопасность. Сразу же после того, как скорый поезд "Москва — Кисловодск" ринулся, прервав общение с Новочеркасском, в сторону Кисловодска... Сразу же после того... Сразу же... В тамбур вошла ДЕВУШКА. Можно, конечно, спорить и приводить всякие аргументы насчет ее се-

путевые заметки
Бертрана Вьедливого, ЛУЖОНА и экстремала

ксуальной психики и тому подобное, но по возрасту, на ее лице была печать моей сверстницы и агрессивной наивности, она была ДЕВУШКОЙ. Я как стоял, так и застыл. ДЕВУШКА достала из кармана стеганой куртки сигареты "Парламент", закурила и, бросив на меня взгляд исподлобья, с небрежностью поинтересовалась:

— Что, хороша Маша, да не ваша? — Она сплюнула на пол. — У меня пацан уже есть, так что можешь ко мне не подкатывать.

Я как стоял, так и продолжал стоять, боясь шевельнуться. ДЕВУШКА пристально посмотрела на меня, хмыкнула и с осуждением покачала головой.

— Вот видишь, как в жизни все не по твоему получается, кобель. Увидел меня и готов, влюбился, а у меня другой есть и я его не оставляю ради тебя, понял, сладкожека городской.

ДЕВУШКА презрительно взглянула на меня. Стукнула очень даже хлестко кулаком правой руки по ладони левой и, бросив окурок на пол, покинула тамбур. А я как стоял, так и продолжал стоять, боясь шевельнуться. Было! Было что-то в этой ДЕВУШКЕ такое, от чего хотелось смеяться, тосковать и быть готовым к защите от агрессии. Смех навевала ее манера разговаривать. Она говорила со мной так, как будто я стою перед ней на коленях и умоляю стать моей любовницей с окладом пять тысяч рублей в месяц, едой и выдачей раз в три месяца спецодежды. Тоску навевала ее внешность и одежда. Она походила на чугунную гирию высотой полтора метра с ногами и в куртке. Самым тоскливым моментом оказались красные сапоги-чулки, уходящие голенищами под черную стеганую куртку. К тому же она была сильной и внутренне агрессивной. Отчего-то стало понятно, что в спарринге с ней я был бы проигравшей стороной. Но самым невероятным, даже страшновато-парадоксальным моментом было то, что от нее исходило ровное, мощное и ни с чем не спутываемое обаяние изощренной сексапильности. Той самой, от которой теряют головы режиссеры русских телесериалов и пресы-

щенные сексом столичные мужчины. То есть, ДЕВУШКА была желанной, чудной и роковой для любого знающего толк в женщинах. Я в женщинах никакого толка не знал и поэтому просто-напросто боялся ДЕВУШКИ...

Через десять минут меня вывела из оцепенения заглянувшая в тамбур проводница. Она спросила:

— Ты что, совсем?

— Немного поколебавшись, я ответил:

— Частично.

— Ну тогда пошли пить чай...

Я пил чай, смотрел в окно, краем уха слушал рассказ проводницы Полины Ивановны о том, что "жизнь бьет ключом", ключ ударяет по голове. Вторая проводница Танечка время от времени заглядывала в служебное купе, неодобрительно окидывала меня взглядом и вновь куда-то исчезала. А я продолжал пить чай, смотреть в окно, слушать Полину Ивановну и думать: "Ейск зимой — это совсем не то, что осень в Гаграх".

Ейск

Я стоял в центре Ейска на пересечении Ростовской и Армавирской улиц, смотрел в сторону Таганрогского залива, там, где Приморский парк, и думал: "Пойти ли мне в сторону Харьковской и Орловской улиц или прямым ходом двинуть на улицу Московскую, пересечь Бердянскую и "хватать вагон, вокзал отходит", то есть, ну его на фиг, этот Ейск. В жизни, это всем известно, всегда так. Мечтаешь "в белом костюме по Рио-де-Жанейро", а вместо этого стоишь продуваемый всеми ветрами посередине зимнего Ейска.

В городе Ейске полным-полно летчиков, тут у них "гнездо" — Высшее ейское летное училище. В городе Ейске живут ейчане, их здесь, как и летчиков, много. Судя по выражению лиц проходящих мимо меня ейчан и летчиков, они, как и я, хотели "в белом по Рио", но вместо этого им, как и мне, дули в лица, уши и затылки холод-

ные ветры со стороны Ейского лимана, то есть из района Железнодорожной улицы, со стороны Таганрогского залива, со стороны Приморского парка и непосредственно из самого Азовского моря, то есть из района Ейской косы и улицы (ах, лето!) Пляжной.

В городе Ейске полным-полно частного садового (герань на окне, куры под окном, яблони и удобства во дворе) сектора. Многоэтажных домов в городских районах тоже хватает, но они не делают погоды и даже не бросаются, как летчики, в глаза. Одним словом, да простят меня ейчане, зимой в этом городе делать нечего. А летом, если убрать летное училище и вокзал, отодвинуть на сто километров море, то это будет не город и даже не Ейск, а так, дыра дырой, хуже чем Москва в июле, когда вокруг тебя Садовое кольцо и жара под тридцать, а ты сидишь посредине автомобильной пробки в такси без кондиционера.

Я примирился с Ейском только после того, как, продуваемый всеми ветрами, свернул с Ростовской на Одесскую улицу и, направившись к улице Безымянной, УВИДЕЛ...

Старый заколоченный дом за старым штакетным забором. Двор был лишен какой-либо растительности и вытопан, словно сельская танцплощадка. Лишь только одно-единственное яблоневое дерево и куст боярышника под ним стояли в самом центре частного-дворового пустыря. Зима при отсутствии снега, сильном ветре и минусе три градуса мороза — это нечто среднее между кошмаром и глубокой старостью. На самой верхушке одинокой, лишенной листьев яблони висело большое, красно-белое, жизнерадостное яблоко, а лишенный листьев чахлый кустик боярышника под ней был густо усыпан красными ягодами. Я, потрясенный, остановился и замер. Какой-то радостно-траурный "сюр" проявлялся в пейзаже. Было похоже, что этот момент поджидал меня — яблоко, словно в замедленной съемке, оторвалось от ветки и рухнуло в самый центр боярышника. Куст "вскинул" в восторге ветви-руки

и уронил на землю все до единой ягоды, оставшись жалким, серым и голым. От дальнейших переживаний меня спасли оптимистические трели мобильника, из которого под видом усталого, но наполненного энергией желая, голосом московской "бессонницы", студентки журфака Клары Иволгиной, поведали мне о том, что "Вернись в Москву, иначе все пропало". Аргументы в сочетании с "Иволгой" меня всегда убеждали, поэтому через сорок минут я очутился на вокзале и вокзал, можете мне поверить, как две капли воды походил на лишенный снега, продуваемый всеми ветрами, наполненный летчиками и ейчанами, зябкий Ейск...

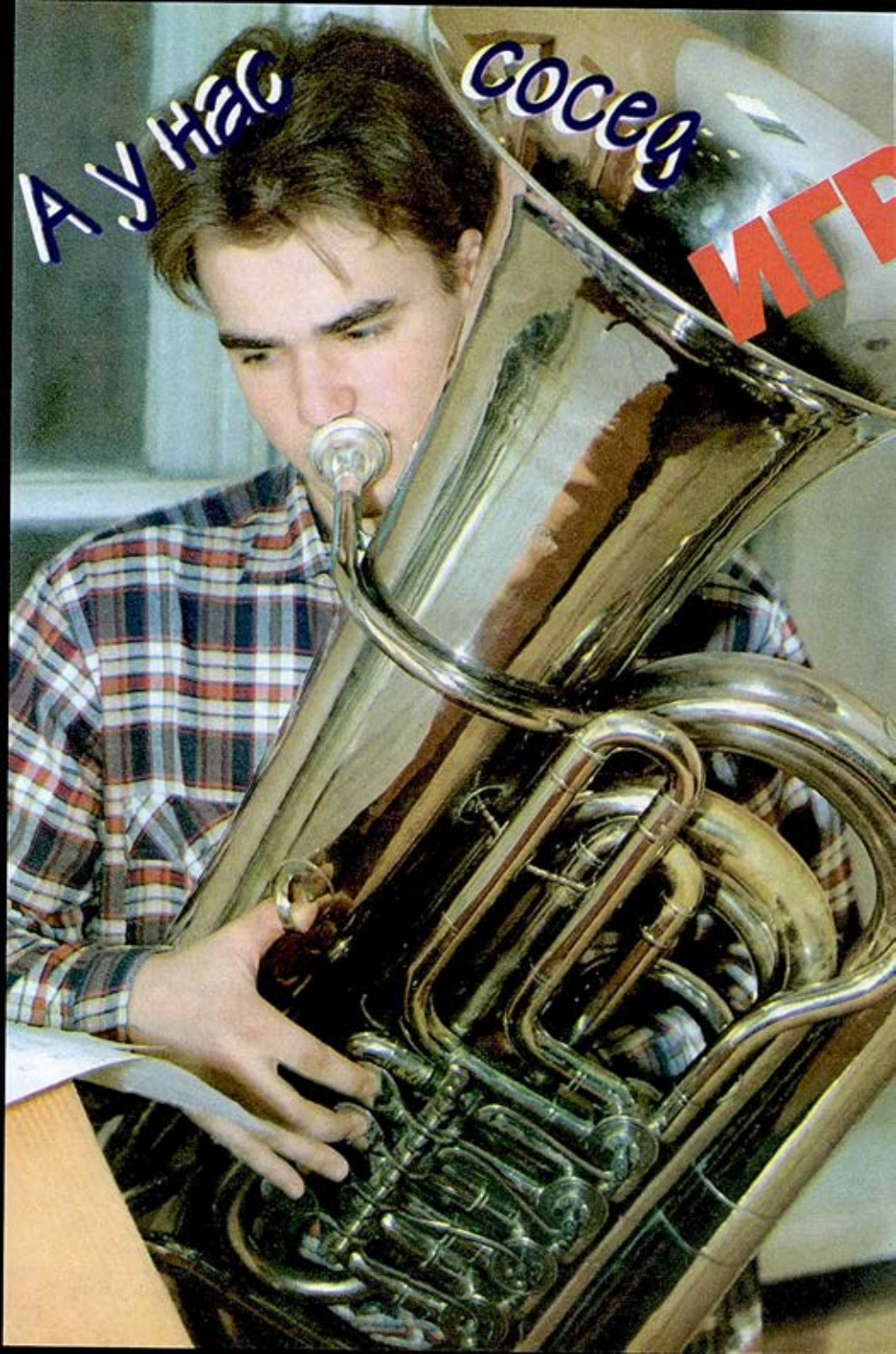
Звонок "бессонницы" Иволгиной совсем не означал, что я отказался от дальнейшего пути в глубь и ширь юга России. Ни в коем случае! От юга еще никто и никогда не отказывался в мирное время и при более-менее здравом рассудке, а мой рассудок более-менее здрав. Но юг на то и юг, чтобы жить, смотреть и путешествовать по нему в весенне-летне-началоосеннее время. Январь, февраль и даже куски марта совсем не приспособлены для этого. А вот Москва, с целым набором южных, северных и восточно-западных "бессонниц" во главе с Klarой Иволгиной, куда как более приспособлена к зиме, впрочем, как и к лету, не говоря уже о весне и осени. У меня полно друзей, которые не сразу и не вдруг, а лишь после некоторого раздумья, могут удовлетворительно ответить на вопрос: "Какое сейчас время года?". Все они москвичи, и все они студенты, плюс два аспиранта, страдающие от многочисленных "бессонниц". Так что Москве и москвичам по фигуре, какое время на дворе, лишь бы оно было благообразным. Одним словом, мне срочно понадобилось уехать в Москву. Я твердо решил, что как только я себя обнаружу посредине Тверского бульвара в шортах, майке и шлепанцах, то сразу же махну на юг, в Сочи, например, или Анапу, без разницы, хотя бы даже и в Майкоп, не говоря уже о Туапсе и Геленджике, где живут геленджикяне...

Продолжение следует.

А у нас

гоцев

WTF

10 ЛЕТ на кларнете

Согласно греческой мифологии, первым музыкальным инструментом была дудка. Бог Пан как-то сидел на берегу реки и дул в тростники. И вдруг услышал, как его дыхание, проходя через растения, издает печальные звуки. Тогда он наломал тростника разной длины, связал вместе и ... стал обладателем первого музыкального инструмента. Ну а самыми древними инструментами, созданными уже человеком, безусловно, были свистки и те же тростниковые трубки. Позже изобрели духовые инструменты. Делали их из рогов животных.

А потом прошли столетия, и каждый приход, каждая церковь уже хотели иметь свой собственный духовой оркестр. Потому что ни одно венчание, ни один праздник не обходился без музыки. В результате практически все города Европы стали обладателями своего маленького духового оркестра. Оркестры эти были безумно популярны, их приглашали играть военным на марше. Затем полки стали набирать и обучать свои собственные оркестры, потом разные учебные заведения, университеты и академии. В конце концов, уже миллионы людей могли наслаждаться звучанием духового оркестра на парадах, в концертных залах и парках. Наверное, и вам приходилось когда-то, гуляя по парку, вдруг услышать его игру, и, даже не отдавая себе отчета, идти на звуки живой музыки, притягивающей и завораживающей...

Но, к сожалению, такое в последнее время случается все реже и реже. В парках в основном играет привнесшая попса или сводит однообразные пластинки ди-джей. Кажется, что сыграно и спето все, а времена духовых оркестров ушли в безвозвратное прошлое. Однако это только кажется.

И вот я иду в гости к музыканту. Красивый, стильный, умный, современный, молодой человек. Но вы никогда не догадаетесь, на каком инструменте играет Павел Новиков.

Конечно, я подскажу. По конструкции инструмент напоминает трубу большого разме-

ра. Его корпус, изготавливаемый из латунной жести, представляет собой длинную, свернутую в несколько раз и постепенно расширяющуюся трубку, длина которой в развернутом виде достигает четырех метров. Инструмент выполняет функцию басовой опоры среди медных инструментов. На нем и играет Павел. Сейчас он учится в колледже при Московском государственном институте имени Шнитке, а через два года собирается посту-

пать в Гнесинскую академию. Павлу семнадцать лет. Он трубист. И играет на этом редком инструменте уже шесть лет.

Безусловно, сейчас мало кто из современной молодежи представляет, что такое туба. Да и современную молодежь с тубой в руках или,

простите, в зубах, даже трудно себе представить. Я никак не могла понять, чем руководствовался стильный мальчик Павел, какие чувства и мысли овладевали им, когда он выбрал для себя столь редкий и, откровенно говоря, мало популярный музыкальный инструмент? И, конечно, тут же задала ему этот вопрос.

— Когда я первый раз пришел в музыкальную школу, то даже и не подозревал о существовании тубы. Родители мечтали, что-

бы я выучился играть на флейте, но эта идея мне как-то была не по душе. Ладно бы, уж фортепьяно или гитара... Но фортепьяно требовало места в квартире, гитара казалась банальной. В общем, я стал демонстративно бродить по школе, со скушающим видом. Зашел в какой-то класс, и вдруг увидел нечто громадное, несуразное, то есть, тубу. Инструмент поразил меня и даже заворожил. Я закатил предкам истерику, что хочу учиться играть только на тубе.

— А что сказал педагог на это?

— Ой, у меня был потрясающей учитель! Петр Васильевич Зиновенко — один из последних могикан. Он, как и мой нынешний преподаватель, Александр Петрович Казаченков, ученик знаменитого тубиста Лебедева. Уж не знаю, как, но он тогда сразу услышал, что у меня правильное дыхание, то есть, есть сила дыхания, и как-то понял, что я обладаю некоторыми способностями.

— А каковы твои успехи на сегодняшний день?

— В этом году первый раз ездил с оркестром на гастроли в Германию. Выступали мы в Лейпциге и Берлине. В основном, концерты проходили open air, в роскошных парках. Публика была просто в восторге, а для меня положительная реакция зрителей лучше любых наград.

— А как ты себя представляешь в будущем?

— Солистом оркестра, конечно же. Это намного интереснее, чем быть каким-нибудь экономистом или бизнесменом. Зависеть от политических, финансовых катаклизмов, чьей-то непредусмотрительности и недальновидности. В моей профессии есть шанс одновременно получать большие деньги и большое удовольствие от работы. На сегодня такое совладение, думаю, большая редкость.

— Какие чувства ты испытываешь, играя на любимом инструменте?

— Это очень сложно описать. Когда играю хорошо, то нахожусь на седьмом небе от счастья. Можно сказать, пребываю в музыкальной эйфории, а когда что-то не удается, готов выкинуть свою тубу в окно или как следует долбануть ею об стену.

— Когда-нибудь пробовал это сделать?

— Да нет, пока удавалось сдержаться.

— Может быть, в такие минуты могут помочь любимые музыкальные произведения? Если да, то какие?

— Обожаю "Арлезианку" Бизе, от нее действительно захватывает дух и испытываешь настоящую душевную радость. Могу играть ее до бесконечности, пока соседи не "вскроются" (Смеется). Люблю Римского-Корсакова "Повет шмеля".

— А что терпеть не можешь?

— Такого нет. Все произведения хороши по-своему. А если что-то уж особенно не нравится, стараюсь просто не играть.

— Сколько времени уходит на тубу?

— Часов восемь в неделю на репетиции перед выступлениями. И часа три в день должен заниматься самостоятельно. Но это не всегда получается.

— Соседи, что ли, "вскрываются" и стучат по трубам?

— Раньше стучали. Но сейчас я практически не играю дома, в институте есть репетиционная база, где можно работать практически в любое время.

— Часто прогуливаешь занятия?

— На первом курсе постоянно. В результате нарвался на большие неприятности с преподавателями и понял, что если не возьмусь за ум, то меня просто выгонят ко всем чертям. А вот этого я как раз совсем не хотел. Потому что с первого дня учебы твердо знал, что туба — мое призвание.

— Теперь, значит, ведешь образ жизни прилежного ученика?

— Ну, уж прилежным меня пока никак не назовешь. Я не похож на мальчика-ботаника в палином костюме. Так же как и все обожаю тусоваться. В клубах, правда, редко бываю. Уж очень там шумно и утомительно. Предпочитаю посиделки у друзей. Люблю уютные кафешки, боулинги. Летом катаюсь на агрессивных роликах, зимой — на беговых лыжах и сноуборде. Обязательно хожу в бассейн. Плавание — мое второе любимое занятие после тубы.

— И ты все это успеваешь?

— Стараюсь, но распорядок дня получается весьма напряженным.

— Друзья с пониманием относятся к выбору твоей профессии?

— Да, конечно. Обижаются, правда, на меня за то, что не могу уделить им столько времени, сколько они хотели бы.

— А сыграть на трубе не просят?

— Раньше да. Им интересно было послушать, что может выдать такой диковинный инструмент. А сейчас все привыкли и понимают, что это моя профессия, серьезная работа, а не развлечение от нечего делать.

— А с кем больше общаешься, со школьными, дворовыми ребятами или в основном с друзьями из оркестра?

— Друзей много отовсюду. Компании даже иногда ревнуют меня. То я с одними больше тусую, тогда другие не довольны, то наоборот. В Германии я, например, отлично провел время с ребятами из оркестра. Мы шлялись по клубам, луна-паркам, аква-паркам. Правда, одному моему приятелю очень не повезло, его на концерте в ногу укусил какой-то комар-мутант, и бедняге пришлось все гастроли ходить на костылях. Конечно, помогли ему передвигаться вместе со всеми по "зачным" местам.

— А как дела с личной жизнью? Какие девушки тебе больше нравятся, музыкальные или это не имеет значения?

— У меня есть девушка, она не особо хорошо разбирается в том, что я делаю, но меня это совершенно не волнует. Основная ценность женщины заключается, на мой взгляд, в ее душевности, в хорошем характере и в уме, а не в том, умеет ли она играть на трубе или на каком-либо другом инструменте. И уж, точно, не в красоте. Для меня сейчас главное, что она понимает мою страсть к музыке, и, слава Богу, не обижается на то, что я не могу посвящать ей слишком много времени.

— Ты никогда сам не пробовал писать музыку, например, окрыленный чувствами любви?

— Нет, такого пока со мной еще не случилось.

— А о чем мечтаешь, засыпая?

— О лете, каникулах, о дедовом доме на Селигере, рыбалке. Я ей увлекаюсь с раннего детства, знаю все про рыбы хитрости, интересуюсь всякими прибабасами для рыболовства. Готов часами простаивать у прилавков "Рыболова-спортсмена", чего-то выбирать,

покупать. А на Селигере встаю до рассвета, утро встречаю на озере. Сажу и наслаждаюсь природой, тишиной, восходом солнца.

— Значит, "не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна"?

— Ну, почему. Я в Австрии прошлым летом гостил у родственников в Вене. Тоже там рыбу ловил, на велосипеде катался, купался в Дунае. Потрясающий город для нормальной человеческой жизни.

— Там, по-моему, и с оркестрами всегда было неплохо, и с музыкантами, и с композиторами все в порядке?

— Я понял, что ты имеешь в виду. (Смеется). А там невозможно быть не музыкальным человеком. Помнишь историю, как Штраус свой знаменитый вальс сочинял, катаясь по венскому лесу? Его вполне можно понять. Гуляешь по Вене, везде фонтаны, журчание воды доносится, всюду роскошные парки, дворцы. Слышишь, как шумят кроны огромных деревьев, птицы летают, заливаются, все цветет вокруг, благоухает, воздух чистый. И невольно начинаешь сам что-то насвистывать, напевать. Попробуй тут не стать композитором, музыкантом, певцом. В Вене все условия для этого созданы.

— Вот теперь я понимаю, почему у уличного певца, которого с удовольствием слушала этой весной в Вене, голос звучал сильнее, чем у некоторых солистов Большого. Однако вернемся к трубе. Стыдно сказать, я раньше думала, что труба задействована исключительно в оркестре, сопровождающем похоронные процессии?

— Труба, конечно, там присутствует. Но не только там. Без нее не обходится ни один симфонический концерт. Это самый низкий по звучанию духовой инструмент. Тембр у нее суровый, массивный. Ее роль в оркестре ограничивается исполнением на октаву ниже партии третьего тромбона. Обычно в оркестр входят три тромбона и труба. Иногда для нее пишут самостоятельную басовую партию. Правда, сольные эпизоды для трубы встречаются довольно редко. Например, один из них — мелодия в пьесе "Быдло" из "Картинок с выставками" Мусоргского, оркестрованных французским композитором Морисом Равелем.

— А сколько лет трубе?

— Туба — один из немногих музыкальных инструментов, дату рождения которого мы знаем точно. 12 сентября 1835 года в Берлине был выдан патент на изобретенную басовую тубу. Это инструмент в строе "фа" с пятью роторными вентилями. Затем, уже в 1838 году, была создана тенор-туба в строе "си бемоль". Подобные инструменты стали называть баритонгорнами или тенорбасами. Затем появилась контрабас-туба в строе "до", которая сразу встала в ряд действующих оркестровых голосов. В некоторых оперных театрах Германии вошло в практику иметь даже два подобных контрабаса; один для низких партий, а другой — для высоких.

— А теперь расскажи об истории своей семьи. У тебя, наверняка, кто-нибудь из предков тоже музыкант?

— Нет. У них профессии весьма далекие от музыки. Папа работает на фирме главным бухгалтером, знает несколько языков, участвует в соревнованиях по бегу за команду ветеранов, мама — врач-ортодонт, достаточно высокой квалификации, кстати, очень любит свою работу. Что касается сестры, то она дизайнер. А вот старший брат моего отца действительно в молодости играл на саксофоне. Баловался, так сказать. А вообще по профессии он юрист. Корнями вся моя родня связана с Санкт-Петербургом, с его ближними и дальними окрестностями. И лишь я родился в Москве.

Когда мы распрощались с Павлом, был уже вечер. Я вышла на улицу и стала прислушиваться ко всем звукам. Скрипнула дверь, мяукнула кошка, прошуршал шинами автомобиль, каркнула ворона. Может быть, звучит все не так мелодично, как в Вене, подумала я, но тоже неплохо. Ведь каждому городу нужна своя мелодия, свой оркестр.

Беседовала **Полина ТЕСЛЕР.**

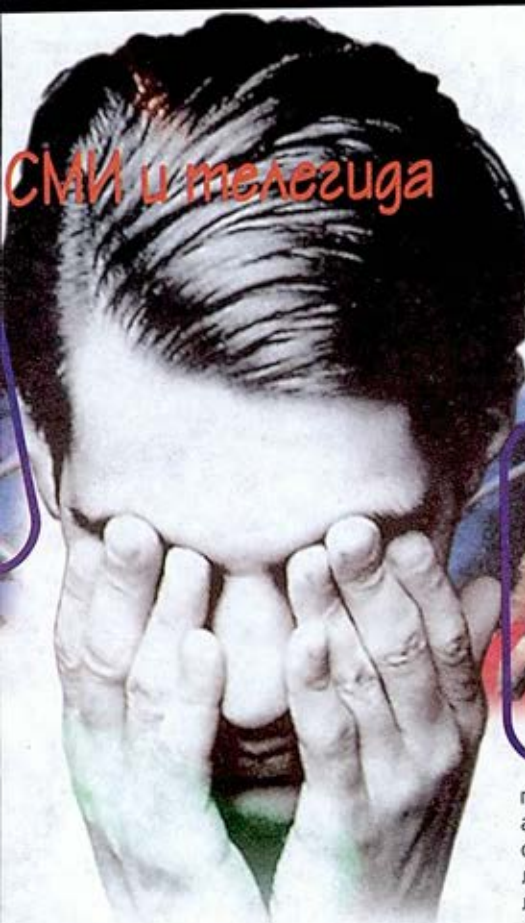
реплика

от обозревателя
Ника Сигарищен

■ За что, Господи?! За что, за какие грехи такая напасть?! Грипп! В Англии трупы уже не умещаются в морги, их складывают в рефрижераторы большегрузных автомобилей, госпитали и больницы переполнены. Очередь на захоронение нужно занимать за месяц до смерти. Европа стоит на коленях. Азия пала под натиском атипичной пневмонии. Страшная лапа СПИДоманской смерти протягивается к горлу. Поблекли ужасы моровой язвы брюшного тифа и лихорадки Эбола. Грипп! От его классификации становится жутко: "Грипп группы "А". Сколько таинственного и зловещего в этом. Разворачиваю газету и содрогаюсь: "В Россию с Запада, через Калининград и с Востока, через Владивосток вторглась эпидемия гриппа. В конце января, начале февраля она обрушится на Москву". Люди, включите на полную громкость моцартовский "Реквием"! Врубая радио "Маяк" и слышу: "Впервые от гриппа стали умирать молодые люди в возрасте от 20-ти до 35-ти лет. В Москве за прошедшие сутки заболело тринадцать тысяч человек". Люди, будьте бдительны! Открываю "МК" и сразу же в глаза бросается кривая роста заболевания гриппом по Москве. Мы беззащитны. Грипп "Сидней", группа "А". Куда смотрит армия?! Пусть жажнет по этому Сиднею из всех ядерных стволов. Черт с ней, с этой Австралией, мир гибнет! Я не вы-

СМИ и телевидега

держиваю, вскакиваю, съедаю две головки чеснока, две луковицы и пять лимонов, пью "ремантадин" и мчусь в аптеку. Как раз перед сообщениями в прессе о вторжении страшной эпидемии туда завезли множество противогриппозных средств и тонны витамина "С". В аптеке очередь, все препараты сметены. Да здравствуют фармацевтические фирмы, спасающие нас от чумы XXI века — гриппа! Вот, возьмите мои деньги и дайте противоядие!.. С карманами, полными таблеток и витаминов, возвращаюсь домой. Сердце колотится от съеденного чеснока, лука и лимонов. Выпиваю профилактическое лекарство, кладу под язык таблетку витамина "С" с глюкозой, ложусь в постель и отчетливо понимаю, что я, еще не заболев гриппом, уже почти умер от него.

Да что там грипп! Я ведь, кроме всего такого, иногда и телевизор смотрю. В шесть утра включаю и уже никогда не выключаю. И ведь живой. Весь в гриппе, но живой! Мой сосед по лестничной площадке (глазок в глазок) Виктор Павлович Гирькин, дубина с бар-менеджерским уклоном, по прозвищу "Недовес", хотя и мой сосед, но, как ни крути, — похож ведь! — на ведущего ток-шоу "Большая стирка". А это уже не просто дрова, как

говорил один мой знакомый столяр из МАИ, а дрова для камина. Если с Малахова сбросить груз требующих стирки лет, то будет вылитый "Недовес". Но если на двадцатитрехлетнего "Недовеса" все это "белье" набросить, то он не будет ведущим ток-шоу "Большая стирка", как же, держите карман шире, он станет владельцем, а не менеджером бара. А с другой стороны, вчера выхожу на улицу, навстречу идет мой сосед Гирькин с дамой за шестнадцать в джинсовой шубе. Я ему говорю: "Привет, сосед". А он мне отвечает: "Хороший сосед — это как жена в медовый месяц". Вылитый Малахов, хотя и Гирькин.

Вот и получается фигня какая-то. Тратишь все заработанные деньги на борьбу с гриппом, которого у тебя нет, почти загибаешься от того, чего у тебя нет, еле живой выходишь на улицу, а навстречу тебе телеведущий Малахов с твоей девчонкой в джинсовой шубе, которая буквально вчера сидела у тебя на коленях и ни фига не думала о последствиях, связанных с просмотром ток-шоу "Большая стирка". ■

В ХОККЕИ

Для многих зима — самое неприятное время года: постоянный холод, мерзлота, слякоть или гололед. На улице находиться неприятно и хочется поскорее в теплую квартиру, под плед, на диван к телевизору. А там показывают хоккей! И вот зима уже начинает восприниматься по-другому. Морозец, снег искрится, появляются бодрость и желание выйти на улицу. И ты вспоминаешь, как совсем еще ребенком с помощью родителей доставал с антресолей коньки, плотные штаны с наколенниками, а из-за шкафа клюшку и отправлялся во двор! А там, на маленьком квадрате дворового катка, уже шла невидимая борьба между выделяющимися пируэты-девочками-фигуристками и снующими между ними с клюшками мальчиками-хоккеистами. В конце концов, кого-нибудь из фигуристок сшибали с ног, и борьба принимала открытый характер.

...А хоккей — это игра, в которой может многое измениться в считанные мгновения. Только что одна команда вела в счете, господствовала на льду, но вот быстрый прорыв, блестящая комбинация, моментальный бросок и счет уже равный. И придется начинать все сначала.

Хоккей — игра для настоящих мужчин, не боящихся ни сильных столкновений, ни летящего со страшной скоростью и силой резинового диска. Игра, не терпящая равнодушия.

Интересна история возникновения хоккея. Принято считать, что его прадедушкой было поло, возникшее в Персии. Но еще известно, что у древних греков существовала игра, напоминающая хоккей, и ее даже включили в программу тогдашних Олимпийских игр. Однажды археологи раскопали стену, которой больше двух тысяч лет. А на ней изобра-

жены молодые люди, играющие в то, что очень напоминает современный хоккей на траве.

А на льду хоккей появился в Канаде в середине девятнадцатого века. Английские солдаты играли в него на замерзшем озере Онтарио. На право считаться родиной первой хоккейной лиги претендуют Кингстон и Монреаль. Но только в США хоккей впервые поставили на профессиональную основу.

ЭК * ХОККЕЙ

Николай КУРАКИН

Этот ящик

МУЖЧИНЫ

Сейчас тем, кто хочет стать профессиональным хоккеистом, придется выложить немалую сумму на покупку дорогой экипировки, необходимой для занятий хоккеем. Это одна из проблем, от которой никуда не денешься. Пусть парень талантлив, у него хорошие задатки и способности, а также желание и азарт, но его родители просто не могут позволить себе такие затраты. Если у детских школ есть спонсоры, готовые помочь, вложить деньги — хорошо, если нет, то... Ведь хоккей самая ско-

ростная игра, тут неизбежно столкновение на большой скорости, падение, удары о борт, потому так необходима специальная амуниция.

Существует еще одна проблема. Заниматься ли этим спортом профессионально и если да, то надо быть готовым к тому, что от многого придется отказаться. Игры, тренировки, бесконечные переезды, перелеты, опять тренировки и игры, и так постоянно. Ни о какой серьезной учебе речи быть не может. Правда, кому-то удается совмещать спорт с учебой, но таких единицы. А ведь далеко не факт, что молодой парень сумеет пробиться в состав одного из профессиональных клубов, не погрязнуть в повседневной изматывающей

спортивной жизни, избежать серьезных травм, которые могут поставить крест на карьере хоккеиста. Это не пустые слова, так как не каждый молодой игрок получает шанс проявить себя.

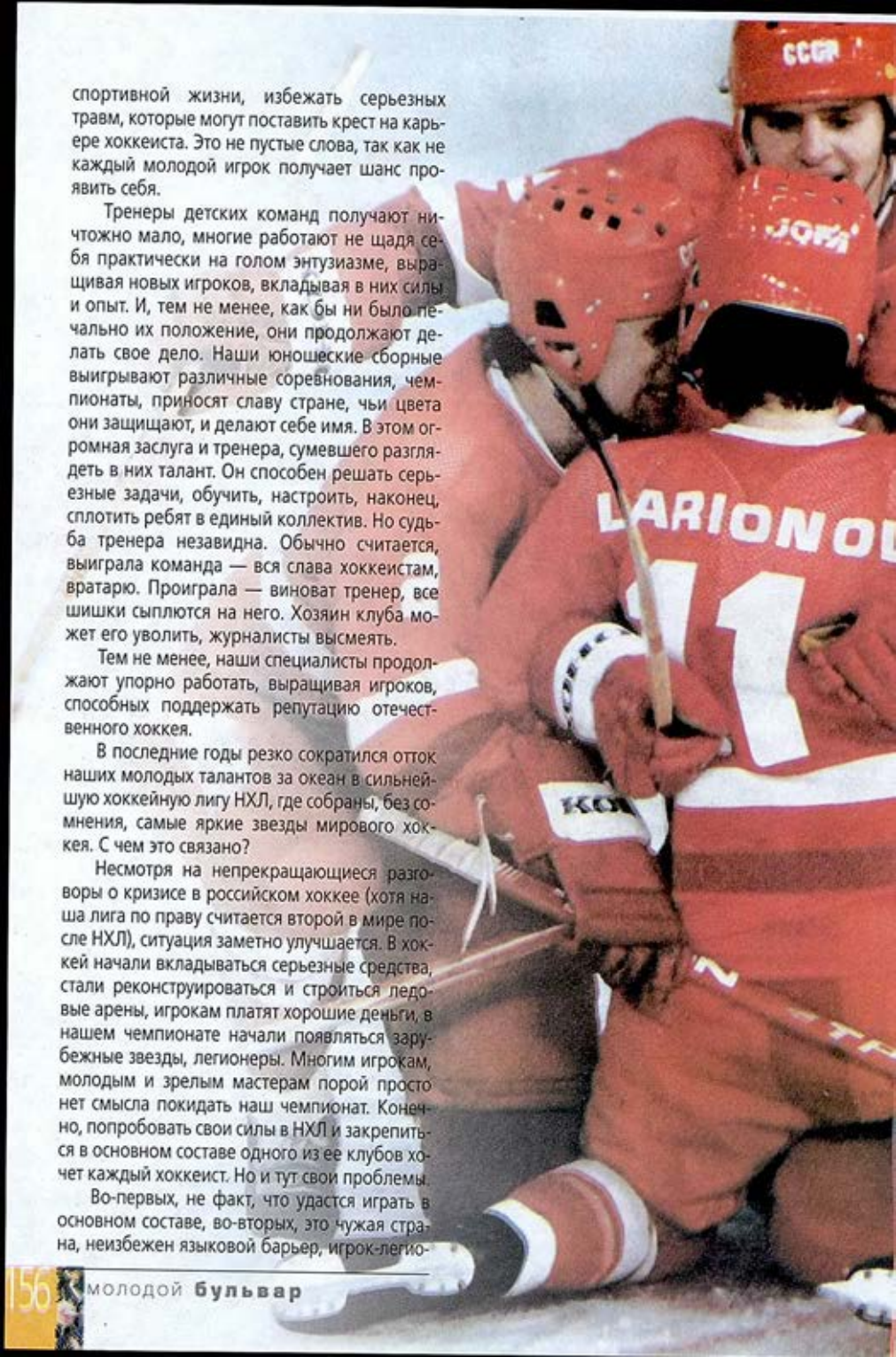
Тренеры детских команд получают ничтожно мало, многие работают не щадя себя практически на голом энтузиазме, выращивая новых игроков, вкладывая в них силы и опыт. И, тем не менее, как бы ни было печально их положение, они продолжают делать свое дело. Наши юношеские сборные выигрывают различные соревнования, чемпионаты, приносят славу стране, чьи цвета они защищают, и делают себе имя. В этом огромная заслуга и тренера, сумевшего разглядеть в них талант. Он способен решать серьезные задачи, обучить, настроить, наконец, сплотить ребят в единый коллектив. Но судьба тренера незавидна. Обычно считается, выиграла команда — вся слава хоккеистам, вратарю. Проиграла — виноват тренер, все шишки сыплются на него. Хозяин клуба может его уволить, журналисты высмеять.

Тем не менее, наши специалисты продолжают упорно работать, выращивая игроков, способных поддержать репутацию отечественного хоккея.

В последние годы резко сократился отток наших молодых талантов за океан в сильнейшую хоккейную лигу НХЛ, где собраны, без сомнения, самые яркие звезды мирового хоккея. С чем это связано?

Несмотря на непрекращающиеся разговоры о кризисе в российском хоккее (хотя наша лига по праву считается второй в мире после НХЛ), ситуация заметно улучшается. В хоккей начали вкладываться серьезные средства, стали реконструироваться и строиться ледовые арены, игрокам платят хорошие деньги, в нашем чемпионате начали появляться зарубежные звезды, легионеры. Многим игрокам, молодым и зрелым мастерам порой просто нет смысла покидать наш чемпионат. Конечно, попробовать свои силы в НХЛ и закрепить себя в основном составе одного из ее клубов хочет каждый хоккеист. Но и тут свои проблемы.

Во-первых, не факт, что удастся играть в основном составе, во-вторых, это чужая страна, неизбежен языковой барьер, игрок-легио-

нер всегда находится под пристальным вниманием прессы и болельщиков, с него всегда очень большой спрос, и первым в проигрыше команды будет виноват именно легионер. Не исключены неприязненные отношения со стороны хоккеистов, чье место он занял.

А в преддверии локаута (вынужденного простоя) некоторые российские легионеры и вовсе вернулись в Россию.

Я упомянул о появлении в российском чемпионате зарубежных мастеров. Благо ли это для российского хоккея? Безусловно, благо. Своей блестящей игрой, мастерством многие из них уже завоевали симпатии и признание болельщиков. А ведь это непросто, российские болельщики строги и разборчивы. Легионеры действительно украсили нашу лигу. Большинство легионеров с лихвой отработывают вложенные в них деньги. У многих из них есть чему поучиться молодым игрокам.

Это касается не только игроков, но и тренеров. Появление иностранных специалистов вначале вызывало у некоторых недоумение, а порой недовольство: мол, что у нас, своих тренеров не хватает?

Но вскоре разговоры такого рода поутихли. Два чемпионских звания, в блестящем стиле завоеванных ярославским "Локомотивом", во главе с чешским специалистом Владимиром Вуйтеком говорят сами за себя. И ярославцы не скрывали своего сожаления, когда пан Владимир покинул "Локомотив", перебравшись на берега Волги, в казанский "Акбарс", серьезно укрепившийся в межсезонье и открыто заявляющий о своих чемпионских амбициях. Правда, другой чешский тренер, знаменитый в прошлом игрок Иван Глинка не сумел выполнить свою задачу, работая в омском "Авангарде".

Проблемы же, по-моему, вот в чем. Хоккей в России — это не только любимая народом игра, но серьезный бизнес, в него сегодня вкладываются очень большие деньги. Спонсоры и руководители клубов, естественно, хотят видеть свою команду в лидерах, одерживающую победы и дающую результаты. Им некогда ждать, поэтому они покупают зарубежных звезд и опытных игроков, сразу дающих результат. Порой это сделать проще, чем воспитывать своего игрока,

вкладывая в него деньги и ожидая, раскроется ли он, оправдает ли надежды болельщиков и вложенные средства. Поэтому некоторые игроки и сидят на скамейке запасных, так и не получив шанса проявить себя. Ведь чтобы раскрыться, нужно играть, почувствовав доверие к своей персоне, хоккеист делает все возможное, чтобы доказать клубу свою необходимость. Но справедливости ради нужно заметить, что в юношеский хоккей тоже начали вкладывать солидные денежные средства, разрабатывать программы развития детско-юношеского хоккея. Таковы реалии.

Но не все так печально. Один из положительных моментов — возрастающий интерес болельщиков к хоккею, ведь поддержка трибуны, что ни говори, так необходима игрокам, даже в какие-то моменты оказывается решающей. А хоккеем у нас умеют любить и ценить. Болельщики могут простить команде поражение, если видят, что игроки бьются, отдавая игре последние силы. Но безволие и равнодушие они не простят. Иногда вслед игрокам с трибун летят оскорбительные выкрики, да и не только выкрики. Порой болельщики не понимают, что если их команда проигрывает, ей необходима поддержка, а не грубые выходки. Существуют разные болельщики. Те, которые искренне любят свою команду, поддерживают ее несмотря ни на что, переживают, радуются, верят. Красочная символика, атрибутика клубов украшают ледовые арены страны. Есть и другие. Но они избирают ледовые арены и места рядом с ними для выяснения отношений между собой, им не нужен хоккей, они ничего в нем не понимают. Они портят атмосферу, царящую на хоккее. Но это другая тема.

Пришла зима, во дворах заливают так называемые катки-коробки, ведь хоккей может быть не только профессиональным, а просто игрой, где главное только игра, остальное не так уж и важно. Даже при отсутствии дорогой экипировки не стоит лишать себя удовольствия выйти морозным ясным днем на гладь льда, блестящего, искрящегося, приглашающего тебя поиграть в замечательную игру под названием хоккей. ■

СЛУЖБА ДОВЕРИЯ

Екатерина
НЕЧАЕВА

■ На АТС были какие-то проблемы с кабелем, и мой телефон не работал в течение трех суток. Телефонисты вырыли траншею во дворе, прямо посреди тротуара, так что в условиях зимней слякоти и мороза ее преодолеть можно было разве что только на вертолете. Их возня с пучками разноцветных проводов, торчащих из свинцовой оболочки, не слишком радовала — электронную почту нельзя было скачать, не говоря уж о том, что куда-то нельзя позвонить и никто до меня не мог дозвониться.

Я уже видел эзанный сон, как среди ночи раздался телефонный звонок.

— Кому это не спится в такое время? Что за срочность? — ворчал я, подходя к аппарату. — Але!

— Але, здравствуйте. Я решил покончить жизнь самоубийством.

— Ну, а я тут при чем? Решил, значит дело надо доводить до логического завершения.

— Это служба доверия?

— Доверяй, но проверяй! Ты хоть бы на часы глянул, я же спать уже завалился, а тут ты со своим самоубийством.

— А что, разве служба работает не круглосуточно?

— Нет, только с девяти до восемнадцати, обед с двенадцати до тринадцати.

— А если мне сейчас захотелось уйти в мир иной?

— Мечтать не вредно. Значит, ты не вовремя туда собрался. Звони после девяти, я тогда буду тебя уговаривать не делать этого. У меня оплата почасовая и платят только за рабочее время. А на общественных началах — поищи других дураков.

— Спасибо! Я уже умирать передумал. — В трубке раздалась гудки.

Я набрал номер дежурной по АТС.

— АТС слушает.

— Слушай, дежурная, зачем вы мне на домашний номер телефона присобачили номер службы доверия?

— На линии была авария, оборвался кабель. Утром восстановим нормальную связь. Какой у вас номер телефона?

— А, тьфу, вот контора!

Я бросил трубку. Походил по комнате, зашел в ванную, посмотрел на свои заспанные глаза и двинулся в сторону кровати, как телефон опять зазвонил.

— Але, это служба доверия?

— Угу, что, вешаться вздумала?

— Нет, порезать вены.

— Твой придурок сбежал к другой?

— Он не придурок, а клевый парень.

— Ага. Сейчас твой клевый с твоей подружкой, а ты вены резать собираешься. Чем ты их резать будешь, кухонным ножом?

— Нет, бритвой.

— Не советую бритвой, лучше кухонным ножом, предварительно затупленным.

— Почему?

— А я откуда знаю. Наверное, кровищи будет больше.

— Я крови боюсь.

— Тогда вешайся.

— У меня веревки нет.

— Занавеска есть?

— Есть.

— Вешайся!

— Карниз не выдержит.

— А ты к люстре привяжи.

— Люстру жалко, мне ее мама подарила.

— Какая тебе разница, ведь ты удавишься?

— Все равно жалко. Ты такой забавный! Может, встретимся?

— Приглашаешь на чашку чая?

— Угу.

— А как же вены, ты что, передумала их перерезать?

— Неохота.

— Ну, блин, ты даешь, я тут сижу, распинаюсь, жду, когда ты уже того, а тут, на тебе: неохота! Может, порежешь вены, а? Мы ведь в морге зарплату получаем, чем больше трупов, тем выше ставка.

— Ха-ха-ха, а ты оригинал, может, все-таки встретимся?

— Только должен тебя предупредить, я четырежды женат, имею восемь детей, шестьдесят три внука и два правнука, не считая многочисленных любовниц. Но это ладно, я могу развестись и на тебе жениться. Так, диктуй имя, фамилию и размер бюстгалтера.

— Зачем?

— Как зачем? Я тебя в очередь запишу. Ты что думаешь, одна такая, кто со мной встречу назначил? Тут очередь. Так, где у нас свободное время... Ага, в следующем месяце, пятнадцатого числа.

— Спасибо, не люблю очередей. Ладно, я еще позвоню, пока. — В трубке раздалась гудки.

Спать уже не хотелось. Я пошел на кухню и заварил кофе. Тут раздался еще один звонок.

— Здравствуйте, спасибо, что позвонили! — Я старался говорить с иностранным акцентом. — Что будем: вешаться, топиться, травиться, резать вены, стреляться? У нас самый большой выбор принадлежностей для самоубийц: шелковые веревки, намыленные лучшей французской косметикой, прекрасные яды из экологических натуральных трав, собранных на Тибете, титановые бритвы для перерезания вен от лучших европейских производителей, мультимедийные джакузи с электрошоком ...

— Это служба доверия?

— Да, служба доверия, с вами говорит сертифицированный специалист, прошедший стажировку в Лос-Анджелесе, доктор Эндрю Краморски. Мы работаем по лучшим западным технологиям служб доверия, оказываем людям, прибегнувшим к суициду, самую квалифицированную помощь. Если вы не в состоянии покончить с жизнью самостоятельно, то можем выслать сертифицированных киллеров, которые за умеренную плату помогут вам. У нас также вы можете заказать весь набор похоронных услуг...

— Проклятые буржуи, и сюда добрались, грязные торгаши!

— Моя твоя не понимает. Это есть честный бизнес. Желание клиента — наша обязанность. У вас есть факс? Мы вышлем вам прайс наших услуг. Не забудьте посетить наш сайт в Интернете: дайбл ю, дайбл ю, дайбл ю, точка, суицид, точка...

— Во, блин! Докатились до точки. Кругом реклама. Послушаешь, и умирать не хочется. — На том конце положили трубку.

У меня, вроде, появилось наконец время допить кофе. Но телефон опять зазвонил.

— Здравствуйте! С вами говорит служба доверия. Рассказывайте.

— Что рассказывать?

— Как докатились до жизни такой? Не хотите про жизнь, рассказывайте анекдот.

— Да что рассказывать. От меня девушка ушла.

— Мне тут час назад звонила девушка, от которой парень к другой ушел. Может, тебе дать ее телефончик?

— Что это за служба доверия? С кем я разговариваю? С психологом или священником?

— Монашка в декрете, а психолог с женой все время стычки устраивал. Она от него сбежала, обзвав психом, он таблеток сожрал несколько пачек, теперь в реанимации валяется. А я патологоанатом. Ты давай, колись быстрее, а то у меня еще работа — один выстрелил себе в голову, и пуля там застряла. Не мог разрывными стрелять, теперь придется делать трепанацию его дырявого черепа и искать эту чертову пулю.

— Вы шутите?

— Какие, к черту, шутки? Все на полном серьезе. А ты какими пулями стреляться удумал, а то смотри у меня!

— Я передумал. — Опять гудки.

Я вдруг вспомнил, что можно скачать электронную почту, и включил компьютер. Но тут раздался еще один звонок.

— Але, служба доверия?

— Она самая. Ну, а ты как решила уйти в мир иной?

— Выпрыгнуть с балкона.

— Какой этаж?

— Четвертый.

— С четвертого и дурак прыгнет. Еще, небось, внизу грядки жильцов с первого этажа, а не асфальт.

— Там кусты.

— Надо с двадцатого сигать и без парашюта.

На том конце воцарилось молчание. А я вдохновенно продолжал:

— Понимаешь, это нашим друзьям из службы спасения удобно. С четвертого ско-
вырнешься в кусты, только руку или ногу сломаешь. Если самоубийца живым останется,
то его надо будет спасать, вынимать, капельницы, реанимация, в общем, сама понима-
ешь, сколько хлопот. А с двадцатого об асфальт шмякнешься, приедет машина, соберет
тебя в целлофановый мешок, и все. Только дворник песком мокрое место посыпет, и как
будто ничего не было. Ну как, договорились, прыгаешь с двадцатого?

— Нет, не прыгаю.

— А что, слабо?

— Страшно.

— А еще самоубийца называется! Ты номером ошиблась, тебе надо было не в службу
доверия звонить, а в передачу "Спокойной ночи, малыши". А мы настоящими самоубий-
цами занимаемся. Клади трубку, не отнимай время, мне сейчас камикадзе должен позво-
нить.

— Извините, я уже хочу жить. — Трубку положили.

Наконец я добрался до компьютера и только притронулся к клавишам — снова зво-
нок.

— Ты сам умрешь, или киллера прислать?

— Извините, это телефонист из АТС.

— А я думал, что друг, который две штуки долларов занял и сбежал. Голос похож. Ну
что тебе, родной, давай быстрее, меня девушка, может, ждет в джакузи!

— Я телефон проверяю, а то кабель порвался, вчера провода перепутали.

— А, это ты телефончик мне так сделал? Я четвертый день факс из Цюриха не могу
получить, чтобы узнать, отправили мне фарфоровую Мону Лизу или нет.

— Не беспокойтесь, все будет в ажуре.

— Давай, друг, шустрой!

Уже светало. Кофе перестал действовать, и меня клонило ко сну. Я выключил компь-
ютер и пошел спать. Только заснул, как опять звонок.

— Ну, блин, кому еще не спится?

— Привет, это я, Марина.

— Какая, к дьяволу, Марина в семь утра?

— Да я тебе сегодня в полночь звонила, вены перерезать хотела.

— Ну, так чего же ждешь, режь быстрее, я хоть выплюсь.

— Да не хочу я ничего резать. Просто позвонила в службу доверия, а мне сказали, что
у них телефон не работал всю ночь. Я на АТС. Телефонист подсказал, с каким они но-
мером перепутали. Вот и нашла тебя. Знаешь, ты мне понравился.

— Ммм?

— Ты спас мне жизнь, и теперь я твоя должница.

— Только не натурой, верни долг деньгами. Имей совесть, я спать хочу. Всю ночь мне
придурки звонили и всех надо было спасать от суицида. Позвони вечером, я к тому вре-
мени выплюсь. Договорились?

— О'кей! Спокойной ночи! Точнее, утра.

Мы подошли к кафе и нырнули вовнутрь. Над стойкой был подвешен телевизор. На
экране мелькали клипы со всевозможной попсой, ритмично ноющей без слуха и голоса,
прыгающей и дрыгающей тем, что танцорам мешает. Снизу шли заказные поздравитель-
ные титры, один из которых гласил:

"Спасибо нашей Службе доверия! Сегодня ночью я узнал, как прекрасна жизнь!
Несостоявшийся самоубийца".

Федор Бондарчук

Одним из первых в нашей стране он занялся клипмейкерством и сделал это своей профессией, но не единственной. Он продюсирует фильмы, выступает в качестве режиссера и актера, ведет телевизионное шоу "Кресло" на СТС, является совладельцем ресторана. Его часто сравнивают с отцом, знаменитым советским кинорежиссером. Но он не боится этого, потому что уверен в себе. Критически относясь ко всему, что делает, требует такого же отношения и от окружающих. Не любит вопросов, касающихся личной жизни, считая, что должен быть интересен прежде всего с профессиональной точки зрения. Обладая хорошим чувством юмора, производит впечатление мужественного, строгого, сильного во всех отношениях человека, хотя по натуре Федор Бондарчук сентиментален и раним.

— Вы родились в кинематографической семье. Стоял ли для вас вопрос, кем быть?

— У меня была достаточно бурная юность, поэтому выбором моей будущей профессии занимались родители. Собирались поступать в МГИМО, на факультет международных отношений. Но дело в том, что в школе я учился плохо и в МГИМО на вступительном экзамене написал сочинение с тридцатью семью ошибками, получил "два" и, несмотря на это, был допущен к сдаче следующего экзамена. К счастью, отец в определенный момент принял очень важное ре-

шение и сказал, чтобы я забирал документы из МГИМО и поступал во ВГИК.

Я понимал, что впереди у меня армия, и что учиться в любом учебном заведении все равно один год. Так что, меня не сильно волновало, где провести этот год. Ну, а в первые же дни учебы во ВГИКе понял — это именно то, чему бы я хотел посвятить свою жизнь.

— Какие у вас остались воспоминания о детстве?

— Полной картины своего детства я не помню, все воспоминания какие-то отрывочные, эпизодические. Но точно помню момент своего перехода из третьего класса начальной в среднюю школу. Тогда все дети, и я в том числе, в конце третьего класса писали корявым языком сочинение из пяти предложений на тему: "Кем бы ты хотел быть..." Я выказал желание стать режиссером мультипликационных фильмов. Не художником-мультипликатором, а только режиссером.

— Вы поступили на режиссерский факультет ВГИКа сразу после школы. Но ведь существует мнение, что на режиссера лучше учиться, имея за спиной какой-то опыт?

— Когда я поступил во ВГИК, мне было 18 лет, а многим сокурсникам на 15-20 лет больше. Действительно, такое мнение есть до сих пор, но я и тогда не был с ним согласен, а сейчас тем более. Считаю, нужно судить не по жизненному опыту, а по способностям, таланту человека. Другое дело, что в то время у нас не существовало кино молодежного. Конечно, снимали фильмы, поднимающие некоторые проблемы молодого поколения, но, к сожалению, зачастую людьми уже солидного возраста, которые "со своей колокольни", и в большей степени непонимания внутренних проблем, решали, как жить молодежи. Согласитесь, совсем другое дело — снимать фильмы про себя, про свое поколение, про то время, в котором живут молодые. Кстати,

ценю в людях преданность и доброту

omy..."

с таким же успехом они могут снимать картины по мотивам классической литературы, просто все зависит от таланта конкретного человека. ВГИК не присваивал бездарным людям таланта, он давал профессионализм — при этом делал это блистательно.

— Считаете себя талантливым?

— Я?? Ну, это нескромно... Наверно, какой-то талант у меня есть.

— Будучи сыном известных родителей, вы рано начали самостоятельную жизнь. Когда ощутили себя по-настоящему взрослым?

— Помню, как я с Кеосаяном (режиссер Тигран Кеосаян), у которого жил дома со своей будущей женой, получил первые деньги за первую работу. Это был ролик Наташи Ветлицкой "Посмотри в глаза".

— Один из первых российских клипов?

— Второй. Первый клип я снял "Моральному кодексу" на песню "До свиданья, мама!" Заработал серьезные деньги по тем временам...

— И в 1991 году тут же организовали студию... Как получилось в 24 года создать Art Pictures?

— Благодаря друзьям: Юхану Саулеру, он учился на параллельном курсе на документалиста, и другу детства Степе Михалкову. Потом к нам примкнули такие же молодые и интересующиеся всем новым люди, они занимались примерно тем же — Рома Прыгунов, Филипп Янковский...

— Не страшно было на первых порах?

— Да нет, никто в этом ничего не понимал. После трех работ мы ходили с неким внутренним секретом, который знали только мы. К тому же, тогда почти никто не разбирался в том, что мы делали.

— Хочется что-то в себе изменить?

— Конечно. Глупо не пытаться измениться к лучшему. У меня, например, много недостатков в характере. Я очень критично отношусь ко всему, что делаю и ни в коей мере не позволю говорить себе, что всего достиг и пора остановиться. В отношении себя считаю, что все только начинается.

— Какие качества цените в людях?

— Преданность и доброту.

— Часто ли в повседневной жизни сталкиваетесь с недоброжелательностью?

— В повседневной жизни приходится сталкиваться с завистью, которую можно расценивать как скрытую недоброжелательность. Иногда просто смешно... Самое главное, что зависть может быть и злобной, а это всегда бывает неприятно. Обычно все происходит на бытовом уровне. Обидно, когда талантливый, не обиженный Богом человек, завистлив: он сразу становится таким маленьким.

— А как реагируете на критику в свой адрес?

— Вообще-то я человек ранимый. Но, условно, если критика есть, — это хорошо. Хуже, когда твоя персона никого не интересует. Но ведь критика может быть разной. Важен интерес с профессиональной точки зрения, нежели, когда интерес распространяется на мою личную жизнь или на марку моей машины.

— Что может вас "выбить из колеи"?

— Человеческая глупость.

— Умеете признавать поражения, которые, наверно, у вас были?

— На мой взгляд, для мужчин хорошая черта — уметь признавать свои ошибки.

— Кого считаете своими учителями?

— В первую очередь, отца. У меня были очень хорошие учителя во ВГИКе: Юрий Васильевич Таланкин, Юрий Николаевич Озеров.

— Каков был ваш дебют в кино?

— В 17 лет сыграл царевича Федора в "Борисе Годунове". Я тогда только начал учиться в институте. Сразу появилась ответственность за картину, ответственность перед людьми, которых я знал всю свою жизнь.

— Ваша роль Пасечника в фильме "Мужская работа", на мой взгляд, отличается от того, что сыграли ранее. Как сами оцениваете эту работу?

— Обозначим эту роль так — Федор Бондарчук в предлагаемых обстоятельствах. Ничего там сложного нет. Просто Тигран Кеосаян — мой друг детства, и я его очень уважаю как режиссера. Поэтому работать с ним одно удовольствие. А те слова, которые говорили разные люди, увидев мою игру, конечно же, радуют. Значит, что-то, наверно, удалось.

— Известность помогает в жизни?

— (Хитро.) Мое твердое убеждение, что в России все так или иначе известные люди работают, в первую очередь, для легкости передвижения и общения с работниками ГИБДД.

— У популярности есть и оборотная сторона, не так ли?

— А я не знаю, что такое оборотная сторона популярности. Поклонники? Дело в том, что я не считаю себя шибко популярным. Да и, честно говоря, не обращаю на это внимания. Есть какие-то бытовые вопросы, но о них рас суджать бессмысленно.

— Говорят, у вас красивый голос. Ваша мама, Ирина Константиновна Скобцева, даже хотела, чтобы вы стали певцом?

— Да, голос есть, слуха нет. Но слух где-то там лежит, далеко спрятанный. В принципе развить можно. Ходил год в Гнесинское училище и выучил композицию из четырех нот, что для меня было каторгой. Тогда спасся от дальнейшего обучения, хотя сейчас жалею.

— К советам прислушиваетесь?

— Нет. Это еще одна моя плохая черта.

— Чем можно вас удивить?

— Кино меня удивляет перманентно. Хорошее кино. Мир такой большой, и вещей в нем такое огромное количество, поэтому интересно очень многое, сразу и не скажешь.

— Телевидение привлекает?

— Что вы?! Конечно! Я думал, что телевизионная площадка стоит достаточно близко к кинематографической, а оказалось — абсолютно другой, потрясающе интересный мир, не имеющий никакого отношения к кино. Для меня телевидение, как английское слово experience: я получил тот опыт, которого мне не хватало. Телевидение можно сравнить с огромной атомной подводной лодкой с большим по численности экипажем, которая постоянно находится где-то внизу, и попасть туда невозможно, и выйти оттуда невозможно. У нее огромное количество антенн, связей с внешним миром. Но все-таки это закрытый агрегат, не доступный для всеобщего понимания. И задачи людей, чьи профессии и в кино, и на телевидении называются одинаково — оператор, режиссер-постановщик, декоратор, — сильно различаются. Программу "Кресло" на СТС делает наш замечательный режиссер Андрей

Болтенко. Многие меня спрашивают, ну вот вы, режиссер по профессии, не возникает ли у вас каких-то своих мыслей по поводу того, что предлагает Андрей. Какие свои мысли? Я попал в абсолютно не ведомый мне мир, где он управляет процессом, а я только изучаю новую для меня сферу, пытаюсь понять, как мне подстроиться под налаженную и очень разную работу.

— Свои передачи смотрите?

— За все время застал на канале СТС эфира три, наверно. Посмотрев от начала до конца первую программу, я для себя все понял.

— Не боялись, не имея опыта, окунуться в телевизионное шоу?

— Очень боялся, это и подстегивало.

— Значит, вам интересно все новое. Но в одежде вы придерживаетесь своего стиля, ведь так?

— Наверно, да. Стиль для меня — внутренняя образованность, внутренняя культура. И дело даже не в марке. Я стараюсь следить за модой, но не уделяю много времени выбору одежды: она есть, и хорошо.

— Я знаю, что вы стояли у истоков создания клубного движения в Москве. С чего все началось?

— Наш клуб работал ночью и назывался "Галерея Арт Пикчерс". Потом — клубы "Булгаков", "Инфант". В какой-то момент клубные увлечения закончились, и началась ресторанная история. Сейчас у нас ресторан "Ваниль".

— У нас — это у вас со Степаном Михалковым?

— Не только. Еще Аркадий Новиков — известный московский ресторатор.

— Как удается совмещать дружбу и бизнес?

— Дело в том, что мы со Степаном партнеры по компании "Арт Пикчерс", по "Ванили" и по другим делам уже лет этак одиннадцать. Мы очень разные, просто полярно разные, поэтому у нас все получается. Мы проверены временем, ведь столько было подводных камней, преград, которые прошли. Поэтому сейчас уже по прошествии времени научились более мудро подходить к совместной работе.

— Вы не считаете, что сейчас в Москве достаточно большое количество ресторанов?

— Нет, ресторанный движением только начинается. Настоящие рестораны в Москве можно по пальцам пересчитать. Есть с чем сравнивать: в Нью-Йорке их 22 тысячи!

— Какой вы руководитель?

— Думаю, хороший, хотя могу быть строгим. Но всегда не доволен результатами своего труда.

— В чем для вас залог успеха?

— Ну, если есть хотя бы капля таланта, остальное все сделает труд. Труд и терпение, самодисциплина, усидчивость. Впрочем, много примеров, когда люди трудом достигали больших высот, не имея таланта, были люди с талантом, но их забыли, они ушли в небытие. Трудиться надо, работать!

— Как относитесь к наградам?

— Когда хвалят — приятно. И получать награды тоже приятно, но отношусь к ним спокойно.

— Какую роль играет для вас в любой работе момент творчества?

— Я много времени трачу на шоу-бизнес, а это не всегда творчество. Иногда бывает заказная работа, то есть, выполняются пожелания тех или иных людей, которые уже заранее хотят получить совершенно определенный конечный продукт. Правда, это тоже можно сделать бездарно и безвкусно...

— Было такое, что отказывались от заказов?

— Нет. Если только не какие-то безумные идеи, которые мне бы не хотелось воплощать и продвигать в массы. Например, если это противоречит моим религиозным устоям, моему воспитанию, или если откровенная безвкусица. Но такое случается редко.

— На сегодняшний день, что в вашей жизни является самым важным, как расставлены приоритеты?

— Раньше — семья и работа. В последнее время, наверно, работа и семья.

— Над чем сейчас работаете, не поделитесь?

— Сейчас все усилия направлены на осуществление проекта "Девятая рота". Одна из главных его проблем заключается в том, что почти вся картина должна сниматься в небезопасных горных районах Таджикистана. Вообще я уже боюсь говорить про этот фильм, уж

столько раз пытались начать съемки... Скажу только, что на роли второго плана приглашены люди, хорошо известные широкой публике, а на первых ролях — пять молодых, пока не столь узнаваемых актеров. На сегодняшний день бюджет картины сформирован и, надеюсь, если все, наконец, сложится благополучно, съемки начнутся в ближайшее время.

— Чем занимается ваша жена?

— Она занимается домом, детьми и мной. У нее много работы.

— Как вам удается столько лет жить под одной крышей с одной женщиной?

— Советов не готов давать, сам еще не разобрался. Не думаю, что моя семья — самый лучший пример для подражания. Лет, эдак, через двадцать пять-тридцать, приходите, пожалуйста, за советами, а сейчас еще рано делать выводы.

— При том ритме жизни, в котором вы живете, часто ли удается общаться с семьей?

— Не очень часто. Хочется больше проводить времени с сыном или с дочерью, или с женой. Не получается, хотя знаю, что это нормально. Во всяком случае, я, имея отца, почти его не видел. В редкие минуты, когда мы с ним общались, он дал мне гораздо больше, нежели сидел бы со мной с утра до вечера. Поэтому, имея такой пример, думаю, мои дети так или иначе впитывают понимание того, как надо жить, что хорошо, а что плохо.

— Творческая семья сильно отличается от обычной?

— Да. Слава Богу, что у меня жена не в кинематографе. Хотя, после восемнадцати лет совместной жизни, она, конечно, человек однозначно кинематографический. Творческие семьи отличаются тем, что родителей почти не бывает дома: отец — режиссер, личность творческая и полностью погруженная в кино, мама-актриса — значит, она на съемках, а если не на съемках, то в семье постоянная трагедия, что безработица и так далее... Такова специфика профессии, которая, несомненно, отражается и на отношениях внутри семьи.

— В детстве не страдали, что вам не уделялось достаточно времени и внимания?

— Пережил... Меня воспитывала бабушка, поэтому любви и тепла лишен не был. Может быть, обо мне заботились даже больше.

— Вредные привычки имеются?

— Курю, бросать пока не собираюсь.

— Здоровый образ жизни ведете?

— Да, когда есть время, хожу в спортзал, правда, давно там не был.

— Какие у вас предпочтения в еде, учитываю тот факт, что имеете собственный ресторан?

— Люблю хорошую кухню. Французскую, итальянскую. Любимая еда — паста и картошка с селедкой.

— У вас двое детей. Какого будущего хотите для них, задумывались об этом?

— Я, конечно, задумываюсь, но особенно не озадачиваюсь. Не удивлюсь, когда Сергей пойдет по моим стопам. Но если жизнь что-то изменит, и он выберет какую-то свою дорогу, противиться не стану. Но пока, по всем показателям, которые вижу со стороны, похоже, что сын будет заниматься примерно тем же, чем и я. А дочка Варвара еще маленькая, она радует нас своим детским восприятием мира.

А вообще я верю в судьбу и считаю себя по жизни счастливым человеком. ■

Беседовала **Алина КОМСКАЯ**

ТАНЦУЮЩАЯ НА СКАЛЕ

Светлана БОЛЬШАКОВА

ми" и свернула с балетной тропы. На дороге еще менее устойчивую, полную неожиданностей и опасностей. Она всерьез занялась скалолазанием.

Многие девочки мечтают в детстве стать балериной. Изыщество, легкость, утонченность, аристократичность. А о чем может мечтать дочь балерины, какое будущее ее ждет, если мама, солистка Большого театра, с детства готовит девочку к сцене? Кажется, именно пачка и пуанты. Ан нет! Алина Долгалева сделала "финт уша-

Случилось это так. Жила Алина в Воронеже с бабушкой, народной артисткой СССР, пока мама покоряла зрителей Большого театра. В небольшом южном городе ребенок был звездой всех утренников в детском саду. А однажды мама привезла дочке маленькие балетки и аккуратенькую детскую пачку. И Алина поступила в хореографическое училище. В одиннадцать лет мама забрала девочку в Москву. И одновременно вышла повторно замуж за мастера спорта международного класса по скалолазанию.

Володя, новый папа Алины, как-то взял девочку на тренировку. Она посмотрела и решила, что скалодром куда интереснее, чем хореографический станок.

— У нас состоялся серьезный домашний совет, на котором все единодушно решили, что я могу сменить род занятий. У меня маленький рост, всего 157 сантимет-

ров, и некоторая склонность к полноте. Следовательно, карьера солистки в балете светила с огромным трудом. А танцевать где-то на последней линии кордебалета мне абсолютно не хотелось, — говорит Алина.

Если быть, так быть лучшей, решила она. И окончательно переехала из хореографического зала во Дворец детского спорта, где находится самый большой скалодром в Москве.

Скалодром устроен следующим образом: к огромным железным стропилам прикреплены деревянные щитки. В специальные дырки щитков вкручиваются деревянные скиты. В свою очередь, в скиты вкручиваются зацепки. Зацепка выглядит как бугорок на стене. Именно за них и цепляются скалолазы при подъемах и спусках. Все зацепки прочные, сделаны из пенокамня. А благодаря вставленным саморезам они являются съемными и могут перекручиваться с места на место. Таким образом, скалодром-стена не является статичным великаном. Он, как живой, перемещает свои частички-зацепочки по своему телу, задавая спортсменам-скалолазам новые задачи.

— У нас три вида соревнований: на скорость, на трудность и болдринг, — рассказывает Алина. — Скорость проводится по хорошим прямым трассам с большими зацепками. Главное в этом виде соревнования — обогнать по секундам соперников. Проще это делать людям высоким: ухватился руками повыше, подтянул ноги, повторил упражнение и уже влез под потолок. А когда я, например, лезу, выглядит очень смешно. Я, как лягушечка, прыгающая по вертикали. Скок, скок — от зацепки к зацепке. Легко, думаете, так прыгать? Не очень. И страшно, вдруг не схватишь бугорок и сорвешься, и руки устают. Зато дух захватывает.

Такой вид соревнования, как трудность, проводится на сложных трассах при маленьких зацепках. На этих маршрутах человек, когда лезет, то “читает трассу”. Прочтет, можно сказать, строку, преодолет препятствие, зацепится карабином, снова подумает.

А для болдинга разработаны специальные скалодромы. Они невысокие, зато с подвывертом: трасса короткая, но сложнопроходимая. Надо быстро придумать, как лезть, и еще быстрее влезть. Получается сложность и трудность в одном флаконе.

В любом виде спорта самым важным является систематичность тренировок. Для скалолазания ни в коем случае не подойдут тренировки от случая к случаю. При разумном планировании дней тренировок и отдыха можно добиться очень хороших результатов в лазании. Трижды в неделю по четыре часа Алина посвящает своему любимому занятию.

Каждая тренировка начинается с разминки. Летом это несколько кругов вокруг спорткомплекса, зимой — километр-другой по беговой дорожке в помещении. Во Дворце детского спорта прогреть огромный спортзал невозможно. За стеклянными стенами минус пятнадцать, а в зале ноль, в лучшем случае, плюс пять. И представьте себе, какво цепляться ледяными руками за ледяные зацепки... Но вернемся к разминке. После пробежки проводится десятиминутный комплекс упражнений на все связки и суставы, начиная от кончиков рук и заканчивая стопами ног. Потом надо ползти по легким маршрутам или просто походить по стене на уровне тридцати сантиметров над полом без страховки, слева направо проползти по скалодрому для

A photograph of a woman climbing a stone wall. She is seen from the back, wearing a black tank top, light-colored leggings, and a red bag. She is reaching up with her right hand to grip a ledge. The wall is made of large, rectangular stone blocks. To the left, there is a large, dark, arched opening, possibly a tunnel entrance. The lighting is bright, casting shadows on the wall.

придания уверенности и для того, чтобы мышцы постепенно вработались.

Ни один скалолаз не забывает, как важны тренировки на общефизическую подготовку. В них включаются подтягивания и зависания на турнике, подтягивания на зацепках, а также отжимания, упражнения на мышцы пресса и спины.

Внизу под скалодромом, по-хорошему, должны лежать маты. Но этот вид страховки нередко отсутствует, на него практически никто не обращает внимания. Но ни один нормальный скалолаз не полезет под потолок без страховочной веревки. Ею соединены два человека — покоряющий высоту и страхующий. Специальная система с карабинами и узлами гарантирует сохранение жизни даже при срыве с дистанции. Сорвавшийся просто повиснет в воздухе на веревке, и страховщик медленно, выпуская веревку, опустит его на землю. Обычно друг друга страхуют люди, которые находятся в одной весовой категории. Ни в коем случае не должно получиться так, что человек, который весит пятьдесят килограммов, страхует человека, весящего девяносто. При таком раскладе страховщик в экстремальной ситуации — при срыве, рез-

ко улетит вверх и не выполнит своего назначения — страховать.

Чаще всего скалолазы работают в закрепившихся парах. Люди преодолевают вместе не одну трассу, знают слабые места каждого. И главное, они доверяют друг другу — доверие в паре играет не последнюю роль. Если ты не уверен в своем страховщике, то лучше посиди на скамеечке, а не лезь на рожон. А то мало ли что...

— Однажды меня уронил партнер, и я сломала руку. С этим человеком в связке я полезла впервые и очень неудачно: на год мои тренировки прекратились. Когда от врачей получила разрешение снова выйти на скалодром, не знала, как поступить. Я просто боялась лазить. Только благодаря друзьям вернулась к скалолазной жизни. Ребята придумывали для меня различные испытания, чтобы отбить страх. Самое веселое называлось "безвыходная ситуация". Меня загоняли вверх на скалодром и закрепляли страховку так, что спуститься вниз банальным путем — при помощи зацепок оказывалось невозможно. Я была ограничена в действии, могла висеть до посинения, а когда посинею, падать. Или сразу прыгать вниз. Чем дольше я висела, тем

страшнее становилось, и сильнее болели пальцы. А прыгать вниз после перелома тоже жутковато. Вот и получалась безвыходная ситуация, которая имела только одно разрешение — полет. Я полетела в таком ужасе несколько раз, а потом до меня дошло, что с хорошим страховщиком можно не бояться лазить.

Теперь у Алины практически нет страха ни перед высотой, ни перед другими опасностями скалолазания. Безбашенная — такое определение ей подходит больше всего. А ведь это пришло к ней только благодаря новым друзьям.

— Мне очень повезло, что у меня такой понтный отчим. Если бы я пришла девочкой с улицы, то до сих пор бы общалась со своими ровесниками. А так, из-за Вовки, я допущена во взрослую команду, которая принимает меня на равных. Ребята постарше сразу же стали заставлять меня лазить, как они. Не загнали, конечно, тут же в сложные маршруты, но очень серьезно подошли к моему обучению. Ты в ответе за другого человека, — объяснили они первым делом. Когда страхуешь кого-то, на тебе лежит огромная ответственность.

Но научили меня и другому в жизни. Будь проще, — улыбались парни, — не парься по мелочам! Я, девочка-пуся, с хорошими манерами, не сразу привыкла к их оторванности, бесшабашности. А потом втянулась в среду. Теперь все ребята в нашей команде — моя вторая семья. Тем более среди них мой молодой человек. У нас разница в возрасте семь лет, но мы отлично ладим. Хотя поначалу у нас возникали ссоры — из-за скалолазания. "Ага, ты идешь на тренировку, а я не могу", — заявляла я. "Стоп, Алина, между мной и тренировкой вставать нельзя. И точка", — отвечал он. Тренировки для него — это самое главное. Постепенно так стало и для меня.

Сегодня Алина имеет первый юношеский разряд по скалолазанию. Это не предел ее мечтаний. Ее минимум — мастер спорта международного класса, то есть, достичь уровня Владимира. Ее отчим мог бы стать и заслуженным мастером спорта по скалолаза-

нию, а такого звания в России пока не имеет никто, но на последних соревнованиях произошла неприятность. Его постоянный соперник, который долгое время дышал Владимиру в затылок, вдруг победил. И его жена тоже обошла всех в своей группе. На всякий случай победителей проверили на допинг и обнаружили его. Первый приз у них забрали, но отдать Владимиру не удосужились. Непризнанный победитель сам разбираться не стал, так дело и заглохло. А то была бы Алина дочкой единственного в России заслуженного мастера спорта по скалолазанию.

Сегодня он устраивает показательные шоу по скалолазанию и экстремальные игры. Алина на них неплохо подрабатывает.

— На показательных выступлениях как мы только не изгаляемся. Например, последний раз устроили змейку из трех человек. Сели друг другу на шею и в таком положении лезли на скалодром. Я как самая легкая была наверху. Конечно, можно подумать, что я сидела себе благополучно на шее у ребят и ничего не делала. Ага! Впервые, надо было подтягиваться на руках, а во-вторых, обхватив ногами человека, держать его и подтягивать под себя. И супер, и ужасно! Ужасно потому, что тяжело, а супер — потому что ощущения неповторимые: и смешно, и интересно, и работа.

Работа бывает нечасто, а веселья и красоты хочется всегда. Наиболее любимым тренажер у скалолазов — акведук. Это огромный мост екатерининского времени на ВДНХ. Альпинисты добились разрешения ползать на акведуке, сделать несколько постоянных зацепок. А то, что происходит у альпинистов, всегда известно скалолазам. Так акведук стал незаменимым летним другом скалолазов. Единственным его недостатком являются иногда возникающие проблемы с московской милицией, которую считают своим долгом вызывать сознательные граждане, копающиеся в близрасположенных огородах. Акведук ведь исторический памятник, первый водопровод Москвы. Вот и придираются прохожие и садоводы к скалолазам. Бояться, видимо, что если один-два человека залезут по стене на мост, то тот рухнет.

— Иногда мы выезжаем тренироваться на естественные трассы — в Краснодар, в Карелию, на Кавказ. Поездки — не обязательная программа, но по возможности я их не пропускаю. Представьте: всей командой жить месяц в палатках, купаться в море, тренироваться. Тренер сразу нам определяет, какую трассу можно пройти с первого раза, а к какой нужно долго присматриваться и примеряться. Но даже когда мы едем без тренера и никто не заставляет нас регулярно заниматься, мы все равно стабильно дважды в день выходим на скалы.

Прелесть естественных маршрутов заключается в их непредсказуемости, дикости, можно сказать. На скалодроме скалолаз практически на сто процентов уверен, что никакая зацепка у него в руке не оторвется. А на дикой трассе, даже при том, что они все проверены, может произойти что угодно. Например, перепилится веревка о какой-нибудь камень или выступ. Скалолаз боится упасть, но все равно лезет. Это у них называется экстрим.

— Скалолазы, с одной стороны, очень аккуратные и собранные люди, а с другой, обожают безумства и экзотику. Они запросто пойдут прыгать с тарзанок, которые сделали своими руками. Прыгают так же и с ахведук и получают от этого кайф. Могут легко разломать чей-нибудь хорошенький горный велосипед, попрыгав на нем по Подмосковным холмам и упав вместе с ним в речку. Кстати, это был мой велосипед. Скалолазы получают кайф от всего, что они делают.

Это нас отличает от альпинистов. Они постоянно перестраховываются, проверяются. Можно, конечно, считать, что альпинистам достается больше экстрима. А я возьму и создам экстрим на скалодроме. Обвязавшись веревкой, прыгну и буду качаться на гигантском маятнике. И адреналина будет до самых ушей. У альпиниста всегда присутствует страх. Он вполне логично боится, что руки могут устать быстрее, чем закончится трасса. Тогда предстоит падение неизвестно с каким результатом. А в нашем спорте экстрим чист, без

примесей других чувств. Это выплеск эмоций и огромный заряд энергии.

Конечно, не все свое время Алина проводит на скалодромах. В дни отдыха важно отвлекаться от скалолазания полностью. Алина постоянно находится в движении. По ее словам, ей надо всегда ощущать, что она что-то делает. Вечный двигатель такой. Она следит за своей младшей сестрой, когда родители на работе, то есть, практически всегда. Ухаживает за бесчисленными животными, живущими у них дома: собаки, экзотические мышки и другая живность. В свободное время Алина танцует, занимается тайбо. И обожает тусовки. Повеселиться с друзьями — самый лучший отдых.

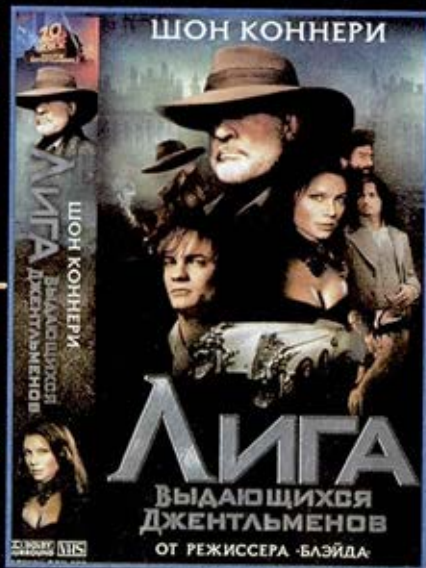
Развлечения развлечениями, а о будущем девушка думает серьезно.

— Сейчас я решила, что буду поступать в МГАХ (Московская государственная академия хореографии) на новый факультет. Он называется организационная деятельность в сфере театра. Сначала я собиралась идти исключительно в спорт, получить профессию и стать тренером. Но так как вся моя семья связана с театром, у меня ведь даже дедушка был актером и режиссером, я хочу получить профессию организатора театральных проектов. А потом, может, и спортивные буду организовывать.

Скалолазание в последнее время становится довольно модным и популярным видом спорта. Молодежь приходит в спорткомплексы, чтобы повисеть на стене, а потом рассказать знакомым, как здорово было смотреть из-под потолка на людей внизу. Какие они там маленьки!

Пришедшему познакомиться со спортом объясняют: вот стена, по которой надо лезть, вот страховка, благодаря которой ты останешься жить. Вот два основных узла, а вот это зацепки. Платишь деньги и развлекаешься, как хочешь. Но это не спорт, это именно развлечение.

— Идти в скалолазание просто, чтобы ползать, не стоит. Надо хотеть чего-то добиться, достичь, стать профессионалом. Тогда желание будет двигателем вперед и вверх. И ты долезешь до главного — до победы. ■

ЛИГА ВЫДАЮЩИХСЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ приключения

США, 2003 г., 1 час 46 мин.
 Режиссер Стивен Норрингтон («Блэйд»)
 В ролях: Шон Коннери, Насредин Шах, Пета Уилсон, Тони Карен, Шэйн Уэст, Стюарт Таунсенд, Джейсон Флеминг
 «Гемини Фильм», ПУ № 221296403

Хотя картина и называется «Лига выдающихся джентльменов», не обошлось здесь и без «леди», на поверку оказавшейся самой настоящей вампиришей. Как и положено в высококлассных комиксах, команда под руководством Алана Куотермейна, бесстрашного искателя приключений, подобралась что надо — кроме названной ранее вампириши, в нее вошли: Человек-невидимка, капитан Немо, Дориан Грей, доктор Джекилл/мистер Хайд, и агент секретных служб США Соьер. Ее несокрушимая мощь в силе семерых — только им под силу справиться с безжалостным маньяком Фантомом, в руках которого сосредоточено страшное и доселе невиданное оружие. Венчают сюжет всевозможные головокружительные приключения и восхитительные спецэффекты, схватки и погони.

КЛУБНАЯ МАНИЯ молодежный триллер

США, 2003 г., 1 час 38 мин.
 Авторы сценария и режиссеры Фентон Бэйли, Рэнди Барбатто
 В ролях: Маколей Калкин, Хлоэ Севиньи, Мэрлин Мэнсон, Сет Грин
 Кинокомпания «Кармен Видео», ПУ № 121010303, ограничения до 16 лет

В основе фильма реальная история о молодых аутсайдерах, имеющих дерзость быть не такими, как все, и потому трагически обреченными на одиночество и ошибки. Произошло все в Нью-Йорке конца 80-х — начала 90-х гг. В группе «клубных мальчишек», ведущих отчаянную разгульно-карнавальную жизнь с бесконечными вечеринками, непомерными алкогольными возлияниями и курением травки, что неминуемо вело к совершению ими неадекватных поступков... Интересен фильм и тем, что их лидера, Майкла Элинга, за убийство наркодилера, на 20 лет угодившего в тюрьму, сыграл Маколей Калкин. Не менее скандальным получился и образ гея и наркомана Джеймса в исполнении Сета Грина, известного по комедиям об Остине Пауэрсе.

КРОВАВАЯ МЭЛОРИ фантастический трэш-хоррор-боевик

Франция, 2003 г., 1 час 35 мин.
Режиссер Жюльен Манья
В ролях: Оливия Бонами, Адриа Колядо, Папийон
ЗАО «Фирма ВДВ», ПУ № 121012803, ограничения до 16 лет

Смешной и стильный коктейль-фильм, тонко пародирующий многие творения полюбившегося молодежи в последнее время жанра трэш-хоррора.

Главная героиня картины Мэлори — милая и сексапильная, выходит на тропу войны с всяческой нечистью после того, как в свою брачную ночь столкнулась с силами мрака. Ее любимый муж оказался демоном. Убивая его и поранившись, девушка случайно инфицировалась его кровью.

Вынужденная балансировать на грани добра и зла, Мэлори вместе с верными помощниками трансвеститом и экспертом по взрывчатым веществам Полой Веной и малолетней немой телепаткой Трещоткой Тинной всегда готова дать отпор всякой нечисти...

ОДИН ДОМА — 4 семейная комедия

США, 2003 г., 1 час 21 мин.
Режиссер Род Дэниел
В ролях: Френч Стюарт, Мисс Пайл, Джоана Гоунг, Эрик Авари
«Гемини Фильм», ПУ № 221296503

Хотя в главной роли давно полюбившегося миллионам непоседы-озорника Кевина МакКалистера, героя славной комедии "Один дома" снялся и не Маколей Калкин, тот давно вырос, фильм почти так же радует новизной некоторых сюжетных ходов и прекрасной игрой актеров. И так, Кевину девять, и он снова готовится встречать любимое Рождество. Одно только омрачает праздник — его родители расстались. Папуля живет теперь у молодой, богатой Натали. Туда-то и отправляется хулиганистый пацан. Натали готовит грандиозную вечеринку, почетными гостями которой должны стать члены королевской семьи. И тут появляются бандиты Марк и Вера, во главе со своей мамашей, вознамерившись похитить принца. Но на их пути снова встает маленький Кевин.

Видеогид Наталья Тендора

* * *

Мне сегодня этот город снится
 Будет, как и прежде.
 И, как прежде,
 Я бегу, не смея удивиться,
 Мимо "Продуктового" к "Одежде".

У меня на лбу большая шишка,
 Но локтями в радостной зелёнке
 Я дарю, растрёпанный мальчишка,
 Свой восторг другим. И как на плёнке

Небо, поделённое домами,
 Тополя верхушками щекочут,
 И оно хохочет,
 Парусами
 Кроны раздувая вдоль обочин.

Улицы, как волны в непогоду,
 На одну другая набегает.
 Конь железный в синюю свободу
 Так же всё копыто простирает.

Как и прежде, я влетаю в запах
 Узеньких тенистых перекрёстков
 И дворов, где каждая собака
 Мне понятней каждого из взрослых.

И уже наутро, скинув крышку
 Веселящего ночного бреда,
 Я увижу в зеркале мальчишку,
 Чересчур уставшего от бега.

* * *

Непогода. Ртуть дневного света
 Разлилась у белого окна.
 Три недели слышит тишина
 Быстрых капель микро-кастаньеты...
 Под окном заброшенной планетой
 Киснет долгожданная весна.

Дождь, что ночью шелестел сонеты
О скитаньях пилигримов-туч,
Днем, как содержание газеты,
Снова усыпляюще-кипуч.

Лист газетный (с обещаньем солнца
В рубрике прогноза) так же сер,
Так же стойко спит на дне колодца
Бликов и активных полумер.

* * *

Каждое утро мне день возвращает на плечи.
И начинает скорее катить его к новому вечеру,
Не уставая шептать потревоженному сознанию,
Что день наш обычно имеет не больше общего с
явью,
Чем наша обычная ночь. И возразить тут нечего.

Каждое утро твердит недоверчивому воображению,
Что абсолютный покой — это лучшая форма
движения.

Мы посему никогда не выходим из дома,
Где та же контора — одна из немногих комнат.
И всё же под вечер надо к себе вернуться,
А самое главное — до вечера не проснуться.

* * *

В перламутровом парке небо
Вызывающе-ненатурально.
В перламутровом парке солнце
По деревьям спускается вниз.
В перламутровом парке лето
Хлопотливо и ненарядно,
Всё старается выполнить к сроку
Хмурой осени каждый каприз.
В перламутровом парке дворник
Замечает алмазную крошку,
Собирает сапфиры на клумбах,
Дарит детям по синей звезде.
А когда приближается вечер,
Достаёт расписную гармошку,
И поёт им весёлые песни
О зелёной тайге.

В петле

оказались и повесившийся на собственном ремне 22-летний Александр Поляков, житель поселка Побединка Скопинского района Рязанской области, и милиция, загнавшая его в тупик

Бизнес "по-скопински"

В письме — боль и слезы. Мать пишет о погибшем сыне. Тот сам оборвал свою жизнь, попав в безвыходную, как он решил, ситуацию.

"...Я мать троих детей, — пишет Нина Алексеевна Полякова. — Их отец умер больше 10 лет назад. А недавно случилось еще одно несчастье. Мой средний сын Саша, 22-х лет, попытался вытащить семью из нужды: попросил у меня занять у соседей большую сумму, сам у каких-то людей сколько-то взял взаймы, купил 79 амортизаторов для "Жигулей" — ими здесь завод расплачивается с рабочими, когда нет денег. Хотел продать их с выгодой в Москве, да на выезде из Скопина грузовик остановила милиция. Амортизаторы забрали, Сашу задержали "за незаконное предпринимательство", хотя здесь, в Скопине и окрестных поселках, большинство только этим и занимается. Ведь на пособие по безработице не проживешь, а у нас почти все скопинские заводы стоят, кроме агрегатного, где эти самые амортизаторы делают. Так вот сын мой не успел ничего продать, какое уж тут предпринимательство. Через день его выпустили. Но амортизаторы не вернули. Долг отдавать нечем, сын целый месяц был в депрессии и в конце концов покончил с собой..."

Почему именно не вернули амортизаторы (или деньги за них), хотя Скопинский горсуд, куда обратилась Полякова, обязал милицию это сделать, было не ясно. И я поехал в недалёкую командировку — всего 5 часов езды на рейсовом автобусе, в Рязанскую область, в районный город Скопин с 35-тысячным населением, с разбросанными вокруг заводами и рабочими поселками.

Признаюсь: не легко было расспрашивать Нину Алексеевну, говорившую сумбурно и нервно. Из сбивчивого рассказа Поляковой проступает невеселая картина жизни семьи. Будто какой-то рок преследует Поляковых. Сама Нина Алексеевна работает здесь же, на небольшом заводе, выпускающем строительную технику, — в бухгалтерии, расчетчицей по зарплате. Старший сын, 26-летний Сергей, безработный. К тому же у него язва желудка, а денег на лечение нет. Младшая дочь Полина — школьница.

Средний, Саша, сразу после 8-го класса, бросив школу, кем только ни работал, чтоб выбиться из нужды. Ходил к матери на завод — пытался освоить то одну, то другую специальность. Но постоянного заработка не было нигде. А тут болезнь старшего брата, перебои в зарплате у матери. Если б не огород возле деревенского дома, который достался Поляковым в наследство от родителей Нины Алексеевны (минут 15 ходьбы до него), то неизвестно, чем кормились бы. Пыталась Полякова устроить свою, как говорится, личную жизнь, но официально зарегистрировать брак так и не решилась, как я понял, и здесь надежной опоры она не видела. Одна надежда была — сын Саша.

А у него, по словам матери, очень впечатлительного, мечта была: разбогатеть сразу. Как многие здесь, подпольной торовлей, не облагаемой налогом. Примеров вокруг сколько угодно: нигде не работающий человек вдруг строит коттедж, откры-

беззакония

Игорь ГАМАЮНОВ

вает магазин, легализуя свой бизнес, ездит на заграничном автомобиле. Но для "раскрутки" нужна хоть какая-то сумма.

И однажды кладовщик предприятия, где работает Полякова, недосчитался нескольких, небольших по весу, "изделий". Милиция довольно быстро нашла их — в сарае возле пустующего дома Поляковых. Сашу немедленно взяли под стражу, суд был скор, но справедлив: увидев перед собой мальчишку, у судей рука не поднялась отправить его в колонию, ему дали 3 года с отсрочкой исполнения приговора.

Тяжело переживая крушение затеи, Саша тем не менее снова стал работать все там же, на мамином предприятии — его, пожалев, на заводе простили. Чего, мол, по молодости не бывает. Да и такое кругом творится: вон с агрегатного завода амортизаторы десятками тащат, вывозят в окрестные города, запасаясь для милиции липовыми справками, что будто бы приобрели эту продукцию у заводчан, продают. А еще уносят из цехов комплектующие детали и в сарайчиках, превращенных в кустарные мастерские, собирают амортизаторы не хуже, чем на заводе, сотнями везут продавать. Людей, живущих таким бизнесом, называют в Скопине "мосольщиками" от просторечного названия амортизатора — "мосол".

А положение семьи Поляковых между тем оставалось неизменным, хроническая нехватка денег угнетала, и спустя какое-то время Саша предложил матери: давай соберем приличную сумму, я куплю амортизаторы, отвезу на продажу — хорошо можно заработать. И мать пошла по соседям — брать в долг. Саша к тому времени в кругу сверстников, несмотря на случившуюся с ним неприятность (а может, как раз и благодаря ей), приобрел некоторый вес, его в компании полшутя-полусерьезно величали Сан-Саньчем, и он, обойдя друзей, сумел собрать не маленькую сумму. Купить "с рук" амортизаторы оказалось легко. Найти водителя с грузовиком — тоже. Единственное, чем не запасся — справкой. Понадеялся: вон сколько ездят без справок — не останавливают. Но его-то как раз и остановили.

Чужие деньги

В скопинском райотделе милиции ни историю задержания Александра Полякова, ни ее трагическое завершение толком не помнят. Да, конечно, прошло время. Но не двадцать же, не тридцать лет, полтора года всего!.. Неужели так очерствели стражи порядка, что чужая беда для них — лишь эпизод криминальной хроники?.. Ответ на это вопрос я нашел, причем — еще более безрадостный, чем можно предположить, но об этом позже. А сейчас о том, что происходило в те дни в семье Поляковых.

Сын, по словам матери, вернулся домой совершенно потерянным. Нет, он не особенно боялся приезда следователя, потому что знал: те, у кого занимал деньги, скажут об этом, в краже милиция его обвинить вряд ли сможет. Продать не успел ни одного амортизатора, значит, и отсутствие лицензии на торговлю (из-за чего обычно

предъявляют обвинение по статье "Незаконное предпринимательство") не станет поводом для его осуждения.

Угнетало Александра Плякова другое: громадный долг. Деньги, которые собрал он и заняла мать, они обещали отдать буквально через несколько дней. А милиция вряд ли быстро вернет ему его "товар". Да и вернет ли вообще? И еще мучила мысль: он, 22-летний парень, у которого есть девушка, готовая пойти за него замуж, оказался таким растяпой. Почему-то другим везет и в более сложных ситуациях, а он не смог выкрутиться. И что теперь делать? Ведь те, у кого он брал деньги, встречаются каждый день на улице и в магазине!.. Им же надо что-то говорить. А что он скажет?

С этими мыслями он жил целый месяц. Старался реже бывать у матери — уходил ночевать в пустующий деревенский дом. Но там тяготило одиночество, по ночам мерещилось, будто кто-то стучит в окно. Всакивал, всматривался в ноябрьскую темень. Метался между Побединкой и Заречным, поселком, где жила невеста — это в нескольких километрах.

У нее были свои сложности: окончила торговое училище, но, не успев проработать года, осталась без места — пришлось становиться на учет в скопинский Центр занятости. Видимо, она была той "соломинкой", за которую пытался ухватиться Александр, и ее слова (она сама потом повторила их его матери) о том, что им обоим сейчас не до женитьбы, он воспринял, как отказ.

Он ушел от нее после этого разговора поздно вечером. А утром его обнаружили висящим на нижней ветке дерева, что стоит напротив ее дома. Орудием самоубийства оказался собственный ремень. В брючном кармане нашли записку. Ее текст по памяти пыталась мне воспроизвести Нина Алексеевна: "Я, Александр Поляков, делаю это в твердой памяти... Нет другого выхода... Мама и все, простите..." Дальше шло обращение к невесте: "Ты молодая, красивая, еще выйдешь замуж..."

Уже после похорон, после разговоров о том, что, может быть, его кто-то заставил это сделать, продиктовал записку, пришла к выводу: сына толкнула на такой шаг не ссора с невестой (это был лишь повод), а мысль о том, что он вместо помощи семье навесил громадный долг. Потому что знал: милиция не вернет ни амортизаторы, ни деньги.

И она поехала в прокуратуру. Там ей сказали: уголовное дело, которое завели на ее сына, прекращено. Причем с формулировкой — за отсутствием состава преступления. Потому что, проведя необходимые следственные действия, убедились: Поляков не украл, а купил свой "товар".

Знающие люди Нине Алексеевне сказали: "Просто так тебе милиция ни амортизаторы, ни деньги не отдаст. У них там особые порядки. Поэтому — только через суд". Городской суд, рассмотрев ее иск к горрайотделу милиции, принял решение: вернуть Поляковой 79 амортизаторов или их стоимость.

Но начальник милиции Кузнецов, к которому Полякова пришла с этим решением, сурово ответил: "Мы бюджетная организация, деньги приходят только на зарплату. Так что платить не из чего". "Тогда отдайте амортизаторы". "Их у меня нет", — ответил Виктор Михайлович. Куда они делись, не сказал. Только сердито добавил: "Мне не на что кабинет отремонтировать, а вы денег просите".

"...Но вот он уже и кабинет отремонтировал, и мебель новую завез, — цитирую письмо Поляковой, — а денег так и не отдал, хотя прошел год, как судебное решение вошло в законную силу".

Я был в этом кабинете. Поднявшись на 2-ой этаж типового здания по искрошенным милицейскими ботинками ступенькам, пройдя по тускло освещенному, уныло-

му коридору, я, постучавшись, вошел к Виктору Михайловичу и остановился у порога. От неожиданности.

Возникло ощущение, что попал не в кабинет милицейского начальника, а в офис богатенького бизнесмена, только что сделавшего евроремонт. Здесь струился мягкий свет. Стены от пола до потолка были отделаны панелями серовато-жемчужного цвета. На окнах белели вертикальные жалюзи. Вокруг длинного совещательного стола стояли изящные стулья с гнутыми спинками. Сам Виктор Михайлович восседал, свободно откинувшись, в высоком вращающемся кресле.

Ни тени беспокойства я не заметил в его лице, когда задавал ему свои вопросы. Хотя он как юрист по образованию не мог не знать: да, он начальник милиции, нарушает закон, не выполняя решение суда...

Следы исчезающих вещдоков

Я пришел к Кузнецову, уже кое-что зная об "особых порядках" в скопинской милиции. Например, о том, что несколько уголовных дел в суде не удалось довести до конца, только потому, что пропали вещдоки, то есть амортизаторы. Милицейские сыщики их суду не смогли предоставить.

Оказывается, "особый порядок" был таким: все изъятые в момент обыска амортизаторы, зафиксированные в протоколе как вещдоки, а потому по закону подлежащие хранению до начала суда, милиция отвозила на агрегатный завод. "Чтоб не ржавели", — объяснили мне в Скопинском райгортделе. Сдавали по накладной, которую подшивали к следственному делу и получали за это 30 процентов от их стоимости. "На социальное развитие", — убеждали меня. Но накладная — не вещдок. Обвиняемый на суде объясняет — не украл, а купил. Или сам собрал. Выяснить это может только эксперт, но не по накладной же. А найти на заводском складе вещдок невозможно — он утонул в море себе подобных.

Операция эта оказалась обоюдовыгодной: всякий раз, после набегов милиции на "мосольщиков", производящих продукцию в своих мастерских, завод перевыполняет план, а милиция "развивается". Покупает автомобили. Оборудует тир. Производит евроремонт в кабинете начальника.

А то, что судебные дела "сыпятся" и уходят на бесперспективное следствие, что измученные бессмысленной судебной процедурой люди проклинали такое "правосудие" и вместе с ним — нашу доблестную милицию, саму милицию не слишком, видимо, тревожит. Потому что, сколько бы из суда к ним ни обращались: "Прекратите незаконную сдачу вещдоков на завод" — не прекращают. За это же деньги платят!

Возможно, идут те деньги отнюдь не только на "социальное развитие", а и на какие-то другие не ведомые нам пока нужды — выяснить это даже районному суду не удалось. Несмотря на упорные обращения в прокуратуру Рязанской области и в УВД. Вот лишь одна цитата из переписки Скопинского районного суда с начальником Рязанского УВД (привожу текст дословно из копий этих документов, хранящихся сейчас в редакции): "...На неоднократные представления вам нашего суда о проведении проверки по фактам хищения амортизаторов, получен из УВД ответ, из которого видно, что УВД не желает всерьез реагировать на факты злоупотреблений и хищений работниками Скопинского ГРОВД, для которых это стало системой и нормой поведения..."

Норму поведения скопинской милиции особенно ярко характеризует такой эпизод. Заподозрив гражданина Ов-ва в хищении заводских амортизаторов, милицейская группа, производившая обыск в доме его матери, прихватила попутно и то, что к делу не относилось: автомагнитола "Пионер" японского произ-

водства, магнитофон "Романтик", водяной насос "Малыш", флягу с медом, два золотых кольца, автошины в количестве 30 штук и даже оконные защелки — 40 штук. Разумеется, в протоколе обыска эти изъятые вещи не перечислены. О них на суде сказали мать обвиняемого и сам Ов-в (кстати говоря, оправданный, так как выяснилось: не крал он амортизаторов, а совершенно законно купил у тех, кому их выдали вместо зарплаты). Факт опустошительного набега милиции на Ов-ва подтверждает и попавшая в руки суда расписка его сестры, подшитая к делу, — сестра дала ее следователю. В расписке говорится о частичном возврате ценностей. Видно, ретивые работники оперативной группы поняли, что переборщили.

Ну а изъятые амортизаторы и комплектующие детали, тоже кровная собственность предпринимателя Ов-ва, "ушли" по проторенному пути на агрегатный завод, где и растворились. Суд, однако, установил, сравнив протокол обыска и заводские накладные: часть амортизаторов все-таки "не дошли" до заводского склада (испарились в пути?), сданы же в основном комплектующие детали.

Что это? Служебное злоупотребление? Открытый грабёж? И кого больше должно бояться население Скопинского района, оплачивающее своими налогами милицейскую зарплату, — бандитов или саму милицию? На эти вопросы должны были ответить прокуратура и управление внутренних дел области, проведя расследование не только истории с Ов-вым, но и других подобных фактов. Но районный суд, отправивший в рязанские инстанции очередное определение с формулировкой: "Суд считает необходимым возбудить по указанным фактам уголовное дело", объективного расследования не дождался. Оперативники, производившие "изъятие вещдоков" у Ов-ва, продолжают свою работу...

Я поинтересовался: неужели так ничего и не меняется в правоохранительных органах области? В ответ мне перечислили должности, на которых случились не так давно кадровые изменения: сменились областной прокурор и начальник областного УВД (именно к ушедшим с этих постов безуспешно апеллировал Скопинский райсуд). Следом произошла смена и в Скопине, между прочим, самом криминогенном районе Рязанской области: появился новый прокурор. И — новый начальник милиции. Да, именно он, Кузнецов Виктор Михайлович, пренебрегший решением горсуда по иску вдовы Поляковой.

Казалось бы, первое, чем должен заняться новый начальник, это исправить ошибки того, кто был до него. А не становиться преемником сложившихся здесь "традиций". Но вот записанные мной на диктофон ответы Виктора Михайловича:

"...Я понимаю, решение горсуда по иску Поляковой надо выполнять, но денег-то нет!..." И такие слова произносятся в том самом кабинете, на ремонт которого деньги волшебным образом нашлись. Интересуюсь их происхождением. "Да, но ремонт не за счет милиции. Нам помогли..."

Кто именно? Кузнецов не говорит. Служебная тайна, наверное. Но, может, он хотя бы объяснит, куда подевались амортизаторы, изъятые у Александра Полякова? Ответ: отдали человеку, который сказал, что эти амортизаторы у него украдены. (Фамилия опять не называется, и здесь — тайна!)

— А почему вы их ему отдали?

— Он утверждает, что это его.

— А если бы я вам заявил, что амортизаторы мои или принадлежат редакции, вы бы и мне их отдали?

Ответ не последовал. Зато последовало нечто, для человека с юридическим образованием невообразимое:

— Мы попробуем решить этот вопрос так... Сегодня я беседовал с этим человеком... Он бизнесмен, для него стоимость этих амортизаторов — не деньги... Я ему предложил их передать Поляковой...

Поразительно! Вначале, поверив на слово, отдают, а теперь, передумав, требуют обратно!.. О каких серьезных следственных действиях, о каком соблюдении законности тут можно говорить?.. Похоже, скопинская милиция тоже попала в петлю беззакония.

Милицейские "игры"

Не хотел Виктор Михайлович говорить о своем предшественнике, перешедшем на другую работу. Но — пришлось. Тот, как выяснилось, оставил Кузнецову в наследство два иска: так же вот исчезли вещдоки, судебные дела рассыпались, и бывшие обвиняемые потребовали вернуть имущество. Или — деньги. Можно было бы посочувствовать Кузнецову. При одном условии: если бы он сам не продолжил делать то, что так успешно делал его предшественник. И не отдал бы амортизаторы Полякова человеку, чье имя он мне предусмотрительно не назвал... И не томил бы — целый год! — Полякову обещаниями: "Вот если появятся деньги, тогда..."

И не услышав от автора этих строк сочувствия, доблестный представитель правоохранительных органов сделал следующее заявление. Цитирую: "... Мы хотим опротестовать решение суда по иску Поляковой". Наверное, потом я бы подумал, что ослышался, если бы его слова не зафиксировал диктофон... "И вы целый год пренебрегали решением суда, чтобы только сейчас его опротестовать?" — уточняю. "Если проиграем, то отдадим, — кивает Виктор Михайлович задумчиво. — Постепенно..."

Словом, скопинская милиция намеревается еще побороться за свои интересы. Потягаться с Ниной Алексеевной в суде. Доказать, что отданные секретному лицу амортизаторы были украдены у этого лица ее сыном. Ну, а если не докажут, тогда... Такие вот у нынешнего начальника скопинской милиции "игры"!.. Причем — на фоне обострения криминогенной ситуации: в Скопине гремят выстрелы, льется кровь, исчезают бесследно люди. Примерно 20 процентов тяжких преступлений остаются нераскрытыми. Но Кузнецову важнее одолеть в суде и без того несчастную женщину.

Кузнецова понять можно: с какой-то там бесправной вдовой, потерявшей еще и сына, увязшей в долгах, справиться легче, чем, например, с крутым бизнесменом, у которого "все схвачено", или с вооруженными бандитами. Но вот чего понять нельзя: зачем нам такая милиция, если она заботится лишь о своем благополучии? Зачем нам содержать таких стражей порядка, которые, уклоняясь от борьбы с истинными преступниками, норовят погреть руки на изъятом имуществе мирных граждан?

Мне скажут: но ведь есть же среди подобных "стражей порядка" честные и мужественные, вон их сколько гибнет от бандитских пуль! Да, есть. Но если ведомство, чья задача — защита законности, возвращает в своих рядах людей, органически не признающих закон, то оно, это ведомство, нуждается в коренном переустройстве. Сверху донизу.

Сверху, вроде бы, началось — с вылавливания оборотней и смене высоких руководящих лиц. Но дойдет ли очередь до низового звена? Да и только ли в смене лиц здеь дело?

История в Скопине убедительно показывает: менять надо не только людей, но и сам характер работы этого ведомства. Как именно? И как скоро это может случиться?..

■
Москва — Скопин.

Дорогие читатели!

Рады сообщить вам, что победителями конкурса "Дари не задумываясь" стали сто наших читателей, которые получают денежную премию в размере 30 процентов каталожной стоимости оформленных полугодовых подписок.

победители конкурса:

ЧЕМЕЗОВА Л.И., Томск, АЛЕШИНА О.А., Московская обл., Долгопрудный, ШЕСТАКОВА А.А., Приморский край, Уссурийск, СЕМКИНА Т.А., Краснодар, МЕЛКОВСКАЯ Т.А., Вологодская обл., Сокол, ЛЕВАШОВА Е.П., Ленинградская обл., пос. Советский, ЕДИГАРЕВА Е.Р., Мурманск, ВЕРНИГОР В.П., Москва, ГИНЗБУРГ Г.Д., Москва, ЕВТИХИНА О.А., Москва, КЛИМКИНА Г. П., Иркутская обл., Нижнеудинск, ПОТЕХИНА Л.В., Томск, СМОЛИНА Т.А., Удмуртия, с. Вавож, ВИНОГРАДОВ Л.В., Кисловодск, СМОЛЯКОВ И.И., Саратов, ШМЯКОВА Ю.В., Волгоград, АВЕРИН В.Е., Рязань, МАРУШКИН А.П., Мурманск, МУРАИДОВ А.А., Мичуринск, ОСТАПЕНКО П.Б., Набережные Челны, СТУПИН Л.Д., Тольятти, КОГАН Э.Б., Брест, ШАШКОВА Т.А., Нижний Новгород, МОРОЗ В.Я., Волгоград, МЕРЗЛИКИН К.И., Челябинск, УВАРОВА Л.Е., Челябинск, КОПАЕВА Г.И., Комсомольск-на-Амуре, РОДИОНОВА Е.Ю., Биробиджан, БОЛДИНА А.Б., Чита, МАКАРОВ И.В., Москва, СТРУКОВ С.С., Люберцы, БРАГИНА П.О., Павловск, ДМИТРУСЕВ В.Л., Витебск, СМИРНЦКИЙ В.М., ДАНИЛЬЧУК В.И., Ставропольский край, ЧИЧЕРИН А.В., Минеральные воды, ШИПАЧЕВ В.Ю., Мичуринск, БАБИНА А.К., Кемерово, БАБАЕВ Н.Н., Рыбинск, БОКОВ А.С., Ярославль, АРИСТОВ В.Н., Калуга, БИРЮКОВА А.В., Дубна, ГРОЗНАЯ Д.И., Иваново, БАСОВ Н.Ю., Ступино, НЕМЦОВ В.Ф., Анапа, ДАРЬКИНА Е.С., Бодайбо, СОЛОВОВ С.С., Нижневартовск, ИЛЬИНСКИЙ О.П., Оренбург, ЕРЕМИН Б.В., Старый Оскол, ИСТОМИНА Г.В., Архангельск, НОВОЖИЛОВА И.Д., ФОКИНА Л.А., Кустанай, БУРЦЕВ И.И., Кубань, БУШУЕВ М.М., Оренбург, ЧЕРНОВ В.П., Серпухов, КОЛМОГорова Н.В., С.-Петербург, ДЕМИН А.Д., Волоколамск, КОВТУН Ю.С., Тернополь, РУБАН Л.В., Барнаул, ШЕЛЕПКО А.В., Балашиха, АНИКИНА П.Л., Ростов, ЕЛИЗАРОВ Б.А., Тверь, БРАГИН П.Н., Углич, СТЕПАНОВ И.П., Смоленск, ПИЛУГИНА В.А., Иркутск, ДОБРОХОТОВ В.Ю., Махачкала, СИЛАЕВ В.Ф., Полтава, ИЗМАЙЛОВ Ю.К., Алтайский край, КАПУСТИНА И.А., Кинешма, ОВЧИННИКОВ М.В., Жуковский, ОЛИН А.В., Саранул, КАРАСЬ И.В., Москва, МИТРОХИН В.Ю., Анадырь, СИНИЦЫНА Н.Н., Абакан, БЕЛОГЛАЗОВ Е.Т., Муром, ХУДЯКОВ А.В., Майкоп, БЛОХИН И.Б., Екатеринбург, ПРОНИН Е.Е., Тамбов, ГЛУШКО О.В., Новогорск, РЯБИНКОВ И.Л., Щелоково, ЗИНОВЬЕВ Н.С., Краснодар, ПОРЯДКОВ А.В., Жуковский, ГЛАДКИХ А.Т., Курск, БОКУРСКАЯ Л.И., Якутск, НЕМЧЕНКО Г.Д., Юрьев, ГУСЬКОВ Г.И., Чита, КОЛУПАЕВА Н.А., Тверь, МИРОНОВ А.А., Железнодорожный, ДОРОЖКИН В.М., Нальчик, ПРИВАЛОВ В.П., Надым, ЧЕРНИКОВА А.Р., Волгоград, ГРЕБНЕВ П.Л., Киров, ОРЛОВСКАЯ Л.Л., Калезин, МАСЛОВ И.А., Петрозаводск, МАРКЕЛОВ Г.Ю., Старый Оскол, МАРИНА Е.А., Орел, ВЕРИЖНИКОВ Ю.А., Орел, БАЙКОВ К.О., Иркутск, ТУМАКОВА А.Г., Красноярск, МАЛЫШЕВ А.О., Новочеркасск.

четыре
пятилетки
задорного
качества

23 февраля
отмечает
свой первый

«взрослый» юбилей еженедельник «Собеседник»

В феврале 1984 года вышел в свет первый номер первого в СССР цветного общесоюзного еженедельника, — газеты для молодых, не приемлющих черно-белых тонов ни в жизни, ни в прессе. Однако, по иронии судьбы, первый номер «еженедельного иллюстрированного приложения «Комсомольской правды», задуманный еще при жизни Андропова, вышел сразу после его смерти в тех самых черно-белых тонах. Дальше пошло веселее, и тираж «Собеседника» в рекордные сроки достиг 1 миллиона 350 тысяч экземпляров. Еженедельник пользовался в СССР такой популярностью, что в день его выхода у киосков выстраивались очереди желающих купить новый номер. Киоскеры продавали «Собеседник» «по благу» по цене 1 рубль, несмотря на то, что газета стоила 20 копеек.

В 1992 году произошёл мирный «развод» «Собеседника» с «Комсомольской правдой», и еженедельник зарегистрировался как самостоятельное издание. С тех пор независимая позиция «Собеседника» является его фирменным знаком.

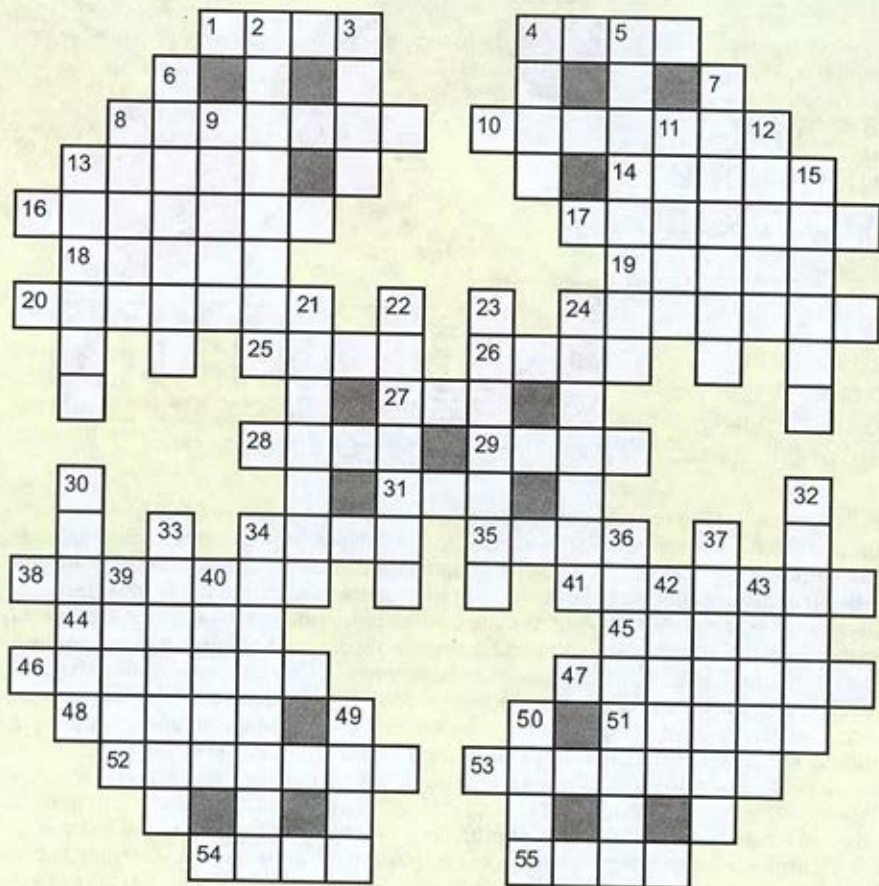
Долгое время еженедельник был культовым изданием для тех, кому тогда было 20. С «Собеседником» — прислушиваясь к его мнению, споря или разделяя его позицию, шутя или плача, взлетая или падая, — они прожили эти 20 лет. Перемахнули, презрев все законы истории, из СССР — в Россию, из планового социализма — в рыночную экономику, из застоя и внешне равного для всех благополучия — в риски и головокружительные карьеры.

Мы повзрослели: читателям «Собеседника» теперь заметно за тридцать, и он, двадцатилетний, беседует с ними на равных о том, что их волнует — о политике и экономике, о здоровье и любви, о детях и семье. Золотые перья журналистики, звездпад персон, острые темы, ироничность и оптимизм — таков «Собеседник» сегодня. Ему было о чем поговорить с читателем в эти 20 лет. А жизнь подбрасывает все новые и новые темы для разговоров. Благо «Собеседник» для подобных контактов всегда под рукой.

Сергей Беседин

Редакция журнала «Смена» искренне поздравляет коллег с заслуженным праздником!
Желаем дальнейших успехов
и веселых юбилейных мероприятий!!!

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Народ на юге Китая, у которого последний слог имени отца становится первым слогом имени сына. 4. Горовосходитель, покоряющий Парнас на Пегасе. 8. И безворсовый настенный ковер, и ряд подстриженных кустарников. 10. Дубина стоеросовая. 13. Пернатая рыбачка. 14. Суть послания трех злобных баб царю Салтану после родов его жены. 16. Вид искусства, основанный на рисунке. 17. Житель шахтерского города на Урале, куда Сталин после войны загнал немало бывших советских пленных. 18. Прекрасный подарок Парису от Афродиты. 19. Поборник морали, плюющийся на общественную. 20. Старинное название алмаза. 24. Древняя страна мореплавателей и торговцев на восточном побережье Средиземного моря. 25. Классический коллектив, способный либо спеться, либо спиться. 26. Красавица, племянница римского императора Домициана, за ласки обожествленная им после ее смерти. 27. Живая вещь в античные времена. 28. Па-

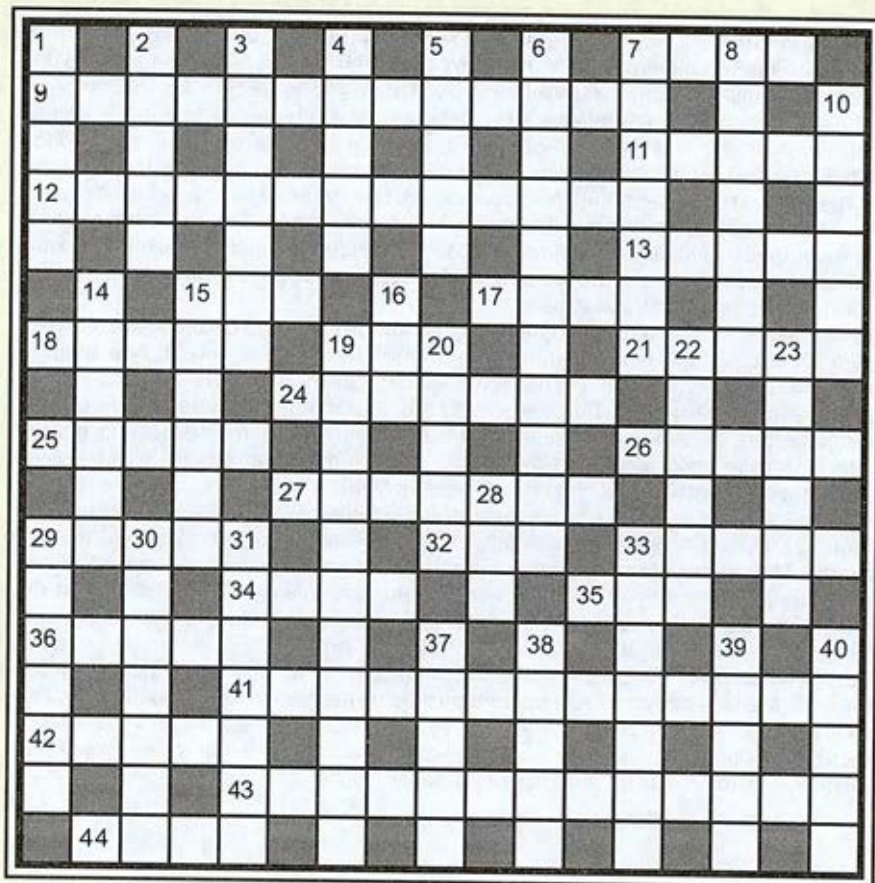
рень не промах. 29. Звуки, идущие от доведенных до изнеможения бурлаков или больных. 31. Прозаический жанр, увлекающий сутяг. 34. Остров Афродиты. 35. Министр зеркальных болот в повести В. Губарева "Королевство кривых зеркал". 38. Первый легкий день недели. 41. Средневековое объединение купцов или ремесленников. 44. Любовные отношения с интересным сюжетом. 45. Борец с сором, поднимающий пыль столбом. 46. Самая разрушительная сила на Земле. 47. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания. 48. Документ, какой на экзамене тащат. 51. Лесная работа, производящая пни. 52. Русский историк, который либо фантазировал, либо владел документами, позже утраченными. 53. Духовой музыкальный инструмент русского изобретения. 54. Косой спринтер. 55. Илья Арнольдович в "отцах" Остапа Ибрагимовича.

По вертикали. 2. Двоякодышащая рыба, чье открытие стало биологической сенсацией XX века. 3. Время хождения в гости Винни Пуха с Пятачком. 4. Руль ведьмы, летящей на ступе. 5. Знания "ходячей энциклопедии". 6. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 7. Повреждение тела. 8. Наглядный элемент измерительного прибора. 9. "Лимитная" певичка. 11. Знаменитый певец, ГУЛАГом расплавленный за свое стукачество, из-за чего он так и не захотел уехать из Магадана. 12. Оппонент крестика. 13. Название Софии в IX-XIV веках. 15. Старинное оружие; большой топор с лезвием в виде полумесяца. 21. Книга с описанием лечебных растений. 22. Пушка-"умертвительница". 23. Старинный русский сорт крупноплодной вишни. 24. Всякое животное, питающееся только растительной пищей. 30. И пернатый хищник, и поборник войны. 32. Свая для причала судов. 33. Охотник из тургеневских "Записок охотника", никогда не кормивший свою легавую Валетку. 34. Раздел механики. 36. "Налетай, не скупись, покупай...!" (реклама смешной троицы в комедии "Операция "Ы"). 37. Земледелец на поле, цветущем по-небесному. 39. Мелкое округлое или шарообразное минеральное образование. 40. Клевета, наговор. 42. И отверстие в улье, и русское название бадминтона. 43. Многоместное кресло. 49. Единица частоты колебаний. 50. Знаменитый норвежский лыжник, "однофамилец" индийской столицы. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Буря. 5. Люрекс. 10. Мензбир. 12. Железо. 13. Стукачка. 14. Челеста. 15. Йогурт. 17. Цинизм. 18. Ведро. 19. Веред. 25. Рильке. 26. Квинтилиан. 28. Юдина. 29. Зарница. 30. "Спрут". 33. Индивидуум. 34. Форель. 38. Калла. 39. ...Хулио... 43. Лосьон. 45. Японка. 46. Ошейник. 47. Штандарт. 48. Клуатр. 49. Даренья. 50. Пергам. 51. Щель.

По вертикали. 1. Белуга. 2. Резерв. 3. Серебро. 4. Узбек. 5. Лиственница. 6. Юрта. 7. Евклид. 8. Сичкин. 9. Джойс. 11. Заумь. 16. Тезка. 17. Цехин. 20. Урядник. 21. Плана. 22. Свинтус. 23. Дисплей. 24. Инсульт. 27. Мандельштам. 31. Авран. 32. Нория. 35. Мурильо. 36. Глушь. 37. Эстамп. 38. Кондор. 40. Ополье. 41. Январь. 42. Лавры. 44. Эйзен. 46. Орда.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 7. Президент Франции, один из организаторов Антанты. 9. "Цветок" нашей бездеятельности. 11. Старинное русское название добра, пожиток, скарба. 12. М. Сарьян по отношению к группе художников в 1900-х годах. 13. Самый сильный джинн. 15. Инженер Центра управления НАСА, воскликнувший, когда "Аполлон-11" сел на Луну: "Это настоящее приключение! Такое бывает раз в жизни! Это все равно, что быть в команде Колумба!" 17. Английский поэт, чье имя звучит, как колокол; это у него Э. Хемингуэй взял эпиграф к роману "По ком звонит колокол". 18. Другое название хандры, овладевшей Евгением Онегиным в пушкинском романе. 19. Среднеазиатская разновидность древнегреческого пифоса. 21. Торгово-политический союз северо-немецких городов (их число доходило до 90) во главе с Любеком. 24. Одна из четырех "букв" генетического кода. 25. Страна, где знак свастики тысячи лет считают символом счастья. 26. Литовское

племя, долго и упорно отстаивавшее свою религию и независимость от немцев. 27. Космический объект со знаком минус по отношению к нам. 29. Огромная старинная литавра, чьими звуками перед битвой устрашили врага. 32. Растение, чей белок равноценен животному белку. 33. Два русских шкалика. 34. Непередаваемо чарующие слова М. Цветаевой: "Поэт — издалека заводит ... Поэта — далеко заводит...". 35. Кий, Хорив, ... 36. Бельгийский архитектор и мастер декоративного искусства, один из теоретиков функционализма. 41. Романтизм — юность культуры, реализм — зрелость, декадентство — последний всплеск эмоций стареющей женщины, ... мудрая старость. 42. Краска, какой придавали красивый цвет нюхательному табаку. 43. Установление оси астрономического или геодезического инструмента в правильное положение. 44. Шестая часть дирхема во времена Фирдоуси.

По вертикали. 1. Самая загадочная по происхождению собака, не поддающаяся одомашниванию. 2. Участь на языке церкви. 3. Пушкинский "интеллектуал", сватавшийся к Марье Ивановне, но получивший отказ и мстящий ей, а значит, по дворянским понятиям, подлец. 4. Торжественное вступление в средневековой Европе костюмированных персонажей в бальный или пиршественный зал. 5. Разбойник на доске в клетку. 6. Монастырь, подчиненный непосредственно патриарху или синоду. 7. Немецкий тенор, ставший композитором, продолжавшим традиции зингшпиля. 8. Теоретик советского террора, автор подлейшей книги "Экономика переходного периода". 10. Размолвка, ссора, натянутые отношения. 14. Азиатка, никогда не входящая в свое жилище в обуви. 15. Певчая птица, чьих наиболее крупных самцов птицеловы называют "графами". 16. Самая древняя и крупная из ныне живущих черепах. 19. Варварский способ хозяйствования. 20. Французский живописец-миниатюрист, 20 лет работавший в России, а позже — при дворе Марии Антуанетты. 22. Основа нашатырного спирта. 23. "Глава халдейских мудрецов, гадатель, толкователь снов" из "Евгения Онегина". 28. Одежда волжского утеса из песни о Стеньке Разине. 29. Восточный праздник, символ воскресения, бесконечности жизни. 30. Конкистадор, первым из европейцев увидевший Тихий океан. 31. Морской житель, называемый в книге "Фрегат "Паллада" И. Гончарова "слизняком с шишками". 33. Самая крупная крачка. 37. Сказочный герой, воплощение русской лени. 38. Помрачение, до которого можно наклоняться. 39. Французская провинция, за антиреволюционные мятежи лишенная в 1790 году этого статуса. 40. Швейцарский астрофизик, прославившийся работами о космических шарах.

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Эпика. 7. Жердь. 10. Фелинолог. 11. Ассессор. 12. Хирот. 13. Ноздрев. 14. Рубин. 15. Стрит. 16. Тачка. 21. Шеша. 22. Стегно. 26. Югер. 27. Бисмарк. 29. Егав. 30. Пака. 31. Ноль. 32. Гнев. 34. Канцона. 35. Эйве. 36. Геворк. 37. Миро. 39. Илава. 43. Родий. 45. Закат. 46. Целозия. 48. Потир. 50. ...дротики... 51. Мишкоатль. 52. Шадуф. 53. Улисс.

По вертикали. 2. Пастух. 3. Кассирер. 4. Меропа. 5. Синдик. 6. Хорек. 7. Жох. 8. Египтяне. 9. Диорит. 10. Фон. 16. Табаков. 17. Чесанки. 18. Асанова. 19. Реклама. 20. Тюрго. 21. Шелег. 23. Трон. 24. Огайо. 25. Эвней. 28. Икар. 33. Версиму. 35. Эргастул. 38. Лойола. 40. Леохар. 41. Вридро (временно исполняющий должность лошади). 42. Панкус. 44. Чешки. 47. Ярь. 49. Риф.

Я ДМИТРИЙ ЕМЦА:

ПОЗВОЛЯЮ
СВОИМ ДЕТЯМ
ВСЕ!

Еще несколько месяцев назад имя Дмитрия Емца было известно лишь школьникам, увлеченно, взхлеб читающим многотомную эпопею о приключениях юной волшебницы Тани Гроттер. Однако недавно все начало меняться: в общественном транспорте все чаще можно увидеть вполне взрослых людей с книжками Дмитрия. В чем причина растущего интереса взрослых к, казалось бы, детской книге, мы решили спросить у самого автора.

— Дмитрий, что же интересно взрослым в ваших книгах?

— Мне кажется, что все довольно просто: дети воспринимают один пласт повествования, а взрослые видят и другой, более глубокий. Просто школьники не всегда в состоянии понять ту или иную цитату, тем более, зачастую, завуалированную. К примеру, не все дети могут понять, почему шумных нимфеток, ревящихся на драконобольных матчах, пугают каким-то дядькой Набоком и почему шустрые девицы так боятся этого мифического дядьку. Взрослому же человеку подобные вещи объяснять не надо.

— А каковы настольные книги писателя Емца?

— В основном на данный момент это мемуаристика XIX века. Есть некая здоровая часть филологии. Толстой. Из XX века — Аверченко, Тэффи, Булгаков, Ильф с Петровым, Шолохов. Вообще, читаю много и постоянно, причем очень много “качаю” просто по Сети. В среднем прочитываю или просматриваю 4—5 книг в неделю.

Кроме того, на уровне хобби я очень люблю ходить в букинистические магазины маленьких городов, где бывают отличные книги, которым там попросту не знают цены.

— Вы строгий отец? Чего вы не позволяете своим детям?

— Боюсь, я позволяю им все. Иногда вполне терпеливо смотрю, скажем, как они рисуют на моих рукописях или отдирают обои, только потому, что они не прыгают в это время у меня на голове. И это при том, что у них есть няня, и большую часть времени они проводят с ней и с женой.

— Сколько лет вашим детям? Особенности характера каждого из них?

— Сыну Ивану 5, Наташке 3, Кате 1 год. Иван раньше казался мне директорского такого плана личностью — важный, солидный, с толстыми щеками. Сейчас он малость понизился в должности и тянет где-нибудь на завгара. Выходит на улицу и приветствует своих ровесников на площадке: “Привет, мужики!”

Наташка, она вроде как семейная красавица. У нее куча закидонов, и она любит подходить к телефону. Сама придумывает себе фамилии и имена. Катя — жизнерадостная отважная карапузина, у которой шрам на лбу, как у Гарри

Поттера, и у нее же нет переднего зуба после неудачного укуса кухонного уголка. Она его победила, но он ей отомстил.

— У вас есть произведения для взрослых, но в основном они представлены только в интернете. Почему?

— Проблема современной литературы в том, что писатель психологически воспринимается издателями и читателями в одном каком-то амплуа. То есть, Донцова — это иронический детектив, Акунин — стилистические варианты классики, а Емец — детские книги, сатира и юмористическое фэнтези. На самом деле, люди намного шире и могут куда больше, но массовому читателю это не слишком заметно по причине узости самого жанра. То же самое с актерами — один, например, воспринимается режиссерами только как герой-любовник, а другой только как иностранный шпион. И очень трудно сломать привычное о себе представление. Через некоторое время действительно начинаешь верить, что это твое, и шаг в сторону — попытка к бегству. Вот и рассказы — это моя попытка к бегству.

Публиковать же то, что мне действительно дорого, я не вижу особого смысла.

По большому счету, читатель и то, как он меня воспринимает, для меня не слишком важно. Главное, поступательное творческое развитие.

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Иллюстрация: Илья Савельев. Фото: Александр Савельев. Дизайн: Александр Савельев. Фото: Александр Савельев. Дизайн: Александр Савельев.

КОМПЬЮТЕРЫ БИЗНЕС-КЛАССА

Красивое решение любых задач!

Компьютер K-Systems Irbis на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper Threading

Розничные продажи:

ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000, МИР (095) 780-0000,
М.ВИДЕО (095) 777-777-5

Москва (095) 495-167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556
www.k-systems.ru